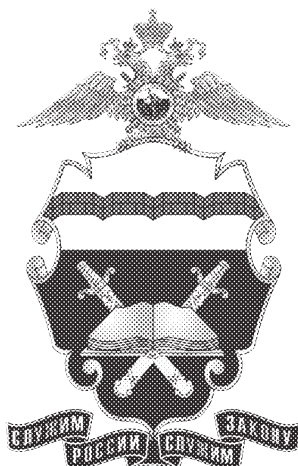

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

Журналу 30 лет

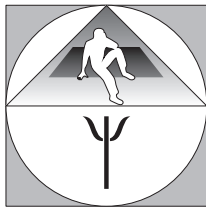

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 30
№ 3(102) июль – сентябрь 2025 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 30
No 3(102) Jule – September 2025**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2025. Том 30, № 3(102)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

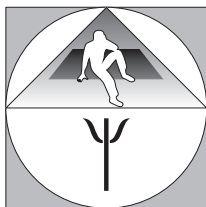
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
В. А. Адольф, д-р пед. наук, проф. (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева)
И. Ф. Андриушин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антилогова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
В. И. Барко, д-р психол. наук, проф. (Харьковский национальный университет МВД Украины)
М. Блашкова, д-р психол. наук, проф. (Полицейская академия Чешской Республики)
А. В. Булгаков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. В. Вахнина, д-р психол. наук, проф. (Университет прокуратуры РФ, Москва)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
В. В. Векленко, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
Х. Х. Джейми, проф. военной психологии (Университет Англия Раскин, Великобритания)
М. А. Ерофеева, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
С. Ю. Жданова, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
Э. Р. Исхаков, д-р мед. наук, проф. (Уфимский юридический институт МВД России)
А. Карпова, д-р социальных наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет)
М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина)
В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. М. Красноядцева, д-р психол. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
И. Б. Лебедев, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, Воронеж)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлинный, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, проф. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
А. Н. Сухов, д-р психол. наук, проф. (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина)
П. Т. Тюрин, д-р психол. наук, проф. (Балтийская международная академия, Рига)
О. А. Ульянина, д-р психол. наук, доц. (Российская академия образования, Москва)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Н. В. Ходякова, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)

Е. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)
Редакционный совет
В. Л. Кубышко, канд. пед. наук (МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
В. Н. Александровская, д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф. (Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького)
К. Апдеш, д-р философии (Оборонный институт психол. исследований (ДИПР), организации оборонных исследований и разработок Министерства обороны, Индия)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Буряков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
И. В. Гайдамашко, д-р психол. наук, проф. (Сочинский государственный университет)
Г. Г. Гонсалес, д-р пед. наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
А. В. Глазков, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
В. А. Гусев, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
В. Ф. Енгальцев, д-р психол. наук, проф. (Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского)
В. О. Зверев, д-р ист. наук, доц. (Омск, Россия)
Ф. К. Зиннуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Карпачев, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ)
В. Н. Ковалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Малых, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
М. Мэтью, д-р психологии, проф. коммуникации и психологии (Оксфордский университет, США)
А. Н. Пастушова, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Руван Джаятунге, врач по психическому здоровью в армии Шри-Ланки, психотерапевт (Онтарио, Канада)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
В. Л. Ситников, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаульский юридический институт МВД России)
Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Д. В. Четвериков, д-р психол. наук (Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Слонимкова, Омск)
Ян Инвэнь, д-р права (Чжэцзянская академия СМИ и коммуникаций, КНР)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор А. Ф. Караваяев. Редактирование, корректура М. В. Виноградовой. Компьютерная правка и верстка М. Ю. Чалковой. Перевод, корректура Ю. И. Алферовой. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии): Россия, 644092, г. Омск, пр-кт Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://pp.omamvd.ru>. Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС 77-74589 от 24 декабря 2018 г. Выход в свет: 30.09.2025. Тираж 120 экз. Уч.-изд. л. 15,4. Усл. печ. л. 14,4. Заказ № 224. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2025

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 30, No 3(102). 2025

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

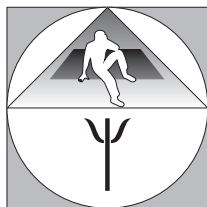
The Editorial Board

G. D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor — *Assistant chief editor* (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. A. Adolf, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Krasnoyarsk, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Science (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Tyumen, Russia)
V. I. Barko, Doctor of Psychology, Professor (Kharkov, Ukraine)
M. Blashkova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Bratislava, Slovakia)
A. V. Bulgakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. V. Vahnina, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
I. V. Vachkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Science (in Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Science (in Political), Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Science (in Law), Professor (Irkutsk, Russia)
H. H. Jamie, professor of Military Psychology (Kambridge, Great Britain)
M. A. Yerofeyeva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
S. Y. Zhdanova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Perm, Russia)
E. V. Zautorova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Ufa, Russia)
A. Kárpava, Doctor of Social Science, Associate-Professor (Granada, Spain)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Voronezh, Russia)
E. A. Naumenko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Urgench, the Republic of Uzbekistan)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Science (in Pedagogy), Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Sukhov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Ryazan, Russia)
P. T. Tyurin, Doctor of Psychology, Professor (Riga, the Republic of Latvia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
N. V. Khodyakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
Yu. A. Sharanov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
A. S. Sharov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
M. S. Yanitsky, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

The Editorial Council

V. L. Kubyshko, Candidate of Science (in Pedagogical) — *chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
A. G. Abdullin, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
V. N. Alexandrovskaya, Doctor of Science (in Philosophy), Doctor of Science (in Psychology), Professor (Donetsk, Russia)
K. Updesh, Ph. D. (New Dehli, India)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Science (in Political) (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
I. V. Gaydamashko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Sochi, Russia)
G. G. González, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor (Granada, Spain)
A. V. Glazkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
V. F. Engalychev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kaluga, Russia)
O. V. Zverev, Doctor of Science (in History), Associate-professor (Omsk, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
V. N. Kononov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
A. G. Maklakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
M. Matthew, Doctor of Psychology, Professor of Communication and Psychology (New York, USA)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
Ruwan Jayatunge, Mental Health Doctor in Sri Lanka Army, Psychotherapist (Ontario, Canada)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
V. L. Sitnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Science, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Science (in Psychology) (Omsk, Russia)
Yang Yingwen, Doctor of Law (Zhejiang, China)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Moscow, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation». Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address (printing house): Russia, 644092, Omsk, pr-kt Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration entry PI No FS 77-74589 dated December 24, 2018. Issued: 30.09.2025. Circulation: 120. Published sheets 15,4. Conventional printed sheets: 14,4. Order No 224. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2025

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2025. Том 30, № 3(102)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Золотенко В. А.
Субъект правоохранительной деятельности
в контексте трансдискурсивной психологии 254

Белодед Д. Р., Алмазова Т. А. Изучение
психологической резильентности личности
в информационно-цифровом пространстве. 262

Коноплева Е. А., Канунников Р. И. Взаимосвязь
личностных характеристик и жизнестойкости
у слушателей высших образовательных
учреждений МВД России. 271

Киселева Е. А., Кузьмина О. А., Горбунова М. И.
Самоактуализация личности курсантов. 277

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Кильмашкина Т. Н., Забегалина С. В.
Методологические аспекты управления
социальными конфликтами 286

Рассудова Л. А. Профессиональная деформация
педагогов учебного центра войсковой части 293

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВОНАРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Качкина Л. С. Социально-психологический
портрет осужденного, склонного к побегу
из мест лишения свободы 299

Никульченкова Е. В. Кибераддикции
как детерминанты виктимности жертв
кибермошенничества 306

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Арпентьева М. Р., Валеева Г. В., Меньшиков П. В.,
Коптяева С. В. Образовательная самостоятельность
в профилактике и коррекции массового
и индивидуального насилия 311

Кузнецова О. Е., Ермолин В. В. Особенности
представлений о полицейском у телезрителей
новостной программы областного телевидения
(на примере Архангельской области) 320

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Ульянова И. В. Служебно-профессиональное
воспитание курсантов образовательных
организаций МВД России в условиях
организованного досуга. Часть 1. Литературно-
музыкальная гостиная «Наша культура» 327

Кипреев С. Н. Исследование сформированности
типов патриотизма у обучающихся
Кубанского государственного университета
и Краснодарского университета МВД России 337

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА СПОРТА, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бабушкин Г. Д., Бобровский В. А.,
Бобровский А. В. Исследование качества
соревновательности у спортсменов различной
квалификации и видов спорта 345

Зверев С. Л., Асеева А. Ю., Филатова Н. П.
Совершенствование силовой
подготовленности квалифицированных
спортсменов-гандболистов 351

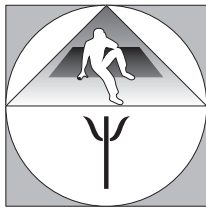
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Буряков С. К., Филимонов А. Г. Природа
русской власти и история народного
представительства в России 358

Алафьев М. К., Ревягин А. В., Алафьев К. М.
Полицейские меры против раскола
в русской православной церкви
в период правления Николая I (1825–1855) 365

Информация для авторов 372

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 30, No 3(102). 2025

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL, PROFESSIONAL TRAINING AND RELIABILITY

Sharanov Yu. A., Kobozev I. Yu., Zolotenko V. A.
The Subject of Law Enforcement Activities
in the Context of Transdiscursive Psychology 254

Beloded D. R., Almazova T. A. Study
of Psychological Resilience of a Person
in the Information and Digital Space 262

Konopleva E. A., Kanunnikov R. I. Correlation
of Personality Characteristics and Life Resilience
in Students of Higher Educational Institutions
of the Russian Ministry of Internal Affairs 271

Kiseleva E. A., Kuzmina O. A., Gorbunova M. I.
Self-Actualization of the Cadet Personality 277

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TENSION AND CONFLICTOLOGY

Kilmashkina T. N., Zabegalina S. V.
Methodological Aspects
of Social Conflicts Management 286

Rassudova L. A. Professional Deformation
of Teachers at the Training Center
of the Military Unit. 293

PSYCHOLOGY OF DELINQUENT BEHAVIOUR

Kachkina L. S. Socio-Psychological Profile
of the Convict Prone to Escape
from Penitentiary Facilities. 299

Nikulchenkova E. V. Cyber-Addictions
as Determinants of Victimization
of Cyberfraud Victims 306

PSYCHO-CORRECTION AND REGULATION OF STATES

**Arpentieva M. R., Valeeva G. V., Menshikov P. V.,
Koptiaeva S. V.** Educational Autonomy
in the Prevention and Correction
of Mass and Individual Violence 311

Kuznetsova O. E., Ermolin V. V. Peculiarities
of Visions about Police in TV News Program
of Regional Television (on the example
of Arkhangelsk region). 320

PEDAGOGICAL SCIENCES

GENERAL PEDAGOGY, THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION, LEARNING AND UPBRINGING

Ulianova I. V. Service and Professional Education
of Cadets of Educational Organizations
of the Russian Ministry of Internal Affairs
in conditions of Organized Leisure.
Part 1. Literary and Musical Room «Our Culture» . . . 327

Kipreev S. N. Study of Formation of Types
of Patriotism in Students of Kuban State University
and the Krasnodar University of the Russian Ministry
of Internal Affairs 337

THEORY AND METHODS OF SPORTS, PROFESSIONAL PHYSICAL TRAINING AND HEALTH IMPROVING PHYSICAL CULTURE

Babushkin G. D., Bobrovsky V. A., Bobrovsky A. V.
The Study of the Quality of Competitiveness
in Athletes of Different Qualifications
and Types of Sports. 345

Zverev S. L., Aseeva A. Yu., Filatova N. P.
Improvement of Strength Training
of Qualified Handball Players. 351

JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Buriakov S. K., Filimonov A. G. The Nature
of Russian Power and the History of Popular
Representation in Russia 358

Alafiev M. K., Reviagin A. V., Alafiev K. M.
Police Measures against the Split
in the Russian Orthodox Church during
the Reign of Nicholas I (1825–1855). 365

Information for authors 372

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Morally-psychological and professional training and reliability

Научно-теоретическая статья

УДК 159.99 © Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Золотенко В. А., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-254-261

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Субъект правоохранительной деятельности в контексте трансдискурсивной психологии

Юрий Александрович Шаранов, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии¹; niospba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

Игорь Юрьевич Кобозев, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии¹; igorkobozev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3008-7886>

Василий Анатольевич Золотенко, кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридической психологии¹; vazolotenko@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0008-7329-7710>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1, Россия

Реферат. Введение. В условиях сетевого общества, основанного на цифровой вовлеченности граждан в активную социальную жизнь посредством сетевых инструментов, необходима разработка новой (трансдискурсивной) методологии юридической психологии и психологии безопасности, позволяющей построить диалоговую форму общения представителей власти и управления с населением, носящую открытый, просоциальный характер, ориентированную на защиту государственных интересов, поддержание устойчивого общественного порядка, защиту прав и свобод граждан. Цель — описание субъекта правоохранительной деятельности и особенностей его континуального взаимодействия с различными группами общества в рамках концепции трансдискурсивной психологии. **Материалы, результаты и обсуждение.** Анализируется тенденция к постоянному усложнению правовой системы государства, появлению новых угроз общественной безопасности, связанных с активным внедрением во все аспекты жизнедеятельности современного общества цифровых систем, приводящих к появлению и развитию методов информационно-психологической защиты от гибридных угроз, опирающихся на дискурсивные технологии. Рассматривается деятельность властных структур, пытающихся контролировать уровень субъектности общества в целом и отдельных его активных членов, на фоне стихийно растущей потребности общества в субъектности, открытости и прозрачности во взаимодействии с властью. Раскрывается потенциал трансдискурсивной психологии в интересах совершенствования правоохранительной деятельности на основе реализации субъектности сотрудников органов внутренних дел. **Выводы.** Обосновывается положение о необходимости развития теории и практики трансдискурсивной психологии правоохранительной деятельности, позволяющей отвечать на современные вызовы функционирования правовой системы государства и юридического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, трансдискурс, методология, субъект, психосемантика, семиогенез, правоохранительная деятельность, правопорядок

Для цитирования: Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Золотенко В. А. Субъект правоохранительной деятельности в контексте трансдискурсивной психологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 254–261. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-254-261>

Scientific and Theoretical Article

UDC 159.99 © Sharanov Yu. A., Kobozev I. Yu., Zolotenko V. A., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-254-261

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

The Subject of Law Enforcement Activities in the Context of Transdiscursive Psychology

Yrii A. Sharanov, Honoured Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Professor at the chair of Legal Psychology¹; niospba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

Igor Yu. Kobozev, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Legal Psychology¹; igorkobozev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3008-7886>

Vasiliy A. Zolotenko, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Legal Psychology¹; vazolotenko@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0008-7329-7710>

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1 Letchik Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract. Introduction. It is necessary to develop a new (transdiscursive) methodology of legal psychology and psychology of security, which provides building an interactive form of communication between representatives of the government and management with the population, which is open, pro-social, oriented to the protection of public interests, maintenance of sustainable public order, protection of citizens' rights and freedoms. The objective is to describe the subject of law enforcement activity and characteristics of its continuous interaction with different groups of society within the framework of the concept of transdiscursive psychology. **Materials, Results and Discussion.** Under analysis is the trend of constant complication of the legal system of the state, emergence of new threats to public security associated with active introduction in all aspects of life of modern society of digital systems, leading to the appearance and development of methods for information and psychological protection from hybrid threats based on discursive technologies. The activity of power structures trying to control the level of subjectivity of society as a whole and its individual active members is considered against the background of the naturally growing need of society for subjectivity, openness and transparency in interaction with power. The potential of transdiscursive psychology is revealed in order to improve law enforcement activities on the basis of realization of subjectivity of law enforcement officers. **Conclusions.** It is proved necessary to develop theory and practice of transdiscursive psychology of law enforcement activity, which will ensure the response to modern challenges of functioning of legal system of the state and legal discourse.

Keywords: discourse, transdiscourse, methodology, subject, psychosemantics, semiogenesis, law enforcement activities, law and order

Citation: Sharanov Yu. A., Kobozev I. Yu., Zolotenko V. A. The Subject of Law Enforcement Activities in the Context of Transdiscursive Psychology. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 254–261 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-254-261>

Основные положения

1. С трудом пробивает себе дорогу современная тенденция, смысл которой состоит в том, чтобы человек не просто владел родным языком, а был в центре интересов общества, в сердцевине понятийного аппарата «человек-в-культуре». Как утверждал в связи с этим Л. С. Выготский, бесконечный человеческий потенциал реализуется только в ориентации на культурно-ценностные идеалы и принципы [1], т. е. сегодня приходится говорить не только об антропоцентрическом, но и о социоцентрическом подходе к человеку.

2. Многочисленные исследования субъектогенеза, в том числе в русле постмодернистской концепции практик современного человека, доказывают, что методы виртуальной, отраженной и возвращенной субъектности позволяют максимально индивидуализировать и контролировать степень психологического воздействия на личность и укреплять ее обоснованную уверенность в своих собственных силах, культивировать здоровый оптимизм. Основу этого подхода составляет сформулированное В. А. Петровским положение о том, что, обретая качество субъекта, человек проявляет способность к самодетерминации собственного бытия. При этом личность человека предстает в качестве саморазвивающейся системы, включающей в орбиту своего движения других людей как носителей его идеальной представленности и продолженности [2]. От идеи свободы сегодня мы переходим к идее ответственности человека за реальные последствия его действий, за эффекты его собственного развития и развития других людей.

3. Стремительное развитие современного общества порождает необходимость формирования нового научного инструментария, позволяющего учитывать и повсеместно использовать новые цифровые технологии

и новые дискурсивные механизмы управления и контроля состояния правопорядка.

4. Для обеспечения устойчивого развития общества и надежного поддержания правопорядка необходим учет все возрастающей темпоральности субъектности общества, парадигмальной континуальности всего спектра диалога субъектов властных структур и правоохранительных органов на основе использования просоциальных трансдискурсивных технологий. Одним из ключевых эффектов использования трансдискурсивной психологии выступает психосемантика обыденного сознания гражданина, имеющего право знать, как решается проблема законности, правопорядка и безопасности в обществе, какие стандарты свободы ему гарантированы.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Многообразные и многомерные системы правоохранительной деятельности формируются, развиваются и существуют в междисциплинарном дискурсе субъектов права, власти, управления и безопасности, а потому отражаются в языке власти, в различных языковых стратегиях и референциях субъектов правоохранительной деятельности. При этом сам механизм семиозиса социального порядка и безопасности, согласно идеям Ю. М. Лотмана, работает на затруднение контакта и понимания [3]. Отсюда идея диалога с гражданами в рамках осуществления правоохранительной деятельности является системообразующей, но диалог всегда происходит на разных языках, с трудностями, и всегда с надеждой на понимание, потому что одновременно работает не только механизм унификации языка власти и управления, но и механизм разнообразия трансдискурса права и культуры.

В ситуации повышенного социального многообразия, порожденного модернизацией российского общества,

традиционный дискурс власти и управления перестал отвечать современным целям повседневного, непрерывного диалога с населением. В свою очередь, тенденция к возрастанию сложности правовой системы государства и ценности власти в управлении обществом, а также неопределенность поведения политических элит в сфере идеологии и ценностей привели к обострению противоречий между субъектностью властных структур и усилением бессубъектности значительной части населения. Тем самым актуализация процессов институционализации и развития трансдискурсивной психологии выступают результатом имплицитного стремления властных структур, осуществляющих управление обществом, к завоеванию большего доверия и народной поддержки путем повышения уровня субъектности населения. Как показывает опыт, далеко не каждый гражданин демонстрирует стремление к гражданской активности, а потому способен спокойно переживать отсутствие запроса на проявление его активной жизненной позиции. Более того, часть своей свободы гражданин безропотно передает в руки желающих заниматься политикой, предпринимательством, государственным управлением, военной и правоохранительной службой. Человек может проявлять себя в качестве субъекта избирательно или частично, демонстрируя способность к саморефлексии, т. е. к активному построению отношения только к себе [4]. Другими словами, свойства субъектности как определенное качество отношения к жизни — модус творца, деятеля человек может проявлять в своих собственных интересах, для того чтобы достичь личные цели своей жизнедеятельности. И в этом смысле важно переживание личностью модуса «я могу», «я хочу», «я делаю», в ходе чего человек обретает в себе качество субъекта собственной жизни [5]. Многочисленные переживания субъектности «я могу» в свернутом виде уже содержатся в каждом поступке личности как субъекта. Нужны специальные условия и усилия самой личности, чтобы окончательно состояться свободным субъектом, автором своей собственной жизни.

Именно индивидуальный опыт субъектности составляет ядро свободы личности, в том числе субъектности коллективной, социальной, предопределяющей готовность личности действовать в мире других людей, вносить значимые вклады в жизни других людей. Личность как коллективный субъект — это уже другой уровень субъектности личности, сотрудничающей и вступающей в диалоги с другими людьми, ответственный деятель [6], способный ставить и реализовывать цели, быть рефлексирующим, свободным, развивающимся [7].

Сегодня обществом переживается запрос преимущественно на субъекта социального, обладающего силой витальной связи личности с настоящим и будущим своей Родины, готового беззаветно служить обществу и народу. Территория такой формы субъектности имеет тенденцию к непрерывному расширению благодаря трансдискурсивным практикам работы с различными группами населения.

Новым моментом является присутствие в повседневной жизни людей событий войны. Именно событийность

такого рода обладает наиболее мощным субъектнопорождающим потенциалом. Для многих жителей страны появилась реальная возможность выйти за рамки своих наличных возможностей и проявить свою надличностную субъектность в оказании помощи и поддержки участникам специальной военной операции (далее — СВО), всем людям, которые в ней нуждаются. Значимость позиции субъектности населения стала проявляться и в повседневной требовательности к созидательной активности всех органов государственного управления, власти и правоохранительной деятельности.

Однако некоторые представители элиты, власти и управления, на словах декларируя открытость и прозрачность своей деятельности, готовность поставить ее под полный общественный контроль, на деле недооценивают интересы государства и нередко преследуют свои узкогрупповые цели, оставляя в этом смысле часть населения бессубъектной.

В свою очередь, органы внутренних дел представляют собой силовую структуру, которая уже по своему статусу обладает общепризнанной субъектностью в области охраны общественного порядка и защиты членов общества от преступных посягательств, способную осознанно принять на себя ответственность за безопасность общества. При этом необходимо учитывать, что в условиях проведения СВО субъектность населения стремительно расширяется. В обществе набирает обороты движение волонтеров. Экстремальные добровольцы в инициативном порядке участвуют (или содействуют) в решении задач Минобороны, МВД в СВО, рискуя собственным здоровьем и жизнью [8].

Субъектом (волонтером, добровольцем) может выступать любой человек, способный к соучаствующей деятельности и проявляющий созидательную активность во взаимоотношениях с государством или обществом. Традиционный диалог представителей власти и чиновников органов управления с населением, ограничивающий субъектность людей избыточным контролем и подозрениями, страхом потерять свой авторитет и влияние, становится уже неактуальным. В условиях сетевого общества, цифровой вовлеченности граждан в активную социальную жизнь посредством сетевых инструментов становятся востребованными трансдискурсивная технология и психология общения и управления представителей власти населением. Цели и смыслы трансдискурсивной психологии задаются самим субъектом, носят открытый просоциальный характер, мотивированы стремлением защитить государственные интересы и оказать помощь отдельным людям.

Цель — описание субъекта правоохранительной деятельности и особенностей его континуального взаимодействия с различными группами общества в рамках концепции трансдискурсивной психологии.

Материалы, результаты и обсуждение

Содержание понятия трансдискурсивной психологии. Понятие трансдискурсивности обязано своим появлением культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, а также современным исследованиям в языкознании

и семиотике, мифологии и социологии, лингвистике и психолингвистике, информатике и кибернетике, психологической герменевтике, в сферах культурного развития человека и субъекта деятельности, личности представителей профессий особого риска, в семантическом подходе к исследованию преступности, в дискурс-анализе и дискурсе понимания организаций.

По своей сути трансдискурсивная психология является еще одним вариантом развития и трактовки идей культурно-исторической концепции Л. С. Выготского [1]. При этом остается до сих пор неразрешенной одна из фундаментальных проблем психологической науки — выявление механизмов соединения мысли и речи, мышления и слова, биологического и социального в речи, языка и речи в деятельности субъекта. Трансдискурсивная психология — это концепт, посредством которого появляется возможность реализовать две теоретические задачи: 1) это концептуализация предмета юридической психологии, что достаточно хорошо отражено в психолингвистических и других исследованиях, представлено в литературных источниках; 2) объяснение механизмов регуляции поведения и деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Трансдискурсивная психология одновременно опирается на теорию дискурса, семиогенетический и психосемантический подходы, восходит к идеям школы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, концепции структуры сознания А. Н. Леонтьева, В. П. Зинченко [9].

Согласно концепции сознания образующими («моментами») сознания являются чувственная и биодинамическая ткань, значение и личностный смысл. Для психосемантического подхода концепция сознания А. Н. Леонтьева [10] является главной осью, вокруг которой строятся теоретические и экспериментальные конструкции, формулируются идеи индетерминации — самостоятельной активности субъекта, позволяющей изменять систему своих значений и смыслов. Только у Л. С. Выготского самодетерминация осуществляется с помощью высших психических функций, а у А. Н. Леонтьева — за счет «самостоятельной силы реакции» личности. В конечном счете одно не исключает другого, и поэтому можно сказать так: личность как носитель высших психических функций обладает способностью самодетерминации. Отсюда любую динамику психических процессов невозможно рассматривать без учета их источника — свойств субъектности личности.

Таким образом, с позиции трансдискурсивной методологии объектом изучения должен выступать познающий, созидающий, действующий, говорящий субъект, состояние его сознания, формы его речевого поведения как выражение его характера, привычек, ценностей, интересов и позиций. При этом язык, речевая коммуникация играют системообразующую роль, создавая связанность всех элементов психики, составляющих системность активности субъекта. Именно трансдискурсивная методология предлагает сегодня новый научный инструмент, позволяющий проводить социально-психологическое и психолого-юридическое исследование личности сотруд-

ника как субъекта правоохранительной деятельности в условиях нелинейных, неопределенных, неравновесных ситуаций правоотношений.

В психологической науке подчеркивается особый статус субъекта, который предопределяет реализацию движения и развития личности, автономность мотивации и стиля регуляции, координацию и иерархию выбора целей жизнедеятельности, оценку ресурсов индивидуальности человека и критериев его субъектной состоятельности. Подобная позиция повышает личностный ресурс субъекта, придает смысл его существованию как члена общества с особым, доверительным отношением к себе со стороны населения.

По мнению А. Р. Лурии, слово удваивает мир [11]. Однако это делает не всякое слово, а то слово, которое способно выполнять обозначающую, а не выразительно-аффективную функцию, как у животных. Тем самым А. Р. Лурия утверждал, что человек за счет обозначающего, кодирующего языка способен выходить за пределы наглядного, непосредственного опыта. Слово, во-первых, позволяет мысленно оперировать предметами в их отсутствие и, во-вторых, абстрагироваться от несущественных и выделять существенные признаки предмета в конкретной ситуации.

Само понятие «дискурс» появилось благодаря работам одного из представителей французской школы лингвистики Э. Бенвениста [12], а затем его начали активно трактовать и использовать филологи, литераторы, философы, социологи, семиотики и психолингвисты (В. Ю. Артемьева, Ю. М. Лотман, В. Ф. Петренко, Р. М. Фрумкина, А. Г. Шмелев и др.).

Любые дискурсы идеологически детерминированы, служат интересам власти и порядка, целям создания конкретного правопорядка или образа мира. Различные дискурсы, объединяя в своей структуре характерные только для них значения, создают собственные границы, противопоставляя себя другим дискурсам. Границы между дискурсами могут быть достаточно жесткими, но проницаемыми. Как правило, такие границы «мерцают» и «колеблются» во времени и пространстве вместе с языковым темпоритмом и никогда не бывают окончательными. Отсюда приставка «транс-» (лат. *trans* — сквозь; через, за) означает переход или пересечение дискурсом внутренних и внешних границ, отделяющих сущность от явления, возможного от невозможного, позиции и отношения людей, выход за пределы состояний субъектов, способствующий свободному проявлению их подлинной сущности.

Феномен постоянной изменчивости и неопределенности макро- и микросоциальных пространств позволяет в полной мере акцентировать место трансдискурсивных технологий и нарративно-психологических подходов в механизмах социальной перцепции, опосредствовании языком, нарративом, временем, моралью и властью процессов конструирования идентичностей субъектов, форм переживания вины и ответственности человека в зависимости от социального контекста. Попадая в ситуации множества референтных норм взаимоотношений и истин,

изменяясь в соответствии с каждым социальным событием или ситуацией взаимодействия, человек все больше зависит от дискурсивного контекста. Именно дискурс посредством пояснения (прояснения, интерпретации) смысла в ситуации неопределенности не только создает дизайн ситуации взаимодействия или контекст события, но и определяет глубину и динамику влияния события или контекста на восприятие времени и пространства, последствия для идентичности и нравственности субъекта. Под глубиной дискурса понимается необходимое количество объяснительных трансформаций для того, чтобы добиться от взаимодействующих сторон однозначного понимания и интерпретации смысла общения.

Трансдискурсивность не поддается редукции своего предмета к структуре и функциям языка и не тождественна какому-то отдельному дискурсу, потому что ее функции заключаются в соединении всех социо-, психолингвистических типов дискурсов в единое семантическое пространство мира жизнедеятельности человека. Дискурс правоохранительных органов — это одно из условий самоопределения государства, его способности выбирать, реализовывать и защищать традиционный или господствующий образ жизни. Из всего набора современных психологических методов именно психосемантика, дискурсивная психология, разнообразные виды дискурсов позволяют синтезировать объектный и субъектный подходы, категориальные структуры различных школ и направлений психологической науки, так как универсальным для всех гуманитарных наук остается метод семантической интерпретации, понимания и объяснения социальных явлений, закономерностей проявления группового и индивидуального сознания человека.

Однако, предоставляя значительные возможности для исследования психологических аспектов различных сторон индивидуального и общественного сознания, в том числе в сфере правоохранительной и правоприменительной деятельности, теоретические и методологические основания трансдискурсивной психологии сегодня не являются завершенными. Трансдискурсивная психология правоприменительной деятельности посредством множества дискурсов субъектов способна прибегать к технике подстройки к характеру проблемы обсуждения, к схватыванию сути ситуации в нарративе, тем самым демонстрируя адаптивность стандартов и норм диалога власти и управления с населением. Именно в таком стиле трансдискурса обнаруживаются возможности для мониторинга состояния правового сознания и правового поведения различных групп граждан, обеспечение достоинства, ценности человеческой жизни и свободы.

Целостное представление о трансдискурсивности правоохранительной деятельности в юридической психологии еще не сложилось, а потому не существует и общепринятого ее определения. Под трансдискурсивной психологией правоохранительной деятельности мы понимаем совокупность институциональных и юридических дискурсов, соответствующих дискурсивных практик, которые создаются и функционируют при непосредственном участии и контроле со стороны органов управления

и власти, общественных институтов и движений в сфере обеспечения законности, правопорядка и безопасности общества [13]. Противоречия и конфликты, свойственные правотворчеству и правореализации, находят выражение, регулируются и разрешаются в трансдискурсивном диалоге власти и населения, преимущественно в форме устной и письменной речи. При этом устный и письменный языки трансдискурсивного пространства группируются вокруг как бытового («живого») языка «звучащей юриспруденции», так и академической речи и юридических текстов, выполняя коммуникативные функции в сфере правоохранительной деятельности.

Трансдискурсивная психология снимает противоречия, которые неизбежно возникают из антитезы двух форм речи — устной и письменной, так как апеллирует к механизмам семантического конструирования идеальных образов права и правопорядка, к роли языка в формировании правовой идентичности сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим трансдискурсивная психология правоохранительной деятельности состоит из дискурсов субъектов права, а сами дискурсы рассматриваются в широком и узком смысле.

В узком смысле в центре трансдискурсивной психологии находится «субъект говорящий» с его способностями выстраивать диалог с широким кругом людей. Диалоговый стиль мышления в высшей степени характерен для эпохи постмодерна с ее дискурсивной формой права и ризомным субъектом. Как правило, именно диалоговая форма институционального и юридического дискурса заставляет думать, четко формулировать свою точку зрения и жизненную позицию, предполагать необходимость слушать и слышать собеседника. По тому, как субъект общается, можно достоверно определить уровень его образования и психологические особенности, его стремление понять или внушить, привести к повиновению.

В широком смысле трансдискурсивная психология правоохранительной деятельности восходит к традиционному дискурсу власти и управления в контексте идеократической функции языка (властной, силовой, манипулятивной), дискурсивно-правовым системам языкового опыта, механизмам семиогенеза индивидуальной идентичности субъекта правоохранительной деятельности, а также коммуникативной природе права и юридической истины, нравственно-правовым идеям добра, блага, справедливости, красоты и порядка, самоорганизации диссипативных структур общества.

Важными особенностями трансдискурсивной психологии правоохранительной деятельности являются ее направленность на повышение степени субъектности государства, ориентация на поддержку субъекта нового типа, оказывающего сопротивление навязываемой ему роли функционера и слепого проводника чужой воли и власти. При этом индивидуальный и коллективный субъект органов полиции характеризуется разным типом субъектности и субъекта, наличием ризомного мышления, которое отличается своей нелинейностью, основано на множественности подходов и «скользящем» переходе от одной темы к другой; ризомное мышление «номадич-

но» и гетерогенно [14]. А потому задает особый уровень метакогнитивной активности, т. е. особое отношение субъекта к миру и самому себе, к приобретению информации, выбору цели и способа процесса институционализации, логику и смысл построения юридического дискурса и оценку его результатов.

Обратная связь особенно важна в отношении ресоциализации лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, а также лиц, подвергающихся пробации. В этом смысле специфический вид трансдискурсивной деятельности субъектов связывается с их нравственной ориентацией и гуманистической позицией, с целями достижения безопасности и благополучия в обществе.

Принципиально важным для психологического статуса субъекта трансдискурсивной деятельности является невозможность в любой момент прервать процесс служебной деятельности, уклониться от социальной и юридической ответственности, от оказания психологической помощи и поддержки нуждающимся в ней, в том числе и в ситуации диалога с людьми, которые демонстрируют неординарность своего мировоззрения, порождают неопределенность и нестабильность права, власти и правопорядка, руководствуясь собственной идейностью, высшими человеческими ценностями и мотивами. Психологическую устойчивость субъекту трансдискурсивной деятельности обеспечивают многокомпонентные структурные качества с предикторами нравственной, мотивационной и ценностно-смысловой сферы личности, социальной ответственности и осмысленности профессиональной активности. Подобного рода субъектные качества трансдискурсивной психологии правоохранительной деятельности позволяют решать как задачи коррекционно-профилактические, агитационно-ценностные, образовательно-развивающие, учебно-воспитательные, так и задачи создания безопасных, психологически комфортных условий деятельности общества, формирования и развития правовой идентичности граждан.

Субъектность трансдискурсивной психологии правоохранительной деятельности приобретает при соблюдении некоторых условий. Во-первых, если язык принуждения и указаний, к которому вынуждена прибегать власть, носит преимущественно имплицитный характер, а ответственность за преступные действия неотвратима и открыта. Во-вторых, если юридический дискурс носит адресный характер, т. е. установлен диалог с представителями различных социальных групп, в том числе маргинальной и радикальной направленности, ограниченный рамками государственных интересов и закона. В-третьих, если используются наиболее современные каналы коммуникации и психологического влияния «сетевого общества» с элементами визуализации образцов правильного поведения, повышающие интенсивность и плотность смыслов информационного потока. В-четвертых, если внутри самих правоохранительных органов функционирует центр «сборки субъектности сотрудников» в полном соответствии с особенностями

ми и традициями отечественной культуры служебной деятельности органов внутренних дел. В-пятых, наиболее важным для бытия права, правопонимания и правопорядка представляется диалог трансцендентного и имманентного. Согласно позиции И. Л. Честнова, трансцендентное — это те внешние (относительно права как целого) социальные факторы, выражающиеся в ментальных процессах и поведении субъектов, которые обуславливают необходимость его (права) существования и применительно к которым право как общее, родовое понятие — явление — проявляет свое назначение; одновременно это генетическое и функциональное начало права [15, с. 8]. Имманентное в праве — это конкретно складывающиеся нормы, реализующиеся в правопорядке и отражающиеся в правосознании субъектов, что характеризует целостность права.

Диалогичность бытия права понимается (по И. Л. Честнову) в контексте развития, включает взаимосвязь и взаимопереход должного и сущего, идеального и материального, внешнего и внутреннего и других противоположных моментов, образующих структуру правовой реальности и проявляющихся во всех правовых институтах (например, диалог нормы права и правоотношения, права и закона), безотносительно к его (бытия права) историческому изменению. В этом случае можно ожидать, что связь субъекта с правом будет референтной, внутренней, интимной и носить свободный характер.

Правопорядок — явление одновременно устойчивое и изменчивое, опирающееся на незыблемость правовой системы государства, состоящее из темпоритмов общественного сознания и актов физической активности людей, отражающее спонтанность сознания и семантическую (языковую) природу личности — носителя смыслов. Вместе с тем такое свойство общественного порядка, как непрерывность, обеспечивается соответствующим дискурсом, который «разгоняет» энергию порождения значений, символов, смыслов, образов, концептоформ, заполняющих пробелы внутри и между институтами и сферами правоотношений. В связи с этим резко повышается значение субъекта правоотношений. Выступая в качестве обобщения опыта человечества, результата общественной практики и культуры, субъект дискурса (носитель языка) преодолевает имманентно существующие пустоты и неопределенности в правовой реальности, придает подлинность действиям людей, замещает реальное поведение знаком, значением, символом, образом, облегчая и сокращая время усвоения норм права.

Потребность в расширении рефлексивных (умных) методов правоохранительной деятельности неизбежно вызывает необходимость обращения к методологии дискурса, к исследованию возможностей трансформации авторитарных способов коммуникации власти в демократические формы дискурсивной поддержки общественного порядка. Юридический дискурс в этом смысле обладает определенным потенциалом, так как позволяет снимать конкурентность «образцов поведения», культурных норм и символов общественного порядка посредством обращения к ментальной памяти

народа, к традиционным ценностям порядка и уважения легитимных органов власти.

Природа механизмов правового регулирования такова, что само по себе наличие права не является гарантией, а только лишь нормативной основой и предпосылкой законности. Другими словами, законность — это то правовое средство, при помощи которого право как система общеобязательных норм претворяется в правопорядок как систему устойчивых общественных отношений [16, с. 13]. Поэтому значение трансдискурса правоохранительной деятельности заключается в способности целевых (сетевых) аудиторий осуществлять мониторинг динамики субъектности и бессубъектности граждан, контроль состояния безопасности, проявлений беззакония и коррумпированности чиновников в целях достижения стабильного правопорядка, обеспечения прав и свобод членов общества.

В настоящее время информационная емкость юридического дискурса, его смысловая плотность и интенсивность заметно выросли в связи с кризисом уголовного законодательства в условиях цифровой преступности [17]. Насильственные и иные «контактные» корыстные посяательства (карманные и квартирные кражи) постепенно уходят в прошлое. Тогда как цифровизация глобальной экономики и российского общества кардинально изменили криминальный ландшафт, масштабы, структуру и качественные характеристики преступности [18].

Выводы

Теоретический анализ субъектофикации демонстрирует диалектическую взаимосвязь индивидуальной и социальной субъектности личности. Вместе с тем в настоящее время пока сохраняется высокий интерес именно к проблеме индивидуального субъекта, на первое место выдвигается исследование генеза субъекта в индивидуальной жизни личности. Осуществление себя личностью в качестве индивидуальной субъектности предполагает наличие установки на рефлекссию «присвоения» самого себя, открытие собственных миров и центрирование исключительно на собственном мире. Смысл индивидуальной субъектофикации определяется преимущественным стремлением личности к собственному комфорту и благополучию, к достойной человеческой жизни. После достижения целей индивидуальной смыслореализации может появиться установка на активные субъектопорождающие моменты выхода за пределы индивидуального мира, личность осознает себя способной к большему, чем раньше. Тем самым сегодняшняя «идея персонологии отношения личности к себе» перерастает масштаб отдельного субъекта и запрашивает личность в качестве коллективного субъекта служения государству и обществу. Внутренним источником процесса субъектофикации общества выступает противоречие между индивиду-

альным субъектогенезом и социальной субъектностью личности гражданина и патриота.

В настоящее время трансдискурсивная методология выступает естественным результатом развития теории и практики юридической психологии, является ответом на основные вызовы, стоящие перед органами внутренних дел. Необходимость активного масштабирования существующих технологий юридического дискурса диктуется быстрым развитием правовой системы государства. В. В. Путин на IX Всероссийском съезде судей прямо заявил, что «наше правовое поле меняется очень быстро, может быть, слишком быстро и порой не системно, что создает немало угроз в процессе правоприменения»¹. Имеются в виду угрозы в форме юридических ошибок сотрудников органов правопорядка, которые могут приводить к нарушениям охраняемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод граждан. Достаточно напомнить о том, что между административным правонарушением и преступлением грань достаточно условная. Субъективно устанавливаемая законодателем и все более размытая, чтобы сегодня считать ее принципиальной для разграничения общественно опасных и общественно вредных деяний [19]. В связи с этим вовлечение членов гражданского общества и субъектов правоохранительных органов в постоянно действующий, открытый и свободный юридический дискурс является условием эффективности права и правоприменительной деятельности сотрудников полиции. Другими словами, для правового порядка важны как сам факт наличия дискурса, диалог власти и населения, так и его положительные результаты. При этом, по мнению В. Гегеля, «не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением, голый результат есть труп, оставивший после себя тенденцию»².

Область применения и перспективы. Дальнейшая разработка методологии и положений трансдискурсивной психологии позволит сформировать инструменты реализации «мягкой силы» при осуществлении правоохранительной деятельности, что обеспечит повышение эффективности механизмов правоприменения. Другим важнейшим следствием будет описание и совершенствование субъект-субъектного взаимодействия представителей властных структур и общества, стремящегося в настоящее время обрести субъектность и оказывать влияние на принимаемые решения и пути их реализации, осуществлять контроль за деятельностью властных структур для предотвращения и пресечения правонарушений и преступлений коррупционной направленности, тем самым достигая «прозрачности» управления и партнерских отношений общества и власти, что обеспечит устойчивость общественного порядка и развития общества в целом.

¹ Выступление В. В. Путина на IX Всероссийском съезде судей (Москва. 06–08 декабря 2016 года). URL: <https://www.flickr.com/photos/supcourtrf/31462134545/> (дата обращения: 22.05.2025).

² Гегель В. Соч. : в 14 т. М., 1929–1959. Т. 4. С. 2.

Список источников / References

1. *Выготский Л. С.* Психология развития человека. М., 2005. 1136 с.
2. *Огнев А. С., Петровский В. А.* О возможности субъектогенеза в условиях жестко технологизированного обучения // Проблемы проектирования образования : сб. науч. тр. М., 1995. С. 220–230.
3. *Лотман Ю. М.* О семиосфере // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма : учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 641. Тарту, 1984. С. 5–23.
4. *Фуко М.* Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 уч. году. СПб., 2007. 677 с.
5. *Станковская Е. Б.* Переживание «я могу»: опыт реконструкции субъекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 125–132.
6. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
7. *Петровский В. А.* «Я» в персонологической перспективе. М., 2013. 502 с.
8. *Петров В. Е.* Личностный выбор соучастия в экстремальном добровольчестве: концепция, психологическая диагностика и поддержка : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2025. 511 с.
9. *Инженерная психология* / под ред. А. Н. Леонтьева. М., 1964. 396 с.
10. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения : в 2 т. М., 1983. Т. I. 392 с.
11. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1998. 335 с.
12. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / пер. с фр. Ю. Н. Караулова и др. М., 2002. 446 с.
13. *Шаранов Ю. А., Устюжанин В. Н.* Трансдискурсивная психология правоохранительной деятельности. СПб., 2017. 161 с.
14. *Арефьев А. А.* Кочующий субъект: восприятие и переосмысление номадологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари в постгуманизме // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2(75). С. 131–137.
15. *Честнов И. Л.* Принцип диалога в современной теории права: проблемы правопонимания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 50 с.
16. *Нистратов С. Г.* Контроль и надзор как гарантии законности (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 20 с.
17. *Русскевич Е. А., Дмитренко А. П., Кадников Н. Г.* Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 3. С. 585–598. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.301>.
18. *Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д.* Трансформация преступности в XXI веке: особенности предупреждения и противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 2(44). С. 227–235.
19. *Инишаков С. М., Казакова В. А.* Межотраслевая интеграция как предпосылка эффективности права // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81). С. 64–65.

Поступила 23.02.2025; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Белодед Д. Р., Алмазова Т. А., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-262-270

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Изучение психологической резильентности личности в информационно-цифровом пространстве

Диана Роландовна Белодед, заместитель руководителя Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики¹; dr_beloded@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3608-2733>

Татьяна Александровна Алмазова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и математики¹; badanowata@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3216-9181>

¹ Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, 26, Россия

Реферат. Введение. В условиях современного общества, где цифровые технологии становятся неотъемлемой частью жизни, необходимы понимание их влияния на психическое здоровье, поведение людей; оценка форм и содержания рисков негативного воздействия, способов защиты от него. Поэтому исследование влияния информационно-цифрового пространства на индивидуально-психологические особенности пользователей интернета, определяющих их психологическую резильентность, является актуальным. Цель — изучение психологической резильентности личности пользователя интернета к негативному воздействию и апробация коррекционно-развивающей программы формирования психологической резильентности.

Материалы и методы. Использовались количественные и качественные методы, включая анкетирование и глубинное интервью. В выборке участвовали 402 человека. Были применены следующие методики: Индекс погруженности в интернет-среду (Л. А. Регуш и др.), Методика оценки изменений границ (МИГ-ТС-2) Е. И. Рассказовой, А. Ш. Тхостова, Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, Шкала базисных убеждений (WAS) в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой, Шкала самоуважения М. Розенберга, а также статистические методы обработки данных. **Результаты и обсуждение.** Установлены высокие корреляционные связи между показателями, характеризующими вовлеченность в информационно-цифровое пространство, и локусом контроля понятия «жизнь», образом «Я», убеждением о контроле, субъективным благополучием, самоуважением, рефлексивностью и др. Апробирована коррекционно-развивающая программа развития психологической резильентности, которая показала свою эффективность. **Выводы.** Исследование подчеркивает необходимость разработки стратегий для управления цифровым поведением пользователей в целях минимизации негативных последствий и повышения психологической резильентности в условиях информационного общества.

Ключевые слова: психологическая резильентность, устойчивость, информационно-цифровое пространство, интернет, цифровизация, ценности, рефлексивность, субъектность

Для цитирования: Белодед Д. Р., Алмазова Т. А. Изучение психологической резильентности личности в информационно-цифровом пространстве // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 262–270. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-262-270>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Beloded D. R., Almazova T. A., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-262-270

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Study of Psychological Resilience of a Person in the Information and Digital Space

Diana R. Beloded, deputy-head of Science and Research Centre of Forensic Examination and Criminalistics¹; dr_beloded@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3608-2733>

Tatiana A. Almazova, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Physics and Mathematics¹; badanowata@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3216-9181>

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, 26 Stepan Razin st., Kaluga, 248023, Russia

Abstract. Introduction. In the context of modern society, where digital technologies are becoming an integral part of life, it is necessary to understand their impact on mental health, people's behavior; assess the forms and content of risks of negative impact, ways to protect against it. Therefore, it is relevant to study the influence of information and digital space on the individual-psychological characteristics of Internet users that determine their psychological resilience. The aim is to explore psychological resilience of an Internet user's personality to negative impact and implement the correction-developing program for formation of psychological resilience. **Materials and Methods.** Quantitative and qualitative methods were employed, including questionnaires and in-depth interviews. A sample consisted of 402 people. The following methods were applied: Index of immersion in the Internet-environment (by L. A. Regush et al.), Method of evaluation of changes in borders (MCB-TM-2) by E. I. Rasskazov, A. Sh. Tkhostov, Test of life-meaning orientations (LMO) by D. A. Leontiev, World Assumption Scale (WAS) in the adaptation of M. A. Padun and A. V. Kotelnikov, M. Rosenberg Self-Esteem Scale, as well as statistical methods of data processing. **Results and Discussion.** High correlations are established between indicators characterizing the involvement in information and digital space and the control locus of the concept «life», image «I», conviction about control; subjective well-being, self-respect, reflexivity, etc. The correction-developing program of psychological

resilience development has been tested and proved to be effective. **Conclusions.** The study highlights the need to develop strategies for managing digital user behavior in order to minimize negative consequences and increase psychological resilience in the context of the information society.

Keywords: psychological resilience, resilience, information and digital space, Internet, digitization, values, reflexivity, subjectivity

Citation: Beloded D. R., Almazova T. A. Study of Psychological Resilience of a Person in the Information and Digital Space. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 262–270 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-262-270>

Основные положения

1. Психологическая резильентность личности в информационно-цифровом пространстве — это способность и готовность человека противостоять деструктивным воздействиям, осуществляемым посредством современных информационных технологий, которые могут подорвать его психическое здоровье, целостность личности (систему его основных индивидуально-психологических черт), субъектность (способность руководить собой).

2. Существуют статистически значимые корреляции, подтверждающие воздействие информационно-цифрового пространства на психологические характеристики пользователя.

3. Психологическая резильентность личности в информационно-цифровом пространстве может совершенствоваться с помощью специальной коррекционно-развивающей программы.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В условиях быстро меняющегося мира, где люди сталкиваются с множеством стрессовых факторов, таких как экономические кризисы, социальные изменения и технологические новшества, психологические знания становятся необходимыми для адаптации и сохранения психического здоровья. Специальные знания помогают выявить причины эмоциональных и поведенческих расстройств, способствуют разработке эффективных методов их профилактики и лечения, предоставляют инструменты для понимания человеческого поведения и психических процессов.

Оценка воздействия элементов информационно-цифрового пространства на психологические характеристики пользователя представляет собой многогранную задачу, требующую междисциплинарного подхода и глубокого анализа. Современные исследования показывают, что элементы информационно-цифрового пространства, такие как социальные сети, онлайн-игры и различные приложения, могут оказывать значительное воздействие на эмоциональное состояние, когнитивные процессы и социальное взаимодействие пользователей [1; 2, с. 22–31]. Например, постоянный доступ к информации и возможность мгновенной коммуникации могут как способствовать развитию социальных навыков, так и приводить к изоляции и снижению качества межличностных отношений.

Кроме того, взаимовлияние вербальных, визуальных и аудиовизуальных элементов контента на восприятие и внимание пользователя заслуживает отдельного из-

учения [3]. Яркие и динамичные визуальные эффекты могут вызывать повышенное возбуждение и интерес, однако в то же время нередко приводят к снижению способности к концентрации и критическому мышлению. Важно также учитывать, что индивидуальные различия в восприятии информационного контента часто связаны с личностными характеристиками, такими как уровень тревожности, самооценка и особенности мышления.

Не менее актуальным является вопрос изучения зависимости от цифровых технологий. Значительное время, проведенное в информационно-цифровом пространстве, может приводить к различным расстройствам психики, включая депрессию и тревожные состояния [4]. В этом контексте важно рассматривать механизмы формирования аддиктивного поведения и влияние погруженности в цифровую среду на личностные характеристики пользователя.

Цель — экспериментальное изучение психологической резильентности личности пользователя интернета к негативному воздействию и апробация коррекционно-развивающей программы формирования психологической резильентности.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Понятие «резильентность» нередко отождествляют с термином «устойчивость», который в психологии трактуется как способность сохранять стабильность под воздействием внешних факторов [5]. Однако резильентность подразумевает не только сопротивление, но и активное восстановление, включая трансформацию негативного опыта в ресурс. Выносливость, часто используемая в контексте физиологических нагрузок, описывает способность переносить стресс без снижения функциональности, но игнорирует динамическую адаптацию, ключевую для резильентности [6]. Живучесть акцентирует выживание в экстремальных условиях, тогда как резильентность предполагает развитие личности через преодоление кризиса, что подтверждается исследованиями посттравматического роста [7]. Адаптивность, хотя и входит в структуру резильентности, обуславливается гибкостью поведения, не учитывая роль социальной поддержки и смыслополагания [8]. Эластичность, заимствованная из физики, описывает возврат к исходному состоянию, но резильентность в психологии — это процесс интеграции опыта, ведущий к качественным изменениям [9]. Гибкость в поведении, которая помогает нам адаптироваться к новым ситуациям, не включает в себя все аспекты, такие как осознанное управление своими действиями, ценности и мысли, которые являются основой резильентности. Пластичность, рассма-

триваемая в нейронауках, описывает структурные изменения мозга, тогда как резильентность — комплексный феномен, включающий социальные и экзистенциальные аспекты [10].

Уникальность резильентности заключается в ее многокомпонентности и процессуальности, это не синоним перечисленных понятий, а самостоятельный конструкт, объединяющий: динамичность — процесс непрерывной адаптации, а не фиксированный результат; системность — взаимодействие внутренних (копинг-стратегии) и внешних факторов; трансформацию — преобразование кризиса в ресурс для развития, что подтверждается работами о посттравматическом росте.

Несмотря на наличие интереса к феномену резильентности, в современных источниках он недостаточно освещен в контексте информационно-цифрового пространства как способа защиты от негативного (в том числе деструктивного) воздействия. Хотя сам феномен рассматривается учеными в рамках исследования жизнестойкости [11; 12], в аспекте изучения культуры безопасности сотрудников полиции данное явление также занимает актуальную позицию [13].

Проблема воздействия информационных технологий на психические свойства, состояния и процессы поднималась в научном сообществе в прошлом столетии, но сохраняет свою актуальность и в настоящее время [1; 2; 14]. Существует обширная эмпирическая база, дающая основания утверждать, что чрезмерное внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь влечет за собой ряд психологических проблем, решение которых базируется на стыке многих дисциплин: психологии, права, педагогики и др. [4; 15].

Материалы и методы

Оценка воздействия элементов информационно-цифрового пространства на психологические особенности пользователя требует комплексного подхода, который включает в себя как количественные, так и качественные методы исследования [16], что позволяет более точно определить положительные и отрицательные аспекты взаимодействия человека с цифровыми технологиями и разработать рекомендации для минимизации негативных последствий.

В период с 2020 г. по 2024 г. было проведено исследование влияния информационно-цифрового пространства на психологические характеристики пользователей. В выборке участвовали обучающиеся Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (n=402) различных направлений подготовки, их возраст от 17 до 40 лет, средний возраст 20 лет; 104 мужчины, 298 женщин.

В рамках исследования психологических последствий использования технологий и их влияния на субъективное благополучие, а также трансформацию совладающего поведения выбор методик был обоснован необходимостью комплексного подхода к оценке различных аспектов этой сложной проблемы. Методика оценки изменений границ (МИГ-ТС-2), разработанная Е. И. Рассказовой и А. Ш. Тхостовым, позволяет анали-

зировать изменения в восприятии личных границ, что важно для понимания того, как технологии могут изменять самоощущение и границы личности в цифровом пространстве [17]. Это особенно актуально в контексте воздействия информационных технологий на субъективное благополучие [18; 19]. Для более глубокой оценки интернет-активности и ее влияния на поведение была использована методика индекса погруженности в интернет-среду, созданная Л. А. Ретуш и коллегами. Данная методика помогает выявить поведенческие, когнитивные и аффективные компоненты, что позволяет создать полное представление о том, как именно технологии влияют на индивидуальное поведение и эмоциональное состояние. Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева был выбран для изучения источников смысла жизни, поскольку понимание того, где человек находит смысл, является ключевым для анализа его психологического состояния и адаптации к современным условиям. Лocus контроля, который также исследуется с помощью этого теста, предоставляет информацию о том, насколько человек считает себя хозяином своей жизни или зависимым от внешних обстоятельств. Шкала базисных убеждений (World Assumptions Scale, WAS), адаптированная М. А. Падун и А. В. Котельниковой, была включена для оценки когнитивных установок личности [20]. Понимание базовых убеждений важно для анализа того, как эти убеждения могут влиять на восприятие технологических изменений и вообще на личность. Методика Рокича позволяет оценить ценностно-смысловую сферу личности через ранжирование ценностей, что важно для понимания того, какие из них становятся приоритетными в условиях цифровизации и как они влияют на субъективное благополучие. Шкала субъективного благополучия, адаптированная А. А. Рукавишниковым и М. В. Соколовой, служит инструментом для измерения эмоционального компонента благополучия, что позволяет анализировать качество эмоциональных переживаний человека и их связь с использованием технологий. Наконец, опросник рефлексивности Карпова был выбран для измерения степени развития рефлексивности у личности, что важно для понимания того, как человек осознает свои переживания и адаптируется к изменениям в окружающем мире. Качественные методы, такие как интервью и фокус-группы, были количественно проанализированы с использованием контент-анализа и других статистических подходов, что позволило интегрировать качественные данные в общий статистический анализ [16].

Все эти методики в совокупности обеспечили целостный подход к исследованию влияния технологий на психологическое состояние человека, позволяя рассмотреть проблему с различных сторон, и выявили ключевые аспекты, влияющие на психологическую резильентность личности.

Результаты и обсуждение

Исследование психологического влияния информационных технологий на субъективное благополучие обучающихся. Первый этап исследования был посвящен изучению ценностно-смысловой сферы. В совре-

менных условиях, характеризующихся высоким уровнем неопределенности и постоянным потоком информации, ценности служат ориентиром, позволяющим человеку адаптироваться к изменениям и преодолевать трудности. Они формируют внутреннюю устойчивость, которая помогает выделять важное и игнорировать дезориентирующий шум, способствуя тем самым более эффективному рефлексивному управлению эмоциями и поведением. В ходе изучения ценностно-смысловой сферы было установлено, что образованность, воспитанность, ответственность, честность, жизнерадостность являются наиболее значимыми ценностями-целями в жизни большей части опрошенных (рис.).

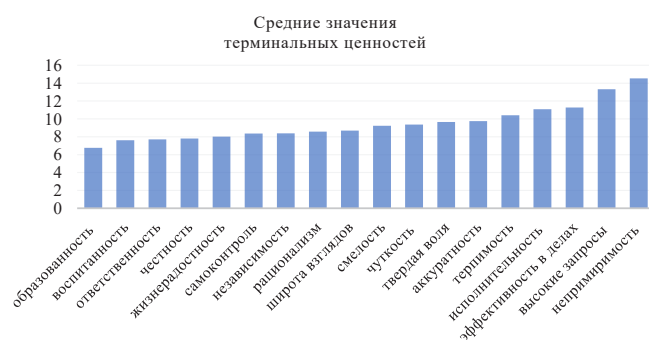

Рис. Ранжирование терминальных ценностей
(Fig. Ranging terminal values)

Указанные ценности формируют «каркас», способствующий адаптивному функционированию в условиях стресса. Образованность и критическое мышление обеспечивают инструментарий для анализа цифровых угроз, воспитанность и честность поддерживают социально-этическую регуляцию онлайн-взаимодействий, снижая риски конфликтов и укрепляя сеть поддержки. Ответственность как внутренний регулятор поведения минимизирует импульсивные реакции, способствуя продуманному управлению цифровыми рисками, а жизнерадостность выполняет функцию эмоционального буфера, нивелируя негативное воздействие цифровых угроз. Системное взаимодействие этих ценностей создает синергетический эффект, характерный для резильентных личностей, у которых когнитивная гибкость, эмоциональная стабильность и социальная интегрированность выступают взаимодополняющими ресурсами. Однако уровень резильентности остается контекстуально зависимым: его устойчивость в долгосрочной перспективе определяется степенью актуализации указанных ценностей в повседневных задачах цифрового взаимодействия.

Сравнительный анализ психологических характеристик обучающихся. Для изучения влияния информационных технологий на психологические характеристики обучающихся был проведен сравнительный анализ с нормированными показателями (табл. 1).

Сравнительный анализ психологических характеристик выборки ($n=402$) выявил общее соответствие средних значений нормам, за исключением двух показателей: субъективной зависимости от мобильных устройств ($8,84 \pm 2,35$ против $6,21 \pm 2,36$) и эмоционального отношения к цифровой среде ($4,52 \pm 0,59$ против $6,22 \pm 1,02$), что

отражает специфику цифрового поведения исследуемых. Параметры самоуважения, локуса контроля, рефлексивности и субъективного благополучия остаются в пределах нормы. Результаты подтверждают применимость методик для настоящей выборки, несмотря на динамику цифровой социализации.

Таблица 1. Сравнительный анализ психологических характеристик, $n=402$
(Table 1. Comparative analysis of psychological characteristics, $n=402$)

Показатели	$\bar{X} \pm \sigma$ (настоящей выборки)	$\bar{X} \pm \sigma$ (авторов методик)
Невозможность отказа от мобильного устройства (по методике МИГ-ТС-2)	$8,88 \pm 1,88$	$8,62 \pm 2,49$
Субъективная зависимость от мобильного устройства (по методике МИГ-ТС-2)	$8,84 \pm 2,35$	$6,21 \pm 2,36$
Невозможность отказа от интернета (по методике МИГ-ТС-2)	$7,99 \pm 1,3$	$8,05 \pm 2,26$
Субъективная зависимость от интернета (по методике МИГ-ТС-2)	$7,59 \pm 2,35$	$7,47 \pm 2,08$
Локус контроля — жизнь (по методике СЖО)	$29,6 \pm 7,12$	30 ± 6
Эмоциональное отношение к цифровой среде (по методике «Индекс погруженности в интернет-среду»)	$4,52 \pm 0,59$	$6,22 \pm 1,02$
Образ «Я» (по методике «Шкала базисных убеждений»)	$7,17 \pm 2,72$	$5,5 \pm 1,5$
Убеждения о контроле (по методике «Шкала базисных убеждений»)	$7,09 \pm 2$	$5,5 \pm 1,5$
Рефлексивность (опросник Карпова)	$5,72 \pm 1,83$	$5,5 \pm 1,5$
Самоуважение (по шкале Розенберга)	$19 \pm 4,09$	$20,5 \pm 4,5$
Субъективное благополучие (адапт. Рукавишников)	$5,69 \pm 2,05$	$5,5 \pm 1,5$

Корреляционный анализ взаимосвязей психологических характеристик. В целях выявления наиболее значимых психологических характеристик, влияющих на резильентность личности, был проведен корреляционный анализ (табл. 2).

В результате корреляционного анализа были установлены статистически значимые связи, подчеркивающие роль психологических факторов резильентности в контексте использования мобильных устройств и интернета.

Высокие коэффициенты корреляции между невозможностью отказа от мобильного устройства и такими показателями, как образ «Я» и убеждения о контроле, указывают на то, что более выраженное чувство контроля над своей жизнью и положительный образ «Я» могут способствовать снижению зависимости от технологий. Это говорит о том, что обучающиеся с развитыми навыками саморегуляции и позитивной самооценкой более устойчивы к негативным влияниям цифровой среды.

Значительная связь между субъективной зависимостью от интернета и уровнями самоуважения и субъективного благополучия подчеркивает также, что люди с высоким значением самоуважения и благополучия имеют большую способность справляться с потенциальными зависимостями от цифровых технологий. Эмоциональное отношение к цифровой среде, рефлексивность в мотивационно-волевом блоке психологической безопасности также демонстрируют свою значимость

Таблица 2. Показатели корреляционных взаимосвязей психологических характеристик
(Table 2. Indicators of correlation of psychological characteristics)

Показатели		Коэффициент корреляции, r	Значимость, P
Невозможность отказа от мобильного устройства (по методике МИГ-ТС-2)	Локус контроля — жизнь (по методике СЖО)	0,685	≤ 0,05
	Образ «Я» (по методике «Шкала базисных убеждений»)	0,697	≤ 0,05
	Убеждения о контроле (по методике «Шкала базисных убеждений»)	0,864	≤ 0,01
Субъективная зависимость от мобильного устройства (по методике МИГ-ТС-2)	Образ «Я» (по методике «Шкала базисных убеждений»)	0,667	≤ 0,05
	Убеждения о контроле (по методике «Шкала базисных убеждений»)	0,785	≤ 0,05
Невозможность отказа от интернета (по методике МИГ-ТС-2)	Субъективное благополучие (адапт. Рукавишников)	0,782	≤ 0,05
	Самоуважение (по шкале Розенберга)	0,796	≤ 0,05
Субъективная зависимость от интернета (по методике МИГ-ТС-2)	Субъективное благополучие (адапт. Рукавишников)	0,748	≤ 0,05
Эмоциональное отношение к цифровой среде (по методике «Индекс погруженности в интернет-среду»)	Рефлексивность (опросник Карпова)	0,792	≤ 0,05

в поддержании резильентности, указывая на то, что способность к саморефлексии и критическому осмыслению своего взаимодействия с цифровыми технологиями может служить защитным фактором против негативных последствий их использования (табл. 2).

Высокие корреляционные связи позволяют сделать вывод, что элементы информационно-цифрового пространства оказывают влияние на психологические характеристики пользователей, также не исключая, что именно психологические особенности обуславливают уровень вовлеченности в цифровую среду.

Корреляции между невозможностью отказа от мобильного устройства и локусом контроля, образ «Я» и убеждения о контроле можно объяснить тем, что современные технологии стали неотъемлемой частью жизни человека, формируя его восприятие себя и окружающего мира. Локус контроля, отражающий степень, в которой индивид считает, что он может контролировать события в своей жизни, напрямую влияет на отношение к мобильным устройствам. Люди с внутренним локусом контроля могут воспринимать использование мобильных устройств как способ управления своей жизнью, в то время как те, кто имеет внешний локус контроля, могут чувствовать себя зависимыми от технологий, что усиливает их привязанность к ним. Образ «Я» также играет важную роль в этой связи: мобильные устройства часто используются для самовыражения и формирования идентичности, что делает отказ от них болезненным процессом. Убеждения о контроле над своей жизнью могут быть подорваны постоянной доступностью информации и социальных взаимодействий через мобильные устройства, что создает иллюзию необходимости их использования.

Аналогично невозможность отказа от интернета тесно связана с субъективным благополучием и самоуважением. Интернет предоставляет пользователям возможность общения, получения информации и развлечений, что способствует повышению уровня удовлетворенности жизнью. Люди, которые ощущают себя успешными и уважаемыми, чаще используют интернет как средство поддержания этого статуса. Вместе тем зависимость от интернета может негативно сказаться на самоуважении, особенно если человек сравнивает

себя с другими в социальных сетях или сталкивается с кибербуллингом [21].

Отдельного рассмотрения заслуживает исследование субъектности пользователя в условиях информационно-цифрового пространства. Ведь, как правило, уже на ступени персонализации (7–18 лет) [22] интернет все более активно проникает в жизнь молодых людей, резильентность уже и на этом этапе развития обретает глубокий смысл [23].

Рефлексивность и эмоциональное отношение к цифровой среде также играют значительную роль в понимании этих корреляционных связей. Рефлексивные личности склонны более глубоко осмысливать свое взаимодействие с цифровыми технологиями, что может как усиливать их привязанность к ним, так и приводить к критическому осмыслению этой зависимости. Эмоциональное отношение к цифровой среде формируется на основе опыта взаимодействия с ней: положительные эмоции от общения или получения информации могут укреплять зависимость, тогда как негативные переживания могут вызвать желание дистанцироваться от технологий.

Опытно-экспериментальная работа по развитию психологической резильентности. В целях развития психологической резильентности и эффективного преодоления стрессов [23], вызванных цифровым окружением, включая социальные сети, онлайн-работу и информационное перенасыщение, с участниками экспериментальной группы (n=42) была проведена психолого-коррекционная работа общей длительностью 7 месяцев. На первом этапе формирующего эксперимента был предложен тренинг длительностью 3 месяца «Психологический баланс в онлайн-мире», который включал в себя следующие ступени:

1. Знакомство и обсуждение целей тренинга.
2. Обсуждение основ психологической резильентности.
3. Изучение стрессовых ситуаций в цифровой среде: определение основных факторов стресса, связанных с онлайн-активностью.
4. Техники рефлексивного управления для снижения напряжения.

Таблица 3. Структура игры «Психологический лабиринт осознанности»
(Table 3. Structure of game «Psychological maze of awareness»)

Подготовительный этап	Ход игры	Обсуждение и выводы
Разделение обучающихся на небольшие команды (3–5 человек в каждой) Подготовка лабиринта с ситуациями и задачами, связанными с информационной безопасностью, этикой и морально-нравственными вопросами в онлайн-мире	Каждая команда начинает свой путь в цифровом лабиринте и должна проходить через различные «комнаты» (уровни), где их ждут задания и ситуации В заданиях разыграны различные сценарии, такие как встреча с незнакомцами в онлайн-среде, получение недостоверной информации, соблазн поделиться персональными данными и т. д. Каждая команда должна принять решение о том, как действовать в предложенной ситуации. После принятия решения они обсуждают его внутри команды и объясняют, почему сделали такой выбор Ведущий занятия дает обратную связь и подводит обучающихся к осознанию этических и безопасных решений	По завершении лабиринта обсуждалось, какие ситуации оказались сложными и вызывающими стресс и как испытуемые справились с этим Подведены итоги и обращено внимание на морально-нравственные аспекты принятия решений Проанализирована важность принятия этических решений и сформулированы основные принципы, которые помогут обучающимся быть осознанными и ответственными участниками цифрового пространства

5. Осознание своих эмоций (саморефлексия) в информационно-цифровой среде: управление эмоциональными реакциями на критику, негативные комментарии и стресс.

6. Построение позитивных отношений в цифровом мире, правила выстраивания здоровых коммуникаций и предотвращения конфликтов.

7. Борьба с информационным перегрузом; эффективные методы фильтрации информации и управления временем онлайн.

8. Психологические границы и самозащита в онлайн-мире: как устанавливать границы и обеспечивать психологическую безопасность.

9. Укрепление самооценки и самоуважение.

10. Алгоритм интегрирования полученных знаний в повседневную жизнь.

11. Обратная связь и обсуждение результатов тренинга.

Тренинг соответствовал потребностям участников, их уровню знаний в области цифровой среды, а также содержал дополнительные модули по кибербезопасности и предотвращению цифровых мошенничеств.

Далее в целях обеспечения психологической резильентности, осознания рисков информационно-цифрового пространства, анализа и самоанализа системы ценностей обучающихся была проведена игра «Психологический лабиринт осознанности» длительностью 2 месяца (табл. 3).

Игра была интерактивной и позволяла участникам активно участвовать в процессе принятия решений и обсуждения. Такой подход позволил обучающимся лучше понять, какие риски существуют в цифровой среде и как их преодолеть, придерживаясь морально-нравственных ценностей.

Заключительный этап работы (2 месяца) с экспериментальной группой включал в себя обучение

Таблица 4. Практикум по критическому мышлению и ответственному выбору
в информационном пространстве «Цифровая этика»
(Table 4. Workshop on critical thinking and responsible choice in the information space «Digital ethics»)

Тематика практических занятий	Краткое содержание
Обсуждение моральных ценностей	Изучение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и этических принципов, которые являются важными для выбранной аудитории. Подчеркнуто, что именно ценности помогают формировать основы для принятия решений и взаимодействия с другими людьми в обществе
Различение правдивой и ложной информации	Разъяснено, что в цифровой среде много информации, часто встречаются ложные, противоречивые или искаженные данные. Акцентируется внимание на важности критического мышления и проверки фактов перед тем, как принимать информацию за истину
Распознавание псевдонаучных и манипулятивных материалов	Проведено обучение распознаванию псевдонаучных теорий, сплетен, предвзятой информации и манипулятивных материалов. Освещены признаки таких материалов, среди которых недостаток достоверных источников, использование эмоциональных аргументов, отсутствие проверяемых фактов и т. д.
Опасность информационного перенасыщения	Рассмотрены со студентами опасности информационного перегруза и его влияние на психическое здоровье. Обращено внимание на то, что важно уметь фильтровать информацию, чтобы избежать негативных последствий и сохранить традиционные российские духовно-нравственные ценности
Применение рефлексивного управления	Проведено обучение студентов различным приемам рефлексивного управления, которые помогут им анализировать информацию и принимать осознанные решения о том, что стоит изучать, а что лучше игнорировать
Практика принятия этических решений	Разыграны различные сценарии, связанные с информационными дилеммами. Предложено обсудить, какие решения были бы наиболее этичными и соответствующими их моральным ценностям
Ответственность за свои действия	Подчеркнуто, что каждый человек несет ответственность за свои действия и выборы в информационно-цифровом пространстве, может повлиять на качество информации, которую потребляет и распространяет

информационной безопасности, целью которого было научить обучающихся отличать информацию, вредную для морально-нравственных ценностей, и воздерживаться от ее изучения. Для этого использовался практикум по критическому мышлению и ответственному выбору в информационном пространстве (табл. 4).

За время реализации коррекционно-развивающей программы удалось создать открытую и доверительную обстановку, где испытуемые могли свободно задавать вопросы, делиться своими мнениями и чувствами, а также обсуждать свои опасения и затруднения при работе с информацией в цифровом мире. Практика и повторение помогли закрепить навыки рефлексивного управления и принятия этических решений в информационно-цифровой среде.

Реализованная психолого-коррекционная программа продемонстрировала положительную динамику в формировании психологической резильентности пользователей в цифровой среде (табл. 5).

Таблица 5. Сравнение средних значений до и после коррекционно-развивающей программы
(Table 5. Comparison of average values before and after correction-developing program)

Показатели	До эксперимента $\bar{X} \pm \sigma$	После эксперимента $\bar{X} \pm \sigma$	P
Невозможность отказа от мобильного устройства	8,07±1,45	7,15±1,32	≤0,05
Субъективная зависимость от мобильного устройства	7,32±1,20	6,76±1,18	≤0,05
Невозможность отказа от интернета	8,95±1,60	7,46±1,45	≤0,05
Субъективная зависимость от интернета	8,56±1,55	7,24±1,40	≤0,05
Локус контроля — жизнь	29,80±4,20	33,17±3,85	≤0,05
Эмоциональное отношение к цифровой среде	4,61±0,95	3,86±0,88	≤0,05
Индекс погруженности в интернет-среду	23,17±3,10	21,36±2,90	≤0,05
Интернет-зависимость	81,22±8,50	72,93±7,80	≤0,05
Образ «Я»	7,73±1,25	8,68±1,10	≤0,05
Убеждения о контроле	6,63±1,05	7,10±0,95	≤0,05
Рефлексивность	5,44±1,30	7,27±1,15	≤0,05
Самоуважение	18,95±2,50	23,37±2,20	≤0,05

Наблюдается снижение поведенческих и эмоциональных маркеров цифровой зависимости: уменьшение субъективной и объективной невозможности отказа от устройств и интернета (на 11–17%), снижение индекса погруженности в интернет-среду (на 7,8%) и общего уровня интернет-зависимости (на 10,2%). Параллельно зафиксировано усиление адаптивных психологических характеристик: повышение интернального локуса контроля (на 11,3%), рост самоуважения (на 23,3%) и рефлексивности (на 33,6%), что коррелирует с улучшением образа «Я» (на 12,3%) и эмоциональной стабилизацией отношения к цифровой среде (снижение негативного компонента на 16,3%).

Реализованная коррекционно-развивающая программа, ориентированная на развитие психологической резильентности в условиях цифрового стресса, продемонстрировала высокую эффективность. Комплексное сочетание тренинга «Психологический баланс в онлайн-мире», интерактивной игры «Психологический лабиринт осознанности» и практикума по критическому мышлению способствовало формированию у участников (n=42) адаптивных стратегий преодоления цифровых вызовов. Статистически значимые улучшения ($p \leq 0,05$) зафиксированы в ключевых аспектах резильентности: усиление локуса контроля, повышение рефлексивности, самоуважения и субъективного благополучия, что свидетельствует о развитии навыков саморегуляции и эмоциональной стабильности. Интерактивные методы, включая симуляцию этических дилемм и анализ информационных рисков, укрепили способность участников к осознанному выбору, критической оценке контента и установлению психологических границ, снизив зависимость от цифровых устройств и улучшив эмоциональное отношение к онлайн-среде. Несмотря на сохранение субъективной зависимости от мобильных устройств, программа подтвердила свою роль в формировании устойчивости к информационным перегрузкам и цифровым стрессорам через интеграцию этических принципов, рефлексивных практик и ценностно-ориентированного поведения. Полученные данные подчеркивают необходимость внедрения многоуровневых интервенций, направленных на системное укрепление психологической резильентности в контексте цифровой трансформации общества.

Выводы

В результате проведенного исследования были выявлены статистически значимые различия в показателях до и после применения коррекционно-развивающей программы, что подтверждается использованием критерия Вилкоксона. Эти изменения касаются нескольких ключевых аспектов, связанных с психологическим состоянием участников.

Во-первых, значительное различие в показателях невозможности отказа от мобильного устройства и интернет-зависимости указывает на то, что программа оказала положительное влияние на способность участников контролировать свое поведение в отношении технологий. Это свидетельствует о повышении осознания их зависимости и развитии навыков саморегуляции, что является важным шагом в преодолении интернет-зависимости.

Во-вторых, изменения в показателях образа «Я» демонстрируют, что участники программы смогли пересмотреть и улучшить свое восприятие себя. Это может быть связано с тем, что коррекционно-развивающая программа способствовала формированию более позитивного самоотношения и уверенности в себе, что, в свою очередь, может уменьшить зависимость от внешних факторов, таких как использование мобильных устройств.

В-третьих, статистически значимые изменения в показателях рефлексивности указывают на то, что участники стали более способны к самоанализу и осознанию сво-

их эмоций и действий. Развитие рефлексивных навыков помогло им лучше понять свои потребности и мотивы, что также привело к снижению зависимости от технологий. Кроме того, улучшение показателей самоуважения говорит о том, что участники программы начали больше ценить себя и свои достижения. Это изменение может быть следствием работы над личностным ростом и повышением уверенности в своих силах, что также связано с уменьшением потребности в постоянном использовании мобильных устройств для подтверждения своей ценности. Показатели субъективного благополучия также продемонстрировали статистически значимые изменения. Это свидетельствует о том, что участники программы стали ощущать себя более счастливыми и удовлетворенными жизнью, что может быть связано с уменьшением времени, проводимого в интернете, и улучшением качества межличностных отношений.

Наконец, изменения в убеждениях о контроле подчеркивают важность внутреннего локуса контроля. Участники программы начали воспринимать себя как более активных агентов своей жизни, что способствует развитию уверенности в своих силах и способностей справляться с вызовами, связанными с использованием технологий.

Однако стоит отметить, что показатель субъективной зависимости от интернета не претерпел статистически значимых изменений. Это может указывать на то, что, несмотря на улучшение других аспектов психологического состояния, участники все еще испытывают определенные трудности с восприятием своей зависимости от интернета. Таким образом, результаты исследования подчеркивают эффективность коррекционно-развивающей программы в улучшении ряда психологических показателей, однако также выявляют необходимость дальнейшей работы в области повышения осознанности участников относительно их безопасности в информационно-цифровом пространстве.

Область применения и перспективы. Перспективы дальнейших исследований в области психологической резильентности в условиях прогрессирующей цифровизации общества представляют собой важное направление для научного анализа и практического применения.

С учетом стремительного развития информационных технологий и их интеграции в повседневную жизнь необходимо глубже понять, как эти изменения влияют на психическое здоровье и резильентность индивидов. Во-первых, необходимо обратить внимание на влияние цифровой среды на эмоциональное состояние пользователей, так как постоянное взаимодействие с цифровыми устройствами и социальными сетями может приводить к повышению уровня тревожности, депрессии и социальной изоляции.

Во-вторых, следует рассмотреть различные аспекты механизмов формирования психологической резильентности в контексте цифровизации. Научному сообществу необходимо сосредоточиться на изучении факторов, способствующих развитию резильентности к стрессам, вызванным цифровым взаимодействием, это позволит не только углубить теоретические основы резильентности, но и расширить практические рекомендации для повышения уровня резильентности различных групп населения.

В-третьих, важно учитывать культурные и социальные контексты, в которых происходит цифровизация. Разные культуры могут по-другому воспринимать цифровые технологии и их влияние на личность и общество. Исследования в этой области должны быть направлены на выявление культурных различий в восприятии цифровизации и ее воздействия на психологическое здоровье пользователей. Это позволит создать более универсальные модели поддержки психического здоровья, учитывающие разнообразие культурных контекстов.

Таким образом, дальнейшие исследования в области психологической резильентности в условиях прогрессирующей цифровизации общества требуют многоаспектного подхода, включающего анализ влияния цифровой среды на психическое здоровье, изучение механизмов формирования резильентности, исследование профессионального контекста и культурных различий. Эти направления не только обогатят теоретическую базу психологии, но и помогут разработать практические рекомендации для повышения психологической резильентности населения в условиях быстро меняющегося мира.

Список источников / References

1. Вахнина В. В., Васильева В. А. Негативное информационно-психологическое воздействие: особенности проявления и преодоления // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тезисов участников всерос. конф. с междунар. участием. М., 2022. С. 195–196.
2. Социализация молодежи в современном мире: трансформации, угрозы, конструктивные векторы: коллективная монография. Калуга, 2023. 252 с.
3. Енгальцев В. Ф., Моисеева И. Г., Моисеев А. В. Об особенностях применения метода контент-анализа в судебно-психологической экспертизе различной предметной направленности // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3. С. 39–46.
4. Белодед Д. Р. Ресурсы цифровой среды как инструмент информационно-психологического воздействия на молодежь // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2023): мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 года / под ред. Ю. А. Шаранова, В. Л. Ситникова. СПб., 2023. С. 89–92.
5. Буланова И. С., Двойнин А. М., Двойнина В. К. Представления об устойчивости в концептуальном пространстве психологии // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14, № 1. С. 103–113.
6. Bonanno G. A. Loss, trauma, and human resilience: Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely adverse events? *American Psychologist*. 2004. Vol. 59. Pp. 20–28.

7. Ефименко А. П. Феномен резильентности как фактор посттравматического роста в концепции салютогенного подхода // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека : монография. Ростов н/Д, 2017. С. 102–109.
8. Божевольнов Г. Ю. Адаптивное и дезадаптивное поведение как феномены психологической науки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2013. № 1. С. 81–88.
9. Снопкова Е. И., Шатунова О. В. Междисциплинарное содержание концепта резильентности и его педагогические смыслы // Человеческий капитал. 2024. № 3(183). С. 220–227.
10. Кашапов М. М., Серафимович И. В. Психология ресурсности мышления : монография. Ярославль, 2024. 164 с.
11. Рыльская Е. А. Научные подходы к исследованию жизнеспособности человека в зарубежной психологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 57–58.
12. Селиванова О. А., Быстрова Н. В., Дереча И. И., Мамонтова Т. С., Панфилова О. В. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. С. 3–10.
13. Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю. Культура безопасности как алертное состояние сотрудника полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 2(97). С. 126–132. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-126-132>.
14. Бичурина С. У. Резильентность личности в условиях поликультурной среды // Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-мире : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 21–22 апреля 2021 года. Челябинск, 2021. С. 168–174.
15. Забелина Е. В., Кузнецова Д. К. Понятие психологической резильентности: основные теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 1. С. 10–13.
16. Леонова Е. В. Качественные и количественные методы исследования в психологии : учебник. Калуга, 2017. 411 с.
17. Рассказова Е. И., Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека : учеб.-метод. пособие для студентов психологических специальностей. М., 2015. 115 с.
18. Ярошевич А. С. Развитие психологической резильентности студентов как условие психологического благополучия // Проблемы психологического благополучия : мат-лы междунар. науч.-практ. онлайн-конф., Екатеринбург; Фергана, 07 апреля 2023 года. Екатеринбург, 2023. С. 170–173.
19. Лебедева О. В., Никитина А. А., Калинина И. В. Развитие навыков психологической резильентности обучающихся в условиях дистанционного обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-3. С. 289–292.
20. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 98–106.
21. Леонова Е. В. Становление субъектности в нормативных возрастных и образовательных кризисах. Калуга, 2018. 394 с.
22. Masten A. S. Ordinary Magic. Resilience Processes in Development. *American Psychologist*. 2011. Vol. 56, No. 3. Pp. 227–238.
23. Holz N. E., Tost H., Meyer-Lindenberg A. Resilience and the brain: a key role for regulatory circuits linked to social stress and support. *Mol Psychiatry*. 2020, № 25. Pp. 379–396.

Поступила 16.01.2025; одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Коноплева Е. А., Канунников Р. И., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-271-276

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Взаимосвязь личностных характеристик и жизнестойкости у слушателей высших образовательных учреждений МВД России

Елена Александровна Коноплева, кризисный психолог отдела лингвистической и психологической поддержки¹;

elen.konopleva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4525-4034>

Роман Игоревич Канунников, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин²; roma.kanunnikov@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>

¹ Территориальный центр мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации в Свердловской области, 620000, Екатеринбург, ул. Пушкина, 11, Россия

² Уральский юридический институт МВД России, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66, Россия

Реферат. Введение. Актуальность данной работы заключается в исследовании взаимосвязи между личностными характеристиками и жизнестойкостью у сотрудников органов внутренних дел, непосредственно влияющих на выполнение служебной деятельности. В настоящее время данная проблема недостаточно проработана. Цель — изучение взаимосвязи между жизнестойкостью и типом личности, а также доминирующим психическим типом у сотрудников правоохранительных органов. **Материалы и методы.** Экспериментальная база исследования: респонденты — мужчины и женщины в возрасте от 21 года до 23 лет. Общий объем выборки — 101 человек. Методы исследования: методика «Индивидуально-типологический опросник „ИТО+“» Л. Н. Собчик (в модификации К. В. Сугоняева), «Опросник жизнестойкости» С. Р. Мадди (в модификации Д. А. Леонтьева), методика определения доминирующего психического состояния Л. В. Куликова (в модификации К. В. Сугоняева, 6-шкальная форма). Для реализации целей и задач исследования применен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. **Результаты и обсуждение.** В ходе проведения корреляционного анализа было установлено наличие взаимосвязи между жизнестойкостью и типом личности, а также доминирующим психическим типом у сотрудников органов внутренних дел. Выявлено, что сотрудники с экстравертированным типом и высокой работоспособностью являются наиболее жизнестойкими. **Выводы.** Жизнестойкость личности сотрудников органов внутренних дел обнаружила значимую взаимосвязь с экстраверсией и интроверсией. Они характеризуются устойчивостью, высоким уровнем работоспособности, выраженной экстраверсией, готовы к преодолению трудностей и самостоятельному планированию действий.

Ключевые слова: личностные характеристики, тип личности, жизнестойкость, эмоциональная устойчивость, экстраверсия, интроверсия, работоспособность, сотрудники органов внутренних дел

Для цитирования: Коноплева Е. А., Канунников Р. И. Взаимосвязь личностных характеристик и жизнестойкости у слушателей высших образовательных учреждений МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 271–276. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-271-276>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Konopleva E. A., Kanunnikov R. I., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-271-276

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Correlation of Personality Characteristics and Life Resilience in Students of Higher Educational Institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs

Elena A. Konopleva, crisis psychologist of linguistic and psychological support department¹;

elen.konopleva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4525-4034>

Roman I. Kanunnikov, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Philosophy, Psychology and Humanities²; roma.kanunnikov@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>

¹ Territory Centre of Monitoring and Responding to Emergencies in Sverdlovsk region, 11 Pushkin st., Yekaterinburg, 620000, Russia

² the Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 66 Korepin st., Yekaterinburg, 620057, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of the research is due to the necessity of studying the relationship between personal characteristics and life resilience of law enforcement officers directly affecting the professional performance. Currently this problem is not sufficiently developed. The purpose is to study the relationship between life resilience and type of personality, as well as the dominant mental type in law enforcement officers. **Materials and Methods.** Experimental basis included respondents — men and women aged from 21 to 23. The total sample consisted of 101 persons. The following methods were employed: «Individual typological questionnaire „ITQ+“» (by L. N. Sobchik modified by K.V. Sugoniaev), «Hardiness Survey» (by S. R. Maddi modified by D. A. Leontiev), Method of identifying the dominant mental state (by L. V. Kulikov modified by K. V. Sugoniaev, 6-scale form). To achieve the goals and perform the tasks of the study the correlation analysis with a Spearman rank correlation coefficient was applied. **Results and Discussion.** The correlation analysis established the relationship between life resilience and type of personality, as well as the dominant mental type of law enforcement officers. It was found that the officers with an extraverted type and high working capacity are the most resilient.

Conclusions. Life resilience of law enforcement officers revealed a significant correlation with extraversion and introversion. They are characterized by resilience, high level of efficiency expressed by extraversion, ready to overcome difficulties and independently plan their actions.

Keywords: personal characteristics, type of personality, life resilience, emotional resilience, extraversion, introversion, efficiency, law enforcement officers

Citation: Konopleva E. A., Kanunnikov R. I. Correlation of Personality Characteristics and Life Resilience in Students of Higher Educational Institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 271–276 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-271-276>

Основные положения

1. Жизнестойкость является важным показателем успешного выполнения профессиональной деятельности у сотрудников органов внутренних дел, так как способствует преодолению сложных ситуаций, возникающих в служебной деятельности.

2. Жизнестойкость сотрудника правоохранительных органов в большей степени связана с такими личностными характеристиками, как тип личности и доминирующее психологическое состояние.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Проблема изучения жизнестойкости достаточно актуальна на сегодняшний день. Именно от жизнестойкости зависит, насколько успешно человек сможет противостоять стрессовым ситуациям, сохранит свое психическое здоровье и работоспособность. Жизнестойкость в большей мере выступает социально-психологическим свойством. Яркое ее проявление можно заметить уже в подростковом возрасте. Жизнестойкость тесно связана с индивидуально-личностными свойствами и личностными характеристиками, которые выражаются в умении реализовывать свои личностные черты даже в сложных, а порой и экстремальных ситуациях.

Цель — изучение взаимосвязи между жизнестойкостью и типом личности, а также доминирующим психическим типом у сотрудников правоохранительных органов.

Теоретические предпосылки, обзор и степень изученности проблемы. С. Р. Мадди считал жизнестойкость ключевой характеристикой личности, оказывающей влияние на успешность выполнения профессиональной деятельности, заключающейся в умении противостоять стрессовым ситуациям [1].

Э. Ф. Зеер определил жизнестойкость как предиктор психологической безопасности личности, отметив, что фактором, обуславливающим развитие жизнестойкости, выступает гармонизация внутреннего психического развития и внешних условий жизнедеятельности. При этом среди детерминантов жизнестойкости он выделил индивидуальные характеристики, психофизиологические свойства и социально-психологические качества личности [2].

Исследования жизнестойкости сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) ведутся с учетом специфики профессиональной деятельности (Ю. А. Игумнова (сотрудники уголовного розыска) [3], И. В. Васильева, О. С. Возженникова (сотрудники, командированные в Северо-Кавказский регион) [4]); во взаимозависимости

с безопасностью личности (Е. В. Ахмадеева, С. И. Галяутдинова [5]), а также влияния социально-демографических критериев (И. Ю. Кобозев (стаж службы) [6]) и др.

Жизнестойкость у сотрудников полиции способствует выполнению служебной деятельности на более высоком уровне. Она позволяет успешно противостоять стрессовым ситуациям, которых достаточно много в деятельности сотрудников ОВД. Формирование жизнестойкости у сотрудников полиции во многом зависит от личностных характеристик [7].

Конечно, такое качество личности, как жизнестойкость, во многом индивидуализировано, но при этом его развитие при подготовке сотрудников ОВД является важным условием успешного выполнения профессиональной деятельности. При этом важно понимать, что жизнестойкость сотрудников полиции выступает как интегративное качество личности, позволяющее успешно преодолевать стрессовые ситуации, сохранять эмоциональную устойчивость и поддерживать работоспособность.

В исследованиях Е. В. Дворцовой, К. И. Шаховой жизнестойкость связана со следующими личностными характеристиками: доминирующим психологическим состоянием и типом личности. Доминирующий тип личности ими рассматривается как состояние личности, которое наиболее свойственно длительному периоду жизнедеятельности. К его характеристикам относят активность, эмоциональную устойчивость, работоспособность, спокойствие, удовлетворенность жизнью. Жизнестойкость, прежде всего, находится во взаимосвязи с эмоциональной устойчивостью и работоспособностью у сотрудников ОВД [8].

Эмоциональная устойчивость сотрудников ОВД чаще всего рассматривается как основа готовности сотрудников к действиям в экстремальных ситуациях. Являясь составной частью психологической устойчивости, она позволяет сохранять психическое равновесие в повседневных и особых условиях служебной деятельности. Показатели эмоциональной регуляции зависят от психофизиологического состояния сотрудника полиции, степени сложности ситуации, а также от количества неконтролируемых ошибок. Нарушения эмоциональной регуляции у сотрудников полиции приводят к нарушениям эмоциональной устойчивости и характеризуются срывами при выполнении служебных задач [9].

Как считает М. И. Дьяченко, эмоциональная устойчивость тесным образом связана со способностью личности выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя при этом внутренний баланс и функциональную надежность. Данная способность личности получила название «жизнестойкость» [10].

По мнению А. Н. Кулиничева, В. Е. Дыбова, такая личностная характеристика, как работоспособность, напрямую связана с жизнестойкостью. Сотрудникам ОВД требуется не только умение сопротивляться стрессовым ситуациям, возникающим в процессе выполнения служебной деятельности, но и хорошая физическая форма [11].

Высокий уровень жизнестойкости у сотрудников полиции составляет основу внутреннего гармоничного состояния, что в свою очередь представляется фундаментом для поддержания высокого уровня работоспособности. В то же время жизнестойкость позволяет сохранять работоспособность в стрессовых ситуациях у сотрудников правоохранительных органов за счет поддержания стабильности рабочих процессов. В связи с этим жизнестойкость защищает работоспособность сотрудника полиции от неблагоприятного воздействия стрессовой ситуации [12].

Тип личности — это набор устойчивых личностных характеристик и черт, проявляющихся независимо от ситуации, в которой находится человек. На связь типа личности (экстраверсии и интроверсии) с жизнестойкостью указывают исследования Н. Н. Соловьева [13].

Исследованиями доказываются наличие связи жизнестойкости и экстраверсии. Авторы обосновывают наличие данной связи сопряженностью экстраверсии с оптимизмом. Наличие оптимизма у сотрудников правоохранительных органов позволяет положительно переоценивать сложившуюся стрессовую ситуацию и находить оптимальное решение [14].

Сотрудникам полиции интровертированного типа сложнее оценить сложившуюся ситуацию и найти правильное решение. Ориентация на свой внутренний мир не позволяет в полной мере проявить те личностные характеристики, которые связаны с жизнестойкостью.

Итак, обзор показал некоторые характеристики жизнестойкости сотрудников ОВД и их недостаточную степень изученности. Существует значимая взаимосвязь жизнестойкости и личностных характеристик (типом личности и доминирующим психическим состоянием).

Материалы и методы

Сбор данных осуществлен в 2023–2024 учебном году, базу исследования составили слушатели выпускного курса образовательной организации МВД России. Выборка однородная, все респонденты — мужчины и женщины в возрасте от 21 года до 23 лет. Общий объем выборки — 101 человек.

В качестве основного метода выступило психодиагностическое тестирование, которое включило три методики:

1) методику «Индивидуально-типологический опросник „ИТО+“» (Л. Н. Собчик в модификации К. В. Сугоняева), позволяющую дать количественные оценки выраженности индивидуально-типологических свойств личности;

2) «Опросник жизнестойкости» С. Мадди (в модификации Д. А. Леонтьева), предназначенный для диагностики особенностей жизнестойкости.

3) методику определения доминирующего психического состояния Л. В. Куликова (в модификации К. В. Сугоняева, 6-шкальная форма), предназначенную

для определения характеристик настроения и личностного уровня психических состояний.

Для реализации целей и задач исследования применен корреляционный анализ, для оценки результатов которого использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

На первом этапе были проанализированы средние значения изучаемых показателей по шкалам Методики определения доминирующего психического состояния Л. В. Куликова (в модификации К. В. Сугоняева, 6-шкальная форма). Данные в стэнах, полученные по шкале «Активность» ($\bar{x}=6,26\pm0,76$), позволяють отметить умеренный уровень активности, оптимистичности, готовности к преодолению препятствий и достижению своих целей. Шкала «Работоспособность» ($\bar{x}=6,61\pm0,75$) показывает субъективные ощущения внутренней собранности, запаса сил, энергии, что является важной диагностической информацией, позволяющей не только оценить состояние обследуемых, но и прогнозировать его развитие как в профессиональной деятельности, так и в поведении в целом. Шкалы «Спокойствие» ($\bar{x}=6,66\pm0,71$) и «Эмоциональная устойчивость» ($\bar{x}=6,66\pm0,71$) демонстрируют умеренный уровень тревожности и эмоциональной устойчивости, оптимальные для сохранения адекватности и эффективности психической саморегуляции, поведения и деятельности в состоянии эмоционального возбуждения. Шкала «Удовлетворенность жизнью» ($\bar{x}=6,76\pm0,43$) говорит об оценке личностной успешности и способности брать на себя ответственность. Полученные показатели по всем шкалам позволяют положительно оценить доминирующее психологическое состояние испытуемых.

Ключевая роль в совладании со стрессами заключается в сохранении соматического и душевного здоровья, а также в опосредованном влиянии на успешность деятельности жизнестойкости, что подтверждается результатами корреляционного анализа между шкалами «Методика определения доминирующего психического состояния» и «Опросник жизнестойкости» (табл. 1).

Таблица 1. Корреляционные взаимосвязи между шкалами методики определения доминирующего психического состояния и опросника жизнестойкости, n=101
(Table 1. Correlations between the scales of the method for determining the dominant mental state and the questionnaire of life resilience, n=101)

Показатели доминирующего психического состояния	Показатели жизнестойкости			
	Жизнестойкость	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Активность	0,511*	0,374	0,590*	0,384
Работоспособность	0,419*	0,400	0,409	0,368
Спокойствие	0,501*	0,632*	0,384	0,398
Эмоциональная устойчивость	0,534*	0,485*	0,515*	0,487*
Удовлетворенность жизнью	0,608*	0,523*	0,500*	0,600*

Примечание: здесь и в последующих таблицах * — корреляция значима на уровне при $p\leq0,01$. Согласно таблице критических значений коэффициента корреляции Спирмена для 5-процентного уровня ($P=0,05$) $r=0,207$, для $P=0,01$, $r=0,270$.

Можно отметить умеренную положительную взаимосвязь между параметрами «Жизнестойкость» и «Удовлетворенность жизнью» (0,608, $p \leq 0,01$). Удовлетворенность жизнью — субъективная оценка успешности самореализации. Слушатели выпускного курса ощущают способность брать на себя ответственность. Они чувствуют готовность к преодолению трудностей. Такие сотрудники нацелены на реализацию своих способностей, знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности, могут отстаивать свою точку зрения всеми доступными способами. У испытуемых отмечаются достаточно высокая оценка личностной успешности, самоидентификация в жизни и профессии. Эти два параметра можно рассматривать как факторы психологической устойчивости личности.

Жизнестойкость определяет способность личности выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя при этом внутреннюю сбалансированность без снижения успешности деятельности.

Результаты корреляционного анализа между шкалами методик «Индивидуально-типологический опросник» и «Опросник жизнестойкости» представлены в таблице 2.

Таблица 2. Корреляционные взаимосвязи между шкалами методик «Индивидуально-типологический опросник» и «Опросник жизнестойкости», $n=101$
(Table 2. Correlations between the scales of the methods «Individual typological questionnaire» and «Hardiness Survey», $n=101$)

Индивидуально-типологические показатели	Показатели жизнестойкости			
	Жизнестойкость	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Экстраверсия	0,411*	0,367*	0,322*	0,415*
Интроверсия	-0,492*	-0,399*	-0,405*	-0,519*
Тревожность	-0,397*	-0,300	-0,335*	-0,372*
Деадаптация	-0,353*	-0,204	-0,345*	-0,480*
Агрессия	-0,265	-0,163	-0,224	-0,397*
Депрессия	-0,375*	-0,318	-0,362*	-0,344*
Лидерство	0,565*	0,443*	0,457*	0,560*
Социальность	0,247	0,198	0,182	0,326*
Внутренний конфликт	-0,185	-0,203	0,004	-0,332*
Дисбаланс разнонаправленных тенденций	0,475*	0,464*	0,407*	0,329*

Примечание: достоверный коэффициент корреляции от $r=0,220$, при $p \leq 0,05$.

Согласно данным корреляционного анализа жизнестойкость и ее компоненты имеют положительные корреляционные связи разной степени значимости с экстраверсией и отрицательные — с интроверсией. Наблюдается врожденная уязвимость, выражающаяся в особенностях темперамента, прежде всего таких, как интроверсия, склонность к уходу в мир идеалов, застенчивость, замкнутость, социальная пассивность, негативно влияющая на характер жизнестойкости личности. Вместе с тем открытость, общительность, склонность к широким контактам, разговорчивость и двига-

тельная раскрепощенность при сниженной склонности к самоанализу и самосовершенствованию, присущим экстраверсии, более благоприятны для повышения уровня жизнестойкости.

Положительные корреляционные связи отмечаются между показателем «Жизнестойкость», а также его компонентами «Вовлеченность», «Контроль», «Принятие риска» со шкалой «Лидерство». На уровень жизнестойкости влияют независимость, самостоятельность в принятии решений, предприимчивость, низкая переносимость ситуации подчинения. Положительная взаимосвязь определена также между компонентами жизнестойкости «Принятие риска» и «Социальность».

Убежденность в том, что все то, что случается, способствует саморазвитию личности, готовность действовать в отсутствие надежных гарантий успеха напрямую взаимосвязаны с общительностью, с мерой включенности личности в социальную микросреду. Иными словами, уровень жизнестойкости личности взаимосвязан с характеристиками, проявляющимися в социальной активности индивида. Шкала «Дисбаланс разнонаправленных тенденций», указывающая на наличие акцентуаций характера у испытуемых, также положительно коррелирует с показателями жизнестойкости.

Наличие акцентуированных черт личности представляет собой фактор риска дезадаптации, задавая «коридор» реагирования и тем самым ограничивая ситуативную свободу выбора. Лица с выраженными акцентуациями характера по педантичному, дистимическому, гипертимному типам имеют более высокую степень сопротивляемости стрессу. Данный аспект нуждается в дополнительной проверке применительно к выборке сотрудников ОВД.

Отрицательные корреляции получены между показателем «Жизнестойкость» и показателями «Тревожность» ($r=-0,397$; $p \leq 0,05$), «Деадаптация» ($r=-0,353$; $p \leq 0,05$), «Депрессия» ($r=-0,375$; $p \leq 0,05$). Снижение жизнестойкости можно рассматривать как фактор риска дезадаптивности личности, повышения тревожности, мнительности, склонности к навязчивым страхам и паническим реакциям, наличия аутоагрессивных тенденций.

Представленные выводы подтверждаются результатом корреляционного анализа между шкалами методик «Индивидуальный типологический опросник» (ИТО+) и «Методики определения доминирующего психического состояния» (ДПС) (табл. 3). Аналогично вышеописанным данным, стоит отметить разнонаправленные взаимосвязи показателей «Удовлетворенность жизнью» со шкалами «Экстраверсия» ($r=0,497$; $p \leq 0,01$) и «Интроверсия» ($r=-0,487$; $p \leq 0,01$).

Существуют также положительные корреляции с показателями «Лидерство» ($r=0,602$; $p \leq 0,01$) и «Социальность» ($r=0,399$; $p \leq 0,05$), позволяющие отметить наличие удовлетворенности жизнью в целом, собственной самореализацией, а также готовности преодолеть трудности в реализации своих способностей. Способность брать на себя ответственность, возможность выбора взаимосвязаны с социальной активностью человека, с развитием

социальной включенности в различные аспекты жизнедеятельности. В то время как «Конформизм» ($r=-0,390$; $p\leq 0,01$) негативно сказывается на удовлетворенности жизнью. Снижению удовлетворенности жизнью соответствует также повышение тревожности ($r=-0,462$; $p\leq 0,01$) как неотъемлемой части адаптации к окружающей действительности и неадекватности механизмов приспособления (расстройство адаптации) ($r=-0,416$; $p\leq 0,01$). Чем выше удовлетворенность жизнью и профессиональной деятельностью, тем выше способность брать на себя ответственность, а также самореализация и самоидентификация в профессии.

Таблица 3. Корреляционные взаимосвязи между шкалами методик «Индивидуально-типологический опросник „ИТО+“» и «Методика определения доминирующего психического состояния»

(Table 3. Correlations between the scales of the methods «Individual typological questionnaire „ITQ+“» and «Method of identifying the dominant mental state»)

Индивидуально-типологический опросник	Методика определения доминирующего психического состояния				
	Активность	Работоспособность	Спокойствие	Эмоциональная устойчивость	Удовлетворенность жизнью
Экстраверсия	0,322	0,163	0,158	0,172	0,497*
Интроверсия	-0,158	-0,229	-0,438*	-0,394	-0,487*
Спонтанность	0,264	0,127	0,140	0,106	0,349
Тревожность	-0,438*	-0,479*	-0,344	-0,492*	-0,462*
Дезадаптация	-0,355	-0,545*	-0,432*	-0,555*	-0,416*
Агрессия	-0,136	-0,328*	-0,052	-0,388	-0,079
Депрессия	-0,197	-0,074	-0,234	-0,374	-0,251
Лидерство	0,353	0,312	0,426*	0,335	0,602*
Социальность	0,212	0,129	0,287	0,256	0,399
Конформизм	-0,317	-0,305	-0,363	-0,207	-0,390
Внутренний конфликт	0,047	-0,140	-0,441*	-0,325	-0,235
Дисбаланс разнонаправленных тенденций	0,354	0,300	0,462*	0,329	0,577*

Показатель «Эмоциональная устойчивость» отрицательно коррелирует со следующими шкалами методики «Индивидуально-типологический опросник „ИТО+“»: «Тревожность» ($r=-0,492$; $p\leq 0,01$), «Дезадаптация» ($r=-0,555$; $p\leq 0,01$), «Агрессия» ($r=-0,388$; $p\leq 0,05$), «Депрессия» ($r=-0,374$; $p\leq 0,05$), «Внутренний конфликт» ($r=-0,325$; $p\leq 0,05$), подтверждая взаимосвязь эмоциональной устойчивости и сохранения адекватности и эффективности психической саморегуляции, поведения и деятельности сотрудников правоохранительных органов. При снижении показателя эмоциональной устойчивости наблюдается усиление эмоциональных нарушений, включая предрасположенность к психосоматическим и аутоагрессивным проявлениям.

Показатели по шкале «Работоспособность» коррелируют с показателями «Тревожность» ($r=-0,479$; $p\leq 0,01$),

«Дезадаптация» ($r=-0,545$; $p\leq 0,01$) и «Агрессия» ($r=-0,328$; $p\leq 0,05$) (обратная зависимость). Чем выше у сотрудника работоспособность, тем меньше тревожность и агрессия. И наоборот, тревожность может выступать барьером в общении, препятствовать эффективному общению, ухудшает работоспособность сотрудника органов внутренних дел.

Показатели по шкале «Спокойствие» коррелируют с показателями «Дезадаптация» ($r=-0,432$; $p\leq 0,01$), «Внутренний конфликт» ($r=-0,441$; $p\leq 0,01$), «Тревожность» ($r=-0,344$; $p\leq 0,05$) и «Конформизм» ($r=-0,363$; $p\leq 0,05$) в обратной зависимости. Чем выше спокойствие сотрудника, тем большая уверенность в своих силах и возможностях. И наоборот, менее спокойные сотрудники склонны испытывать беспокойство в широком круге жизненных ситуаций, видеть угрозу престижу, благополучию независимо от того, насколько реальны причины.

Выводы

Таким образом, жизнестойкость личности сотрудников ОВД обнаружила значимую взаимосвязь с такими чертами личности, как экстраверсия и интроверсия. При экстраверсии более выражены вовлеченность, контроль, принятие риска: готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей, к самостоятельному планированию и ответственности. Профессиональная деятельность сотрудника полиции предполагает взаимодействие как с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями, так и с различными категориями граждан. Развитие коммуникативных способностей играет значимую роль в выполнении профессиональных функций.

На основании этого можно дать описательную характеристику жизнестойкого сотрудника — это эмоционально устойчивые, активные люди с высоким уровнем работоспособности и с выраженной экстраверсией. Они готовы к деятельности, связанной с преодолением трудностей, к самостоятельному планированию и ответственности. Сотрудники, имеющие уровень жизнестойкости выше среднего, гибко и адекватно реагируют на изменение условий служебной деятельности, легко овладевают новыми видами активности, увереннее чувствуют себя в незнакомых ситуациях.

Область применения и перспективы. Жизнестойкость может стать критерием оценки эмоционального состояния сотрудника органов внутренних дел и удовлетворенности деятельностью. Взаимосвязь жизнестойкости и ее компонентов с личностными характеристиками сотрудников ОВД позволит использовать полученные данные в системе морально-психологического обеспечения учебной (служебной) деятельности, в органах, подразделениях, учреждениях системы МВД России. Задачей дальнейшего исследования в данном направлении должно стать изучение жизнестойкости в территориальных органах МВД России.

Список источников / References

1. Maddi S. R. Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth. 2013. 88 с.
 2. Зеер Э. Ф. Социально-психологические аспекты развития жизнеспособности и формирования жизнестойкости человека // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. С. 69–76.
 3. Игумнова Ю. А., Живаева Ю. В., Стоянова Е. И. Исследование характеристик жизнестойкости сотрудников уголовного розыска МВД России // Теория и практика современной науки. 2019. № 5(47). С. 237–241.
 4. Васильева И. В., Возженникова О. С. Параметры жизнестойкости сотрудников органов внутренних дел, направляемых для прохождения службы в Северо-Кавказский регион // Прикладная психология и педагогика. 2020. Т. 5, № 3. С. 67–84. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-28-45>.
 5. Ахмадеева Е. В., Галютдинова С. И. Изучение социальной фрустрированности, жизнестойкости и психологической безопасности личности сотрудников МВД // Психология и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 106–120. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110109>.
 6. Кобозев И. Ю. Жизнестойкость и личностные особенности сотрудников органов внутренних дел с различным стажем службы // Вестник психотерапии. 2023. № 87. С. 89–95. <https://doi.org/10.25016/2782-652X-2023-0-87-89-95>.
 7. Гончарова Н. А., Душкин А. С., Коноплева И. Н., Пряхина М. В. Особенности эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции на различных этапах профессиогенеза // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 51–63. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130104>.
 8. Дворцова Е. В., Шахова К. И. Взаимосвязь эмоциональных состояний с жизнестойкостью и локусом контроля у сотрудников УМВД // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 6. С. 426–429. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.142>.
 9. Цветков В. Л., Балашова В. А., Пустовитова Д. А., Хрусталева Т. А. Психологическая устойчивость и готовность сотрудников полиции к служебной деятельности в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 2(97). С. 133–139. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-133-139>.
 10. Дьяченко М. И. О подходах к изучению эмоциональной устойчивости // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 106–112.
 11. Кулиничев А. Н., Дыбов В. Е. Факторы, способствующие физической работоспособности сотрудников органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 3. С. 36–39.
 12. Селезнева Ю. В., Комерова Н. Е., Тарасова А. Ю. Жизнестойкость и восприятие времени как личностные ресурсы саморегуляции // Российский психологический журнал. 2024. Т. 21, № 3. С. 27–32. <https://doi.org/10.21702/z3dvjd29>.
 13. Соловьев Н. Н. Личностные особенности курсантов полиции в связи с различиями по темпераменту // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 114–118. <https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.24>.
 14. Постникова М. И., Пищик В. И., Сиврикова Н. В., Микляева А. В. Жизнестойкость личности и факторы «Большой пятерки» // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19, № 2. С. 121–130. <https://doi.org/10.11621/nprj.2024.0210>.
- Поступила 08.12.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 30.06.2025.*
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Киселева Е. А., Кузьмина О. А., Горбунова М. И., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-277-285

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Самоактуализация личности курсантов

Елена Александровна Киселева, кандидат психологических наук, профессор кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения¹; 61105@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3042-5814>

Ольга Анатольевна Кузьмина, кандидат филологических наук, начальник кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения¹; 6172606@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7214-3604>

Марина Иосифовна Горбунова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры специальной электротехники автоматизированных систем и связи¹; M.Gorbunova@academygps.ru; <https://orcid.org/0009-0004-6131-3059>

¹ Академия государственной противопожарной службы МЧС России, 129366, Москва, ул. Бориса Галушкина, 4, Россия

Реферат. Введение. Проблема изучения самоактуализации личности курсантов — будущих специалистов экстремального профиля выступает актуальной научно-практической задачей, так как от особенностей ее проявления зависит эффективность профессиональной деятельности по спасению людей в условиях чрезвычайных ситуаций. **Материалы и методы.** В контексте обучения курсантов в вузе пожарно-технического профиля на выборочной совокупности гомогенной группы 69 обучающихся произведена диагностика самоактуализации личности. В исследовании использовались методика А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калина (тест — САМОАЛ) и проективная слабоструктурированная методика Х. Ньютена в целях определения структуры ценностно-смысловой сферы личности. Была разработана авторская анкета для определения критериев самообразования. Исследование проводилось в феврале–июне 2024 г. **Результаты и обсуждение.** Изучается самоактуализация курсантов как один из важнейших аспектов их профессионального становления. Самоактуализация личности является осознанным процессом развития обучающихся и формирования у них устойчивой платформы удовлетворения от собственных достижений — сначала в учебной деятельности, затем в профессиональной и в дальнейшем — в их жизни в целом. Была определена структура ценностно-смысловой сферы, в сравнительном анализе которой выявлены определенные различия. В целом она представляет собой поликомпонентную систему: учеба; удовлетворение базисных потребностей, удовлетворение потребностей роста. Проведенное анкетирование профессионального самообразования курсантов старших и младших курсов показало значимость самообразования именно для курсантов старших курсов. Обучение в Академии ГПС МЧС России выступает для них возможностью проявить себя, реализовать интересы, сформировать склонности к будущей профессиональной деятельности. **Выводы.** Выделена иерархия ценностей и смыслов курсантов младших и старших курсов. Наиболее важным для курсантов является получение профессии и стремление найти свое место в жизни. Проведенное анкетирование помогло изучить специфику, формы и приемы самообразования курсантов, позволяющие им реализовать свои способности и интересы.

Ключевые слова: самоактуализация, самореализация, самоопределение, ценностные ориентации, учебная деятельность

Для цитирования: Киселева Е. А., Кузьмина О. А., Горбунова М. И. Самоактуализация личности курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 277–285. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-277-285>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Kiseleva E. A., Kuzmina O. A., Gorbunova M. I., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-277-285

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Self-Actualization of the Cadet Personality

Elena A. Kiseleva, Candidate of Science (in Psychology), Professor at the chair of Personnel, Legal and Psychological Maintenance¹; 61105@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3042-5814>

Olga A. Kuzmina, Candidate of Science (in Philology), chief of the chair of Personnel, Legal and Psychological Maintenance¹; 6172606@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7214-3604>

Marina I. Gorbunova, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Special Electrical Engineering of Automated Systems and Communication¹; M.Gorbunova@academygps.ru; <https://orcid.org/0009-0004-6131-3059>

¹ the Academy of State Fire Service of the Russian EMERCOM, 4 Boris Galushkin st., Moscow, 129366, Russia

Abstract. Introduction. The problem of studying the self-actualization of the personality of the cadets — future specialists of extreme profile, is a relevant scientific and practical task, since its characteristics influence the effectiveness of professional activities connected with rescuing people in emergency situations. **Materials and Methods.** In the context of training cadets at the university of fire-technical profile on a sample population of homogeneous group of 69 students, a diagnosis of self-actualization of personality was established. The study used the A. V. Lazukin method adapted by N. F. Kalina „Self-Actualization of Personality“ and projective low-structured method of J. Nuttin to determine the structure of value-meaning sphere of personality. An authors' questionnaire was also developed to define criteria for self-education. The study was conducted in February–June, 2024. **Results and Discussion.** Cadets' self-actualization is considered as one of the most important aspects of their professional development. Self-actualization of the person is a conscious process of development of students and formation of their stable platform for satisfaction from their own achievements — first in educational activities, then in professional and later — in their life as a whole. The structure of the value-

meaning sphere was defined, in which a comparative analysis revealed certain differences. Overall, it is a multicomponent system, namely: learning; meeting basic needs; meeting growth needs. The survey conducted on professional self-education of senior and junior cadets showed the importance of self-education precisely for senior cadets. Training at the Academy of State Fire Service of the Russian EMERCOM is an opportunity for them to show themselves, realize their interests, form inclinations to future professional activities. **Conclusions.** The hierarchy of values and meanings of junior and senior cadets was revealed. The most important thing for the cadets is to get a job and find their place in life. The questionnaire conducted helped to study the specifics, forms and methods of cadets' self-education. This helps them realize their abilities and interests.

Keywords: self-actualization, self-determination, value orientations, learning activities

Citation: Kiseleva E. A., Kuzmina O. A., Gorbunova M. I. Self-Actualization of the Cadet Personality. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 277–285 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-277-285>

Основные положения

1. Самоактуализация курсантов в условиях учебной деятельности — важный аспект их профессионального становления. Самоактуализация подразумевает стремление личности к реализации своего потенциала, достижению высших ориентиров в своем развитии и самореализации.

2. Самоактуализация представляет собой комплексный процесс, включающий профессиональное, личностное и нравственное развитие. Поддержка этого процесса со стороны профессорско-преподавательского состава играет ключевую роль в формировании успешных профессионалов — пожарных и спасателей.

3. Учебная деятельность оказывает значительное влияние на процесс самоактуализации. Она способствует формированию знаний и навыков, развитию критического мышления, личностному росту, социальной адаптации, эмоциональной устойчивости, творческому мышлению, целеустремленности и осознанию своих возможностей.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Человек не живет достигнутым, он всегда в поиске и в динамике — в учебе, в труде, в общении, в личностном или профессиональном развитии. Любому из нас необходимо раскрытие себя, нужна реализация своих помыслов и притязаний. И лучше всего для собственного удовлетворения и успеха осуществить потребность в самоактуализации, т. е. наиболее полно и глубоко раскрыть свои способности и таланты, реализовать в максимальной степени свои профессиональные и другие интенции.

Обучаясь в Академии ГПС МЧС России, молодые люди стремятся к полному раскрытию своего потенциала — к вершине иерархии потребностей [1; 2].

В контексте учебной деятельности со строго регламентированными условиями это может выражаться достаточно многогранно: в первую очередь, в непреложном освоении профессии пожарного и спасателя, которую они избрали на всю свою жизнь и в которой хотят достичь уровня мастера, авторитета или даже наставника (в соответствии с известной полной периодизацией Е. А. Климова, отражающей развитие человека как субъекта труда [3]). Их стремление и желание собственного профессионального роста уже на первых курсах освоения данной профессии дает благоприятную перспективу бу-

дущего, они хотят видеть себя как успешных профессионалов, став, если не генералом, так полковником и никак не ниже. Во вторую очередь, они не только осваивают теорию своей профессии, но и формируют свою физическую выносливость, силу, необходимую для процесса повседневности и для условий чрезвычайной ситуации, справедливо полагая, что это и в профессиональной деятельности, и в межличностном общении поставит их на уровень выше — ведь они могут помочь более слабым, попавшим в беду пострадавшим и одновременно объединить в одной команде таких же, как они сами: надежных, смелых, стойких и очень дисциплинированных. И наконец, в третью очередь, самоактуализация предполагает развитие определенных социально-психологических качеств человека: лидерства, стрессоустойчивости, готовности к выполнению сложнейших действий в условиях депривации и т. д. Эти качества бесценны в коллективной деятельности специалистов экстремального профиля [4–6].

Цель — выявить психологическое содержание самоактуализации личности курсантов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Выявить особенности самоактуализации курсантов.
2. Описать способы самоактуализации в условиях учебной деятельности.
3. Проанализировать различия в самоактуализации курсантов младших и старших курсов.

В контексте обучения курсантов в вузе пожарно-технического профиля на выборочной совокупности гомогенной группы 69 обучающихся проведена диагностика самоактуализации личности.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Анализируя научную литературу по теме самоактуализации, можно найти множество трактовок и авторских подходов к решению проблемы. Проблеме самоактуализации личности посвящены исследования З. Фрейда, А. Адлера, Э. Фромма, К. Хорни, Э. Эриксона, К. Г. Юнга и др. [7–9]. Само понятие самоактуализации было сформулировано в середине XX в. в рамках гуманистической психологии, опирающейся на положения о целостности человека в аспектах его ценностей и смыслов жизни. К. Роджерс, основатель концепции гуманистической психологии, определял работу своей жизни в рамках

фундаментальной веры в человеческий потенциал роста [10]. В настоящее время феномен самоактуализации рассматривается в широком ряду синонимов: это и самореализация, и самоопределение, и самоактивация и др. Но, главное, наиболее часто самоактуализация изучается в условиях учебной или учебно-профессиональной деятельности, например, в трудах Е. В. Булгаковой, Л. В. Цуриковой и др. [11; 12].

Таким образом, самоактуализация курсантов в условиях учебной деятельности — важный аспект их профессионального становления. Самоактуализация подразумевает стремление личности к реализации своего потенциала, достижению высших ориентиров в развитии и самореализации. В контексте обучения курсантов в вузах пожарно-технического профиля самоактуализация может включать развитие профессионально важных качеств, определенных личностных характеристик и, как следствие, формирование активной жизненной позиции. Самоактуализация представляет собой комплексный процесс, охватывающий профессиональное, личностное и нравственное развитие. Поддержка этого процесса со стороны профессорско-преподавательского состава играет ключевую роль в формировании успешных профессионалов — пожарных и спасателей.

Учебная деятельность оказывает значительное влияние на процесс самоактуализации, так как она предоставляет человеку реальные возможности для развития и раскрытия своей личности. Она способствует формированию знаний и навыков, развитию критического мышления, личностному росту, социальной адаптации, эмоциональной устойчивости, творческому мышлению, целеустремленности и осознанию своих возможностей. Все эти аспекты в совокупности создают условия для максимальной реализации человеческого потенциала и достижения высокого уровня самоактуализации.

Материалы и методы

В данном исследовании в качестве стандартизованного теста использовалась методика автора А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калина (тест САМОАЛ), а также проективная слабоструктурированная методика Х. Ньютена в целях определения структуры ценностно-смысловой сферы личности [13; 14].

Была разработана и апробирована авторская анкета для изучения специфики самообразования курсантов — процесса непрерывного обучения, при котором человек самостоятельно приобретает новые знания, развивает свои навыки, формирует компетенции без формальной образовательной программы.

Результаты и обсуждение

По методике А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калина (тест САМОАЛ) были получены результаты по структуре самоактуализации, проранжированные в соответствующем порядке и представленные в табл. 1.

Очень высокие и очень низкие значения по шкалам не выявлены, получены исключительно средние результаты, которые можно интерпретировать следующим образом. Так, в зону средних значений попали результаты по шкале гибкости в общении и шкале контактности.

Необходимо пояснить, что для сотрудника подразделений системы МЧС России коммуникативная открытость и компетентность в совокупности с коммуникативной гибкостью являются действительно приоритетными социально-психологическими качествами, позволяющими устанавливать синтонные отношения в коллективе, а также не допускать фальши и лицемерия в межличностном общении.

Таблица 1. Элементы самоактуализации личности
(Table 1. Elements of personality self-actualization)

Шкалы	Краткое содержание высоких значений	Ранг
Стремление к самоактуализации	Умение выражать себя в достижениях	6
Шкала ориентации во времени	Жить настоящим, а не прошлым или будущим	4
Шкала ценностей	Принятие социальных ценностей	8
Взгляд на природу человека	Гармоничные отношения с окружающими людьми	2
Высокая потребность в познании	Стремление к познанию нового	9
Стремление к творчеству, или креативность	Творчество в любых видах деятельности	8
Автономность	Стремление к независимости	8
Спонтанность	Естественность поведения	1
Самопонимание	Наличие своего мнения, уверенность	4
Аутосимпатия	Высокая самооценка	4
Шкала контактности	Предрасположенность к контактам с людьми	10,5
Шкала гибкости	Умение найти подход к собеседнику и одновременно выразить свое «Я»	10,5

Результаты по шкале гибкости в общении свидетельствуют о взаимодействии с окружающими, способности к самораскрытию. Такие люди ориентированы на личностное общение, они достаточно уверены в себе, в том, что они интересны собеседнику и общение с ними может приносить удовольствие. Контактность понимается как общая предрасположенность к контактам с другими людьми, необходимая основа синергической установки личности, она также расположена на среднем уровне.

Несколько ниже средних значений результаты шкалы потребности в познании, что описывает способность к бытийному познанию — бескорыстную жажду нового, интерес к объектам, не связанный прямо с удовлетворением каких-либо потребностей. Такое познание, считает А. Маслоу, более точно и эффективно, поскольку его процесс не искажается желаниями и влечениями. Человек просто видит то, что есть, и ценит это [15]. Ценности человека, его креативность, а также качество автономности имеют значения недостаточно высокого порядка. Многие психологи в качестве базовых ценностей называют истину, добро, красоту, совершенство, справедливость, порядок и т. д. [16]. Эти понятия, действительно, часто рассматриваются как фундаментальные, незыблемые, универсальные, к которым стремятся люди в различных культурах и эпохах. Истина отражает стремление к пониманию мира, добро олицетворяет гуманность в отношениях между

людьми, красота воспринимается через эмоции и чувства человека, совершенство является идеалом для всех, справедливость определяет честность и беспристрастность в социальных отношениях. Что касается базовой ценности порядка, то в контексте социальной и личной жизни он означает организованность, структурированность, связан с психологическим благополучием и создает ощущение контроля над собственной жизнью.

У курсантов эти ценности являются предпочтительными, входят в высокий ранг оценивания элементов самоактуализации, однако в совокупности находятся на уровне средних значений. Их предпочтение указывает на стремление к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми, далекое от желания манипулировать ими в своих интересах. Креативность, или творческое отношение к жизни, также характерна для лиц выборочной совокупности, но не относится к самым значимым в плане самоактуализации. Это же касается и такого качества, как автономность. Будучи критерием психического здоровья личности, автономность также находится на уровне средних значений.

Наиболее низкие значения выявлены по шкале спонтанности, что свидетельствует о дефиците этого психологического качества в структуре самоактуализации. Способность к спонтанному поведению прямо коррелирует с понятием раскрепощенности, свободы, игры роли. Для будущих пожарных и спасателей это качество не входит в перечень профессионально важных, однако в коллективе оно вполне весомо. Таким образом, выявленная ранжированная система самоактуализации курсантов позволяет характеризовать ее как определенно значимую и актуальную для контингента обучающихся.

Посредством проведения психодиагностического исследования на основе проективной слабоструктурированной методики Х. Ньюттена была выявлена и определена ценностно-смысловая сфера, в сравнительном анализе которой обнаружены некие различия. Этот метод предполагает использование гибкого подхода к вопросам и структуре беседы, что позволяет исследователю глубже понять мысли и чувства собеседника. Слабоструктурированное интервью используется в тех случаях, когда необходимо получить глубокие и подробные данные о личных переживаниях, взглядах и опыте людей, сталкиваясь с неожиданными темами и направлениями. Оно особенно значимо при изучении чувств, ценностей, установок и поведения людей в различных социальных контекстах, связанных с обыденностью или экстремальными ситуациями.

Использование методики Х. Ньюттена позволило выявить влияние ценностей на личностное развитие. В психологии доказано, что ценности помогают найти смысл в жизни, наполняют деятельность значимостью и направленностью, мотивируют на достижение целей, формируют идентичность, направляют в процессе принятия решений, влияют на выбор друзей и социальных групп, служат опорой в трудных жизненных ситуациях. Таким образом, ценности оказывают глубокое и всестороннее влияние на личностное развитие [17–19].

Автор методики Хенри Ньюттен, известный бельгийский философ и педагог, внес значительный вклад в исследование взаимосвязи между ценностями и процессом самоактуализации. Его идеи зиждятся на том, что ценности играют ключевую роль в определении целей и направлений развития личности, влияя на ее стремление к самоактуализации. Ценности служат основными ориентирами для человека в его стремлении к самоактуализации. От них зависит, какие цели и идеалы являются значимыми для индивида, и они направляют его поведение и выбор. Человек, обладающий четкими и осознанными ценностями, легче находит смысл в своей жизни и движется к достижению поставленных целей. Причем у каждого человека существует своя иерархия ценностей, которая обуславливает приоритетность различных аспектов жизни. Эта иерархия может меняться в течение жизни под влиянием опыта и внешних факторов. Саморазвитие и самоактуализация зависят от того, насколько четко человек понимает свою систему ценностей и следует ей. Но иногда возникает конфликт между различными ценностями, что может затруднять процесс самоактуализации. Например, человек может сталкиваться с выбором между карьерными амбициями и семейными обязательствами. Решение таких конфликтов требует осознания своих истинных приоритетов и принятия осознанных решений.

Ценности формируются под влиянием общества и культуры, в которых живет человек. Общественные нормы и ожидания могут оказывать давление на личность, заставляя ее следовать определенным стандартам. Однако для полной самоактуализации важно найти баланс между социальными требованиями и личными убеждениями. Более того, стремиться адаптировать свои ценности к изменяющимся обстоятельствам и новому опыту. Это естественный процесс, который способствует личностному росту и саморазвитию.

В образовательной среде педагоги могут способствовать развитию у обучающихся понимания своих ценностей и их роли в достижении жизненных целей, что поможет им лучше ориентироваться в выборе карьеры и жизненного пути. В вузах пожарно-технического профиля, характеризующихся особой корпоративной культурой, имеет место ориентированность на поддержку ценностей будущих специалистов экстремального профиля, что будет способствовать их профессиональному и личностному росту.

Так, ряд ценностей включает личные убеждения человека, идеалы, интересы в различных областях жизнедеятельности, и именно они в совокупности определяют самоактуализацию и непосредственно выбор целей и принятие решений: насколько активно, с каким интересом и мотивацией и направленностью включаться в учебный процесс, проводить ранжирование предметов и дисциплин по фактору привлекательности, как применять полученные знания на практике. Действительно, мотивация к обучению может значительно возрастать, если учебный материал связан с ценностно-смысловыми ориентациями обучающихся. Это объясняется тем, что

дидактические единицы касаются личных ценностей, убеждений и смыслов, которые важны для каждого человека. Когда курсанты видят связь между учебным материалом и своими личными целями, интересами и жизненными приоритетами, они начинают воспринимать обучение как нечто важное и значимое. Например, если курс связан с вопросами экологии, социальной справедливости или личностного роста, появляется внутренняя мотивация, так как происходит осознание важности этих вопросов для себя и общества. Кроме того, курсанты могут испытывать вдохновение, радость от осознания своей роли в мире, желание внести вклад в общество или изменить свою жизнь к лучшему. Эти эмоции усиливают внутреннюю мотивацию к изучению темы. И не только эмоции, когда обучающийся осознает смысл учебного материала, понимает, зачем ему нужно изучать тот или иной предмет, у него формируется четкое представление о смысле обучения. Это помогает преодолеть трудности и монотонность процесса, формирует рефлексивное и критическое мышление, что, в свою очередь, определяет и стимулирует их интеллектуальное развитие и повышает интерес к предмету.

Далее, если учебный материал касается социальных проблем или вопросов, важных для общества, курсанты могут почувствовать себя частью большого дела. Это создает дополнительную мотивацию, так как они понимают, что их знания и навыки могут быть полезны не только им самим, но и окружающим людям. Таким образом, включение ценностно-смысловых аспектов в образовательный процесс способствует повышению мотивации учебной деятельности, делает обучение более осознанным и значимым.

В дифференцированном виде ценностно-смысловая сфера курсантов представлена в табл. 2.

Таблица 2. Ценностно-смысловая сфера курсантов
(Table 2. Cadets' value-meaning sphere)

Определение личных ценностей	Ранг
Получение профессии	14,5
Потребности жизнедеятельности	12,5
Профессиональный рост	12,5
Личностный рост	6
Достижительная мотивация	7
Гедонистическая мотивация	1
Материальная мотивация	9
Индивидуальное здоровье	10,5
Семейно ориентированная мотивация	10,5
Альтруистическая мотивация	4,5
Стремление к совершенству	2
Мотивация индивидуализации	3
Стремление найти свое место в жизни	14,
Мотивация позитивного отношения к людям	4,5
Стремление стать авторитетной личностью	8

Анализируя ценности и смыслы обучающихся, можно утверждать следующее: наиболее важным для курсантов является получение профессии и стремление найти свое место в жизни. Эти ценности занимают центральное место в иерархии, определяют дальнейший жизненный путь каждого, так как служат своего рода основой для

формирования всей ценностно-мотивационной системы человека. Далее следуют потребности жизнедеятельности и профессиональный рост — интеграция базисных потребностей и потребностей роста. Забота о своем индивидуальном здоровье составляет следующий значимый ранг в иерархии. Равноценное место с этой ценностью занимает и ориентация на создание собственной семьи — потребность в формировании и поддержании семейных отношений, вступление в брак, воспитание детей и создание домашнего очага. За ними следуют такие ценности, как поиск материальной выгоды (ориентация на деньги и финансовое благополучие), затем стремление стать авторитетной личностью, далее — ориентация на успех (достижительная мотивация) и, наконец, потребность в личностном росте. Эти вышеназванные ценности занимают средние ранги и, по сути, предопределяют наименее выраженные и малозначимые ценности и смыслы, к которым обучающиеся относят мотивацию позитивного отношения к людям и близкую к ней альтруистическую мотивацию. Последние ранги, указывающие на наименее выраженные ценности и смыслы человека, принадлежат мотивации индивидуализации, стремлению к совершенству и к получению удовольствий, т. е. эгоцентрическим направленностям личности, которые не характеризуются как типичные для специалистов экстремального профиля.

Проведенное анкетирование помогло изучить специфику самообразования курсантов. Самообразование — это процесс непрерывного обучения, при котором человек самостоятельно приобретает новые знания, развивает свои навыки, формирует компетенции без формальной образовательной программы. Это активный и целенаправленный процесс, осуществляющийся по собственной инициативе курсантов и всецело учитывающий их интересы и потребности в развитии.

Характерно, что любой обучающийся в большей или меньшей степени стремится к постижению теории и практики на основе дополнительных занятий, использования умений и навыков, которые выходят за рамки обязательной учебной программы. Это и есть так называемый процесс непрерывного обучения, инициирующийся самими курсантами на основе их внутренней познавательной мотивации. Цель его — углубить свои когнитивные возможности, а также сформировать необходимые профессионально значимые качества. Самообразование тем шире, чем чаще курсант обращается к чтению специальной научной литературы, принимает активное участие в научно-исследовательских работах, участвует в научных конференциях и является членом различных кружков на кафедрах академии. Кроме того, стремление к овладению несколькими иностранными языками, посещение психологических тренингов саморазвития, повышение коммуникативной компетентности в условиях научных конференций и круглых столов также свидетельствуют о динамике самообразования курсантов, помогают им стать более конкурентоспособными и готовыми к выполнению профессиональной деятельности, а также формируют качества целеустремленности и ответственности.

Рис. 1. Критерии самообразования, выбранные курсантами старших курсов
(Fig. 1. Criteria for self-education selected by senior cadets)

Для курсантов первый ранг соответствует критерию карьерного роста по службе, значимой ценностно-смысловой единице в структуре саморазвития. Затем следуют стремление к самопознанию, к самоанализу своих поступков и деятельности в целом, стремление окончить вуз и влиться в ряды специалистов-единомышленников, наконец, готовность быть в числе значимых членов коллектива и ориентация на успех и большие достижения в жизни. Наименее представлены в структуре саморазвития следующие критерии: самоидентификация качеств руководителя, опыт общения с окружающими, стремление к расширению ценностей и развитию потребностей роста. Между крайними показателями низких и высоких критериев находится «коридор статистической нормы». Он актуален для ситуаций, связанных с конфликтами, фрустрацией и конформностью человека. Критерии самообразования курсантов представлены на рис. 1.

Анкетирование выявило временные факторы при развитии самообразования курсантов. Так, оказалось, что 75% курсантов-выпускников и 55% курсантов-первокурсников занимаются самообразованием. Соответственно, 25% пятикурсников и 45% первокурсников не готовы тратить свободное время на самообразование.

Далее были выявлены отдельные приемы самообразования и самовоспитания, которые применяют курсанты (рис. 2).

Самовнушение — это мощный психологический инструмент, который может использоваться для саморазвития и воспитания в себе новых качеств. Этот метод основан на повторении определенных установок, убеждений или мыслей, чтобы повлиять на подсознание и изменить поведение, эмоции или отношение к жизни. Самовнушение помогает укрепить уверенность в себе, улучшить самоконтроль и мотивацию, а также справиться со стрессовыми ситуациями. Характерно, что чаще всего курсанты при самовнушении используют

позитивные формулировки. Позитивные установки помогают настроиться на успех и создать благоприятную атмосферу внутри себя. Регулярность повторения так называемых аффирмаций присуща многим обучающимся, как и конкретика установок, определенная эмоциональная вовлеченность, окраска утверждений и, наконец, поддержка — окружение себя людьми, которые поддерживают и верят в успех. Таким образом, самовнушение является мощным средством самовоспитания, которое позволяет человеку сознательно влиять на свои мысли, чувства и поведение.

Прием сравнения себя с идеалом или другими людьми является одним из методов самоконтроля и самооценки. Он основан на сопоставлении своих качеств, достижений, поведения и других характеристик с эталонами или образцами для подражания. Этот процесс может происходить осознанно или неосознанно и играет важную роль в формировании самосознания и мотивации к развитию. Для курсантов характерно проводить сравнение с внутренним представлением о том, какими качествами они должны обладать для успешного прохождения службы. Это могут быть черты характера, профессиональные навыки, уровень жизни и т. д. Сравнение помогает осознать разницу между текущим состоянием и желаемыми целями, а также мотивирует к их достижению. Таким образом, прием сравнения себя с идеалом или другими людьми может быть полезным инструментом для самопознания и развития, но важно использовать его разумно, чтобы избежать негативных последствий.

Самоанализ поступков — это процесс размышления над своими действиями, решениями и поведением с целью понять мотивы, причины и последствия этих действий. Это важный элемент личностного роста и самосовершенствования, который позволяет человеку лучше понимать самого себя, свои ценности, убеждения и эмоциональные реакции. Первый шаг заключается

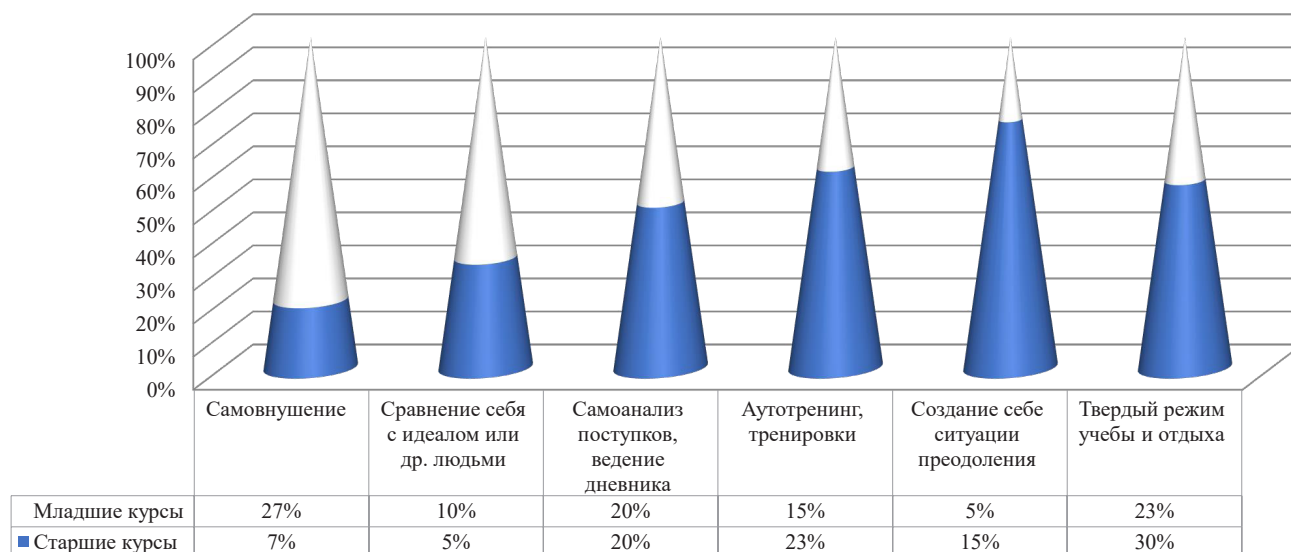

Рис. 2. Приемы самообразования и самовоспитания
(Fig. 2. Methods of self-education and self-upbringing)

в осознании, в признании того, что произошло, и объективном описании ситуации без предвзятости. Затем определенный анализ причин, попытка разобраться, почему было принято то или иное решение. Это включает в себя понимание внутренних мотивов, эмоций, убеждений и внешних факторов, повлиявших на выбор. После анализа происходит оценка последствий: рассмотрение результатов поступка, как положительных, так и отрицательных, которые оказывают влияние на себя, окружающих и окружающую среду. Выводы — это признание ошибок, выявление новых возможностей для улучшения и разработка стратегий для будущего поведения. Обязательным шагом является и корректировка поведения — применение полученных уроков на практике, изменение привычек и подходов к решению аналогичных ситуаций в будущем.

Самоанализ поступков помогает лучше понимать собственные мысли, чувства и поведение, развивает критическое мышление, улучшает принятие решений, а также способствует принятию ответственности за свои действия и их последствия. Регулярный самоанализ помогает справляться с негативными эмоциями и стрессовыми ситуациями, способствует повышению уверенности в себе и развитию эмоциональной зрелости.

Аутотренинг, также известный как аутогенная тренировка, представляет собой психологическую методику, направленную на восстановление баланса в организме, нарушенного вследствие стресса. Эта методика основана на использовании мышечной релаксации, самовнушения и самовоспитания. Обращение к ней курсантами пожарно-технического вуза свидетельствует о готовности к службе в экстремальных условиях, когда необходим достаточно эффективный метод для восстановления своих физических и душевных сил.

Создание ситуаций преодоления для курсантов МЧС, характерное в большей степени для старших курсов, является важной частью их подготовки, которая направлена на развитие навыков работы в экстремальных

условиях, повышение уровня физической выносливости и психологической устойчивости. Эти ситуации помогают будущим пожарным и спасателям адаптироваться к сложным и непредсказуемым условиям, с которыми они могут столкнуться в реальной работе. Ситуации преодоления имеют разнообразные виды и формы. Это тренировочные учения на местности, когда курсанты выполняют задачи, такие как поиск пострадавших, эвакуация раненых, установка палаток и обеспечение безопасности группы. Это физическая подготовка: бег на длинные дистанции, плавание, лазание по веревкам, прыжки через препятствия и другие виды активности, требующие высокой степени выносливости. Это психологическая подготовка: участие в ролевых играх, имитирующих реальные чрезвычайные ситуации, где необходимо принимать быстрые и правильные решения в условиях стресса и неопределенности. Это работа в команде: выполнение заданий, требующих координации усилий всей группы, что развивает навыки командной работы и взаимопомощи. Таким образом, курсанты тренируются в различных опасных условиях, учатся действовать в условиях пожара, затопления, обрушения зданий и других чрезвычайных происшествий, отрабатывая алгоритмы спасения и эвакуации, обучаются навыкам оказания первой помощи пострадавшим, включая сердечно-легочную реанимацию, остановку кровотечений и наложение шин, изучают методы ориентирования на местности, добывания пищи и воды, строительства укрытий и сигнализации о своем местоположении. И все это показывает разнообразие задач, с которыми сталкиваются обучающиеся в процессе учебной деятельности. Создание подобных ситуаций преодоления помогает подготовить будущих пожарных и спасателей к реальным вызовам, с которыми они столкнутся в своей профессиональной деятельности. Организация твердого режима учебы и отдыха в вузе требует от них дисциплины и четкого планирования времени.

Можно сделать вывод, что курсанты старших и младших курсов одинаково часто применяют прием

«сравнение себя с идеалом или другими людьми», сильное отличие видится в таких приемах, как «самовнушение» и «создание ситуации преодоления», первый названный критерий чаще применяют на практике курсанты младших курсов, а второй — старших курсов.

Отметим, что самоактуализация курсантов в условиях учебной деятельности — важный аспект их профессионального становления. Самоактуализация подразумевает стремление личности к реализации своего потенциала, достижению высших ориентиров в своем развитии и самореализации. В контексте обучения курсантов в вузах пожарно-технического профиля самоактуализация может включать развитие профессионально важных качеств, определенных личностных характеристик и, как следствие, формирование активной жизненной позиции. Таким образом, самоактуализация представляет собой комплексный процесс, включающий профессиональное, личностное и нравственное развитие. Поддержка этого процесса со стороны профессорско-преподавательского состава играет ключевую роль в формировании успешных профессионалов — пожарных и спасателей. Учебная деятельность оказывает значительное влияние на процесс самоактуализации, так как она предоставляет человеку реальные возможности для развития и раскрытия своей личности. Она способствует формированию знаний и навыков, развитию критического мышления, личностному росту, социальной адаптации, эмоциональной устойчивости, творческому мышлению, целеустремленности и осознанию своих возможностей. Все эти аспекты в совокупности создают условия для максимальной реализации человеческого потенциала и достижения высокого уровня самоактуализации.

Методология самоактуализации может быть индивидуальной и варьироваться в зависимости от приоритетов в ценностно-смысловой сфере. Однако, отмечая внутреннее единство в коллективах и сотрудников пожарной охраны, и обучающихся в вузах пожарно-технического профиля — будущих специалистов, можно предположить именно групповой характер самоактуализации. В большей степени это обусловлено принципом однородной по содержанию профессиональной деятельности, где каждый сотрудник имеет реальные возможности максимально реализовать свой потенциал. Это же относится и к учебной деятельности: в свободное от учебы время курсанты и слушатели участвуют в разнообразных мероприятиях соревновательного, познавательного, научного, культурно-массового и развивающего характера, что дает им возможность реализовать себя и сформировать устойчивую потребность достижения желаемого характера.

Но самое главное, что в контексте коллективной самоактуализации обучающиеся реализуют общие цели, связанные с получением значимого образования и, соответственно, профессии пожарного и спасателя. Это

предполагает, что они поддерживают друг друга в личностном и профессиональном росте, решают задачи повседневности и готовятся к службе в опасных условиях, показывают групповые результаты, которые были бы недостижимы для отдельных индивидов, распределяют лидерство и поддерживают каждого члена учебной группы, которая уже на начальном курсе обучения быстро трансформируется в спаянный коллектив.

Выводы

Самоактуализация личности в условиях учебной деятельности является осознанным процессом развития обучающихся и формирования у них устойчивой платформы удовлетворения от собственных достижений — сначала в учебной деятельности, затем в профессиональной и в дальнейшем — в их жизни в целом. В данном исследовании ни один курсант не остался равнодушным к теме собственного психологического роста, более того, показал высокий уровень готовности к самореализации себя в учебе и в профессии пожарного и спасателя.

Посредством проведения психодиагностического исследования на основе апробации валидизированной проективной слабоструктурированной методики Ньютона была дефинирована структура ценностно-смысловой сферы, в сравнительном анализе которой выявлены определенные различия. В целом она представляет собой поликомпонентную систему, а именно: учеба, удовлетворение базисных потребностей, удовлетворение потребностей роста.

Проведенное анкетирование профессионального самообразования курсантов старших и младших курсов показало некоторые определенные различия: курсанты младших курсов занимаются самообразованием в меньшей степени, чем курсанты старших курсов. Однако в целом это очень интересные с точки зрения когнитивной психологии люди: они творческие, оригинальные, любознательные, нестандартные и очень трудолюбивые. Обучение в академии представляется для них возможностью проявить свои ресурсы и реализовать свои интересы.

Область применения и перспективы. Изучение самоактуализации курсантов имеет широкий спектр применения и множество положительных перспектив. Оно способствует повышению показателей их психологической устойчивости, профессиональной эффективности, умению работать в единой команде, развитию лидерских качеств, мотивации, этической зрелости при выполнении задач повседневности. Все эти факторы важны для успешной карьеры в сложной профессии пожарного и спасателя. Результаты исследования самоактуализации могут быть использованы для улучшения образовательных программ, разработки программ психологической поддержки, оптимизации процесса отбора кандидатов на службу или учебу в вузы пожарно-технического профиля, формирования корпоративной культуры, наконец, профилактики профессиональных деформаций.

Список источников / References

1. Маслоу А. Г. Самоактуализация / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой / под общ. ред. А. М. Татлыбаевой. СПб., 1999. 379 с.
 2. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. М., 2013. 351 с.
 3. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие для вузов. Ростов н/Д, 1996. 509 с.
 4. Кузьмина О. А., Киселева Е. А., Спирина Е. Н. Психологическая устойчивость в условиях ЧС : курс лекций. М., 2021. 160 с.
 5. Гусев А. С., Киселева Е. А. Развитие личности пожарного : монография. М., 2022. 143 с.
 6. Кузьмина О. А., Киселева Е. А. Психологическое обеспечение служебной деятельности в экстремальных условиях : монография. М., 2021. 109 с.
 7. Freud S. Zur Psychopathologie des Alltagsleben. Berlin, 1904. 150 p.
 8. Fromm E. Den Menschen verstehen. Psychoanalyse und Ethik. 2004. 196 p.
 9. Adler A. Lebenskenntnis, übersetzt von: Willi Köhler. Fischer Taschenbuch Vlg. Frankfurt, 1989. 160 p.
 10. Rogers C. R. A way of Being. Boston, 1980. 480 p.
 11. Булгакова Е. В. Профессиональное становление студентов вуза в процессе гуманитарной подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2005. 21 с.
 12. Цурикова Л. В. Самореализация студентов в учебно-профессиональной деятельности. Белгород, 2013. 224 с.
 13. Психодиагностика : учебник и практикум для вузов / А. Н. Кошелева [и др.] ; под ред. А. Н. Кошелевой. М., 2020. 373 с.
 14. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб., 2001. 560 с.
 15. Леонтьев Д. А. Современная психология мотивации. М., 2002. С. 13–46.
 16. Perls F. S. Gestalt Therapy Verbatim. New York, 1971. 323 p.
 17. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / пер. с англ. М., 2011. 496 с.
 18. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004. 352 с.
 19. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003. 487 с.
- Поступила 04.12.2024; одобрена после рецензирования 21.01.2025; принята к публикации 30.03.2025.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*

Психологические аспекты напряженности и конфликтологии

Psychological aspects of tension and conflictology

Научно-теоретическая статья

УДК 159 © Кильмашкина Т. Н., Забегалина С. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-286-292

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Методологические аспекты управления социальными конфликтами

Татьяна Николаевна Кильмашкина, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и гражданского права¹; kilmashkinat@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3663-7102>

Светлана Викторовна Забегалина, кандидат психологических наук, психолог Военной комендатуры (гарнизона 2 разряда)²; svetlanviktorovna@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2615-8298>

¹ Государственный университет просвещения, Москва, 105005, ул. Радио, 10А, Россия

² Центральный военный округ, 432001, Ульяновск, Россия

Реферат. Введение. Цель — анализ аспектов управления социальными конфликтами. **Материалы, результаты и обсуждение.** Рассмотрены понятие конфликта, его функции и виды. Раскрыты сущность и содержание управления социальным конфликтом в узком и широком смысле. Показаны некоторые аспекты использования методологии системного, исторического, деятельностного подходов в системе управления социальными конфликтами. **Выводы.** В условиях цифровизации социальных отношений необходимо создание оптимальных механизмов социального управления противоборствами, которые явятся источником обновления и развития социума.

Ключевые слова: конфликт, причины конфликта, функции конфликта, классификации конфликтов, кризис как результат неразрешенных конфронтаций, управление конфликтом

Для цитирования: Кильмашкина Т. Н., Забегалина С. В. Методологические аспекты управления социальными конфликтами // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 286–292. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-286-292>

Scientific and Theoretical Article

UDC 159 © Kilmashkina T. N., Zabegalina S. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-286-292

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology

Methodological Aspects of Social Conflict Management

Tatiana N. Kilmashkina, Doctor of Science (in Law), Professor at the chair of Constitutional and Civil Law¹; kilmashkinat@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3663-7102>

Svetlana V. Zabegalina, Candidate of Science (in Psychology), psychologist of Military commandant (2nd level garrison)²; svetlanviktorovna@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2615-8298>

¹ State University of Education, 10A Radio st., Moscow, 105005, Russia

² Central Military District, 432001, Ulyanovsk, Russia

Abstract. Introduction. The purpose is to analyze the aspects for managing social conflicts. **Materials, Results and Discussion.** The concept of conflict, its functions and types are under consideration. The essence and content of management of social conflict in narrow and broad sense are revealed. Some aspects of using methodology of systemic, historical, activity-based approaches in the system of management of social conflicts are shown. **Conclusions.** In the context of digitalization of social relations, it is necessary to create optimal mechanisms of social management of confrontations, which will be a source of renewal and development of society.

Keywords: conflict, causes of conflict, functions of conflict, classification of conflicts, crisis as a result of unresolved confrontations, conflict management

Citation: Kilmashkina T. N., Zabegalina S. V. Methodological Aspects of Social Conflicts Management. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 286–292 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-286-292>

Основные положения

1. Конфликт в науке понимается как трудноразрешимое открытое или скрытое (латентное) столкновение двух и более сторон (оппонентов, субъектов, участников — представителей больших или малых социальных групп). Причины возникновения конфликта — неудовлетворенные жизнеобеспечивающие, дефицитные или несовместимые потребности, а также противоречивые доминирующие ценности, мотивы и интересы. Нередко причины противостояний социальных субъектов связаны с блокированием их надежд и ожиданий.

2. Конфликт объективен, закономерен, универсален. Это типологическое повторяющееся явление общественных отношений, сущность которого выражается не столько в возникновении острых противоречий (трудноразрешимых проблем, задач, коллизий, дисгармоний, дисбалансов), сколько в особенностях их столкновения, способе предупреждения, разрешения и урегулирования.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Стратегия) констатирует, что в целях нейтрализации угроз безопасности России необходимы общественная стабильность, гармония в этнических и конфессиональных отношениях, усиление мобилизационного потенциала страны, повышение качества функционирования государственной власти, совершенствование механизмов взаимодействия с гражданским обществом и др.¹ Реализация комплексных установок Стратегии отвечает требованиям системного подхода, что содействует эффективному управлению социальными конфликтами.

Конфликты охватывают все сферы жизнедеятельности людей, всю совокупность социальных отношений, являются одним из видов социального взаимодействия, предполагающего противоборство, противостояние, конфронтацию, столкновение конфликтующих сторон и другие их действия, направленные друг против друга [1–3].

В основе любого социального конфликта лежат субъективно-объективные коллизии и противоречия. Однако противоречия, являющиеся источниками конфликта, и сам конфликт не нужно отождествлять. Коллизии могут существовать долгое время, но не перерастать в противоборство. В основе столкновения лежат фундаментальные, смыслообразующие, жизнеобеспечивающие дисбалансы, несовместимые потребности, ценности, интересы конфликтующих субъектов. Только такие противоречия трансформируются в непримиримую борьбу оппонентов и реальное противоборство сторон.

Цель — анализ аспектов управления социальными конфликтами.

Материалы, результаты и обсуждение

Понятия, функции и классификация конфликта.

Конфликтология — молодая наука. В завершённом виде она оформилась в середине XX в. Однако, поскольку

противоборства были всегда, первые попытки переосмысления необходимости управления ими относятся к глубокой древности. Слово «конфликт» тогда не употреблялось, но понималось, что столкновения между людьми и государствами существуют как объективность, которой можно управлять. Например, в законах правителя Вавилона хеттского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), в 1768 г. до н. э. начавшего широкомасштабные реформы, содержатся десятки способов разрешения общественных противоборств.

Конфликты, как правило, подразделяются на две группы. Первая включает положительные, т. е. позитивные, конструктивные, созидательные, развивающие, стабилизирующие, интегрирующие функции. Вторая объединяет отрицательные, т. е. негативные, деструктивные, дезинтегрирующие, разрушительные, конфронтационные связи социальных субъектов функции.

Положительные функции противоборств позволяют выявлять и диагностировать назревающие коллизии и проблемы, стимулировать коррекцию дисбалансов и недостатков, содействуют обновлению отношений, снимают напряжение в социуме, способствуют объединению социальных субъектов и др. Негативные функции столкновений усугубляют стрессовые ситуации, дезорганизуют жизнедеятельность людей, разрушают созидательные тенденции, вызывают дезинтеграционные процессы, раскол в обществе и др.

Классификация видов конфронтаций условна. Она искусственна, ситуативна, так как зависит от выбранных параметров систематизации конфликтов, обусловливаемых исследовательскими потребностями или практическими интересами конфликтологов. В науке и практике, как правило, используются различные критерии дифференциации противоборств.

Столкновения в зависимости от времени их возникновения дифференцируются как прошлые, настоящие или будущие; от особенностей протекания — как вялотекущие или быстроразвивающиеся; от локализации — как внутренние или внешние; по способу разрешения — как цивилизованные или силовые; по сферам жизни — как экономические, политические, национальные или религиозные и др. [4, с. 7–30].

Социальный конфликт рассматривается и оценивается как нормальное, объективное, закономерное явление и как средство совершенствования всех типов общественных отношений, если он не угрожает состоянию функциональности, стабильности, целостности, безопасности социальной системы и не становится препятствием для ее развития. Критерием выхода социального конфликта за пределы оптимальности является возникновение обширной конфронтации или кризиса.

Социальный кризис — крайне дисгармоничное состояние общества, характеризующееся дезорганизацией в функционировании общественных институтов, нарушением постепенности развития социальной системы,

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прекращением деятельности ее восстановительных механизмов, резким снижением качества жизни граждан, потерей их уверенности в завтрашнем дне. Системному кризису свойственны стагнация, аноμία, турбулентность.

Неразрешенные системные конфликты провоцируют возникновение системного кризиса, и, наоборот, кризис порождает множество новых конфликтов. Вместе с тем важен не сам по себе конфликт и не сам по себе кризис, а то, как, в чьих интересах они разрешаются.

При наличии политической воли субъектов социального управления и адекватных управленческих решений кризис, несмотря на стагнацию, аноμία, турбулентность всех типов общественных отношений, становится не апокалипсисом, а переходом в новое состояние. Поэтому кризис — это шанс, активирующий установки не только на стабильность, но и на социальное созидание, обновление и развитие [5].

Оптимизация и управление общественными противоборствами. Однотипные общественные столкновения в одних социальных системах проходят без применения какого-либо насилия, в других становятся поводом для массовых побоищ. В связи с этим в современной науке и социальной практике особое внимание уделяется проблеме управления общественными противоборствами. В связи с этим актуализируются задачи социальной оптимизации конфликтного процесса, связанные с направлением его в цивилизованное русло. Как отмечает А. Н. Чумиков, правильно организованное управление придает конфликтному процессу формы, обеспечивающие минимизацию неизбежных политических, социальных, экономических, нравственных и иных потерь, оптимизацию основополагающих общественных сфер жизни [6].

Теория управления социальными конфликтами — междисциплинарная область знания, изучающая объективные закономерности возникновения, развертывания, профилактики, разрешения и урегулирования противоборств больших и малых социальных групп [7].

Научная категория «управление конфликтом» в теории и практике используется в различных смыслах.

В узком контексте данное понятие подразумевает урегулирование субъективных моментов, определяющих способы и приемы противодействия возникновению конфронтации. Как правило, предполагается организация переговорного процесса, которая предусматривает меры, направленные на обеспечение диалога участников противоборства, смягчение напряженностей в отношениях оппонентов, вызванных непримиримыми противоречиями. Стабилизация ситуации достигается с помощью конкретизации норм конфликтного взаимодействия оппонентов, принятия взаимовыгодных соглашений, достижения компромисса, согласия и недопущения дальнейшей конфронтации и насилия [8].

Управление конфликтом в широком смысле понимается как процесс сознательного, целенаправленного воздействия субъектов социального воздействия на источники и причины конфронтации, ориентированного на изменение характера столкновения в целом и в его

частных моментах. Оно предполагает реализацию трех составляющих управленческого воздействия на динамику развертывания столкновения, а именно:

а) предотвращение, профилактика, превенция конфликтотенных противоречий (коллизий, проблем, трудных задач) в предконфликтный период — создание условий для предупреждения конфронтации на латентной стадии (изменение направленности конфликта, устранение, смягчение или локализация противоречий, обуславливающих развертывание конфронтации);

б) разрешение дисбалансов и дисгармоний во взаимоотношениях оппонентов на стадии реального, открытого противостояния (по существу, это удовлетворение потребностей конфликтующих субъектов с использованием цивилизованных методов ведения переговоров, реализация консенсуса, осуществление компромисса с помощью институционализации (нормирования) конфликтных взаимоотношений);

в) регулирование послеконфронтационных коммуникаций на заключительном (постконфликтном) этапе, после завершения конфликта.

Таким образом, сущность управления противоборством проявляется в его преобразовании в процессе динамики развертывания противостояния участников столкновения [9].

Рациональна наиболее ранняя диагностика симптомов конфликта, так как предотвратить конфронтацию в предконфликтный период (несмотря на то что нередко он латентный, скрытый) легче, чем управлять столкновением на следующем этапе открытого противостояния [10].

Конфликтологи констатируют: важен не конфликт сам по себе, а то, каким образом он развивается и разрешается. Предпочтение отдается цивилизованным (правовым, несиловым) методам его превенции и урегулирования. Основной задачей субъектов социального управления при этом служат усиление положительных (позитивных, созидательных, конструктивных) проявлений конфликта и нейтрализация его отрицательных (негативных, деструктивных, разрушительных) функций.

Управление конфликтом в науке и практике рассматривается:

а) как деятельность, предполагающая воздействие субъектов социального управления на причины, объект, предмет, особенности участников конфликтного взаимодействия, их ресурсы и др.;

б) как функция управления, направленная на перевод конфликтного взаимодействия оппонентов в желаемое состояние при сохранении их структурной и функциональной определенности и стабильном режиме деятельности в контексте достижения социальной миссии и целей;

в) как динамический процесс — комплекс взаимосвязанных, осуществляемых в определенном порядке алгоритмов управленческого действия, направленных на профилактику, разрешение и урегулирование столкновения;

г) как механизм, включающий формы, методы, технологии антиконфликтного воздействия на участников

противостояния и их социальные связи, реализуемые на различных этапах развертывания противоборства.

Переосмыслению науки и практики управления социальными столкновениями содействует привлечение методологий системного, исторического и деятельностного подходов [5].

Методология в науке понимается как способ познания окружающей действительности, как учение об организации деятельности человека и других социальных субъектов.

Системный подход предполагает реализацию принципа комплексности к анализу социальных противоборств, обладающих определенной структурой, функциями, динамикой отношений, внутренними и внешними связями, прямыми и обратными коммуникациями, ранжированием отношений по иерархии (главные, второстепенные) и пр.

Системный подход к управлению конфликтами предполагает многофакторность конфликтологического анализа: учета сложной структуры и диалектики взаимодействия факторов общественного бытия и сознания участников конфликта.

Структурный анализ конфликта. Анализ складывается из исследования диагностики объективных и субъективных причин возникновения противоборства; его предмета и объекта; макросреды и микросреды развертывания; основных (главных) и косвенных (неосновных) его участников — анализируются сила, ранг, статус, формы их столкновения.

Динамический анализ социального конфликта предполагает:

- диагностику его развития на предконфликтном этапе — ситуации, когда противоречия, ведущие к противоборству, еще не осознаются оппонентами как требующие решения;

- изучение стадии открытого противостояния, когда причины конфронтации осознаются конфликтующими сторонами как ценностные, поэтому требующие разрешения;

- анализ послеконфликтного периода, так как в ситуации плохого управления и неудовлетворения потребностей оппонентов опасность возобновления конфликтных коммуникаций становится реальной.

С его помощью актуализируется признание основополагающего признака столкновения между конфликтующими сторонами — смыслообразующего, ценностного, фундаментального, поэтому трудноразрешимого, острого противоречия, блокирующего удовлетворение важных жизнеобеспечивающих потребностей и ожиданий оппонентов; наличие взаимосвязанных структурных элементов и динамики конфронтации. Системность структурно-динамического анализа, включающая диагностику объекта и предмета, источников и причин, среды развертывания и ресурсного обеспечения противоборства, является необходимым условием результативного управления им [10].

Таким образом, важнейшая задача субъектов управления социальными конфликтами с позиций системного

подхода заключается в их детальном структурном и динамическом анализе, направленном на изучение, стимулирование и использование конструктивного потенциала конфронтаций; целенаправленного предотвращения их разрушительных проявлений, ликвидации опасных для развития общества тенденций. В методологии системного подхода концептуально важно признание конфликта нормальным динамическим типом коммуникаций; объективным, закономерным, универсальным, типологическим явлением общественной жизни, средством совершенствования всех типов социальных отношений.

Известно, что ценностные предпочтения и установки социальных субъектов определяются социально-историческими факторами. От них зависит также характер регулирования противоборств в обществе. В соответствии с историческим подходом социальный конфликт и особенности управления им рассматриваются в конкретно-исторических условиях с учетом динамики развертывания.

Сравнительно-исторический анализ социальных противоборств. Метод аналогий позволяет осуществлять сравнительно-исторический анализ социальных противоборств, находить сходства и различия между ними, диагностировать их прогрессивные и регрессивные стороны. Он помогает извлекать уроки из прошлого, обеспечивая перенос конфликтологических знаний, методики анализа конфронтаций, технологии управления ими из бывшей реальности в новую ситуацию. Данный метод содействует научному предвосхищению, предугадыванию событий, определению вероятностного, предположительного, гипотетического варианта развертывания.

Некоторые аспекты управления социальными конфликтами содержатся в многочисленных трактатах древних мыслителей о мире и войне. Несмотря на то что в их учениях не было единства в оценке войн и конфронтаций в обществе, высшими ценностями философы древности считали мир и согласие.

Так, Конфуций и его последователи, представители древнекитайской философии, видели источники противостояний в отсутствии нормирования взаимоотношений в обществе, нарушении принципа справедливости, в необразованности и невоспитанности людей. Представители конфуцианства подчеркивали положительное значение преемственности традиций и древних ритуалов как регуляторов социальных отношений в ситуации противостояний. Они подчеркивали, что правители должны управлять народом в соответствии с принципами справедливости, честности и любви.

Последователи конфуцианства пропагандировали внедрение этических правил в систему социальных норм управления централизованным государством. Основную роль в регулировании социальных отношений они отводили нравственности и морали, в основе которых главный этический принцип конфуцианства — гуманность.

Конфуцианство оказало доминирующее влияние на взгляды древнекитайских мыслителей. Так, представители даосизма придерживались принципа следования естественности окружающего мира, идеалам человека,

не обремененного социальными конвенциями, исполненного эмоциональным равновесием (отрешенность, созерцательность, ненасилие над природой человека). Это созвучно с социально-политическими и этическими воззрениями представителей легизма, моизма, школы имен и их последователей, где проблема умиротворения общества связывалась с эффективным управлением страной в условиях противоборств.

Именно в этот период зарождаются понятия и категории, которые становятся методологическими для китайской философии и науки управления, вплоть до новейшего времени. Этические представления китайцев, связанные с гуманизмом, нормированием отношений в обществе, преемственностью традиций и пр. определили концептуальные тенденции современной системы управления социальными конфликтами.

В трактатах древнегреческих философов даны всеобщие характеристики бытия — «противоречие», «единство», «борьба», позволяющие глубже понять сущность и содержание противостояний². Методологические подходы рассмотрения противоборств как процесса обострения, развертывания, развития и разрешения противоречий в обществе, сформулированные в древнегреческой философии, концептуально важны для теории и практики управления современными конфликтами, так как с диалектических позиций рассматриваются источники, природа, причины, формы проявления социальных противостояний и условия их преодоления.

В Средние века святой католической и православных церквей Аврелий Августин, епископ Гиппонский (в православии обычно именуется эпитетом Блаженный Августин), философ, влиятельнейший проповедник, христианский богослов и политик, в работе «О граде Божьем» углубил учение Цицерона о справедливой войне, звучащее современно и сегодня.

Подчеркивая мысль о допустимости справедливой войны, Фома Аквинский, итальянский доминиканский монах, философ, католический священник, доктор Церкви, влиятельный философ, теолог, юрист, констатировал, что для справедливой войны должна иметься санкция государственной власти. Вместе с тем, по его мнению, война и насилие всегда ассоциируются с грехом.

Проблемы противоборств во всех мировых религиях связываются с концепциями насилия и ненасилия. Все мировые религии признают необходимость, целесообразность и оправданность отказа от использования силы при решении политических и иных социальных проблем. Насилие при этом понимается как принудительное воздействие, притеснение, беззаконие; как нарушение личной неприкосновенности человека; применение физической, психической или другой силы к кому-либо и квалифицируется как грех. Ненасилие при этом рассматривается как этическая и социальная концепция, как система ценностей, как практика, выражающаяся в неприятии и отказе от использования силы для достижения любых целей.

В Новое время итальянский дипломат, философ и политолог Никколо Макиавелли в своем трактате «Государь», настольной книге политиков разных времен, писал о власти, силе и согласии в государстве как условия предотвращения распрей в стране.

Французский философ Жан-Жак Руссо в трактате «Об Общественном договоре, или Принципы политического права» реализовал оптимистический подход: констатировал необходимость гармонизации социальных отношений в демократическом государстве для предотвращения конфликтов.

Английский философ и социальный мыслитель Томас Гоббс в работе «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» жизнь в обществе рассматривал в пессимистическом ключе — как «войну всех против всех». Этим, по его мнению, объясняется трудность предотвращения противоборств.

Шотландский экономист и философ, основоположник классической школы политэкономии Адам Смит в научных трудах «Теория нравственных чувств» и «Исследование о природе и причинах богатства народов» использовал экономический подход в исследовании конфликта как многоуровневого социального явления, причины которого он объяснял делением общества на классы и их экономическим соперничеством.

Английский мыслитель, политический деятель и педагог Джон Локк и французский писатель-философ Шарль-Луи де Секонд Монтескье, сторонники либеральной концепции, подчеркивали, что достижение справедливости в обществе содействует предупреждению социальных конфликтов.

Французский философ и социолог, основоположник социологии как самостоятельной науки Огюст Конт и английский философ, биолог, антрополог, социолог Герберт Спенсер использовали социологический подход к объяснению возникновения конфликтов и подчеркнули неестественное и болезненное состояние общества в ситуации развертывания социальной революции.

Немецкий философ Георг Гегель разработал теорию сильной государственной власти как гарантии регулирования конфликтов и др.

Большое влияние на теорию управления конфликтами в обществе оказали взгляды немецкого философа, социолога, экономиста, общественного деятеля, историка Карла Маркса. В своей фундаментальной работе «Капитал» он утверждал, что экономические отношения в обществе являются базовыми. Они обуславливают неравномерное распределение материальных и духовных ресурсов и провоцируют социальные конфликты. С одной стороны, противоборства вызываются уровнем материального производства и общественных отношений, с другой — потребностями граждан, ожиданиями больших и малых социальных групп, условиями жизнедеятельности людей в государстве. Они, по Марксу, не только нормальное объективное явление, но и двигатель развития истории.

² Идеи «семи мудрецов», Эмпедокла, Анаксагора, Анаксимандра, Гераклита Эфесского, Эпикура, Геродота, Платона, Аристотеля, Цицерона и др.

Постмарксистская теория о социальном конфликте как о естественном социальном явлении, стимулирующем процесс развития общества, представлена в трудах немецких ученых Макса Вебера, Георга Зиммеля и Эмиля Дюркгейма.

Макс Вебер разработал теорию о роли бюрократии в политическом конфликте и о процессе перерождения диктатуры пролетариата в диктатуру бюрократии. Конфликт при этом возникает между нормативными предписаниями и реальной психологией.

Георгом Зиммелем был введен в науку термин «социология конфликта». В противоборствах он видел средство обновления культуры и возможность трансформации конфликтов в сотрудничество.

Эмиль Дюркгейм в отчуждении государства от общества, общества от государства, государства и общества от личности объяснил причины нарушения социальных норм и возникновения конфликтных действий, что имеет концептуальное значение для теории и практики управления общественными противоборствами.

Современные научные школы конфликтологии (теории управления человеческими отношениями, структурно-функционального анализа, конфликтной модели развития социума, психоанализа, транзактного анализа и др.) определяют концептуальные проблемы и пути их решения в науке и практике управления социальными конфронтациями. Теоретики квалифицируют социальные конфликты в качестве нормального, объективного, универсального, типологического явления и констатируют возможность управления ими [4, гл. 3].

Таким образом, различные периоды развития истории отмечены важными достижениями развития предпосылок управления социальными конфликтами. Сложность процессов общественного развития, наличие в обществе противоположных классовых интересов порождали трудноразрешимые проблемы социального управления, в том числе в ситуации противоборств.

Выводы

1. В современных условиях цифровизации социальных отношений, как во все исторические периоды, обществу необходимы новые подходы к созданию оптимальных систем государственного устройства и эффективных механизмов социального управления, в том числе управления противоборствами, которые явятся источником обновления и развития социума.

2. Деятельностный или деятельностно-технологический подход в управлении противоборствами предполагает использование социальных технологий: организационных способов решения общественных проблем, достижения общественных целей, в том числе в ситуации социального противоборства. Технологии понимаются как совокупность операций, процедур, алгоритмов реализации намеченных планов, программ, проектов, нацеленных на получение оптимального антикризисного результата. Это способ достижения общественных целей, связанных с гармонизацией отношений субъектов конфронтационного взаимодействия в социуме.

3. В ситуации управления противоборствами речь идет об использовании социальных технологий, направленных на диагностику, оценку и отслеживание конфликтных явлений в обществе. Это предполагает установление общих, типичных, универсальных показателей, иллюстрирующих назревание противоборства, позволяющих представить реальную картину возникновения источников и причин предполагаемого столкновения.

4. Реализация антикризисных управленческих решений как оперативного, текущего, так и перспективного, стратегического характера требует нормативного обоснования и закрепления различных вариантов решений; изыскания альтернативных источников их ресурсного обеспечения. Необходимы понятность, ясность, четкость, последовательность управленческих решений для подчиненных, их согласование между собой, преемственность выполнения одних решений в контексте подготовки других.

5. Эффективность организации антикризисной деятельности определяется условиями административно-правового характера, связанными с компетенцией и результатами проводимых мероприятий; организационно-функциональными мероприятиями, выражающимися в порядке подготовки и характере проведения запланированных мер; социально-психологическими моментами, мотивирующими позитивное поведение участников событий; техническим обеспечением необходимыми средствами и др.

При согласованности перечисленных условий антикризисные технологии позволят достичь желаемого управленческого результата, направленного на стабилизацию социальных отношений.

6. Пути выхода из конфликта и кризиса обычно находят отражение в социальных программах, проектах, в которых на основе глубокого социально-диагностического и организационно-управленческого анализа определяются стратегия, тактика, механизмы, ведущие ориентиры, цели и задачи, сроки их достижения, исполнители и ответственные. Это позволяет субъектам социального управления вывести управляемую систему из тупика и активировать ее позитивный потенциал, нацеленный на интеграцию и укрепление единства общества [4, гл. 7–8].

Область применения и перспективы. Необходимо создание организационных и технико-технологических условий и мер, связанных с оперативной и точной передачей нужной информации во все заинтересованные структурные подсистемы. При этом предполагаются реализация требующихся процедур анализа, нацеленных на изучение свойств конфликтных процессов, и использование определенных форм фиксации информации дальнейшей практической деятельности субъектов управления по программированию и планированию комплексных антикризисных мер. В такой ситуации приобретают важность единые сроки реализации антикризисных мероприятий в организациях и учреждениях территориальных государственных органов; идентичные формы антикризисных программных мероприятий и плановых

документов; согласованный порядок утверждения антикризисных планов и программ; конкретные процедуры рассмотрения спорных вопросов, в том числе вопросов взаимного контроля проводимой работы.

В контексте антикризисных мероприятий актуальна разработка межтерриториальных и межотраслевых

целевых программ, реализуемых на местном, региональном и общегосударственном уровнях. Использование адекватных управленческих технологий при этом будет способствовать обеспечению должной организованности, необходимой регламентации и эффективности антикризисной деятельности.

Список источников / References

1. Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 1992. 41 с.
2. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1996. 317 с.
3. Фролов С. С. Основы социологии. М., 1997. 109 с.
4. Кильмашикина Т. Н. Управление социальными конфликтами : учебник. М., 2018. 328 с.
5. Кильмашикина Т. Н. Общеметодологические предпосылки, уровни и модели анализа социального конфликта как условия управления им // Право и общество. 2013. № 4(8). С. 177–192.
6. Чумиков А. Н. Конфликтология социальных отношений как комплексная научная дисциплина и практическая специализация // Социологические исследования. 1997. № 7. С. 118–123.
7. Кильмашикина Т. Н. Сущность управления конфликтом как вида социального управления // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях : мат-лы всерос. науч. конф. 24 мая 2016 г. М., 2016. С. 70–74.
8. Кильмашикина Т. Н. Стратегии ведения переговоров в ситуации конфликта // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4. С. 13–17.
9. Кильмашикина Т. Н. Разрешение социального конфликта как элемент управления им // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 80–84.
10. Кильмашикина Т. Н. Динамический анализ социального конфликта как условие эффективного управления им // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1. С. 20–23.

Поступила 04.01.2024; одобрена после рецензирования 11.02.2024; принята к публикации 28.03.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 37.08 © Рассудова Л. А., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-293-298

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Профессиональная деформация педагогов учебного центра войсковой части

Людмила Анатольевна Рассудова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии¹; la-write@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8270-5378>

Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, ул. Партизанская, 4 А, Россия

Реферат. Введение. Анализируется понятие профессиональной деформации личности, рассматриваются научные подходы к данному понятию. Описывается влияние профессиональной деформации на различные сферы личности педагога. Охарактеризованы условия профессионально-педагогической деятельности педагогов учебного центра войсковой части, способствующие возникновению профессиональной деформации. **Материалы и методы.** Проведено эмпирическое исследование на базе центра подготовки личного состава Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в г. Омске и Казачьей кадетской школы-интерната им. Маршала Советского Союза Д. Т. Язова. Приняли участие 39 человек в возрасте от 28 до 47 лет: 20 педагогов войсковой части (офицеров, проходящих военную службу по контракту в должности преподавателей) и 19 педагогов кадетской школы-интерната. Использовались методики Э. Ф. Зеера и А. М. Павловой «Оценка профессиональных деформаций педагогов»; С. П. Андреева и В. Е. Орла «Диагностика профессиональной деформации личности педагога» и методика В. В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания». **Результаты и обсуждение.** Проведен сравнительный анализ особенностей профессиональной деформации педагогов учебного центра войсковой части и преподавателей кадетской школы-интерната. Описывается влияние профессиональной деформации на различные сферы личности педагога. Охарактеризованы условия профессионально-педагогической деятельности педагогов учебного центра войсковой части, способствующие возникновению профессиональной деформации. **Выводы.** Специфические условия военной образовательной среды способствуют развитию профессиональной деформации и синдрома эмоционального выгорания педагогов учебного центра войсковой части, создавая трудности в профессионально-педагогическом общении. Определена выраженность профессиональной деформации у педагогов учебного центра войсковой части с преобладанием таких ее проявлений, как авторитарность и доминантность.

Ключевые слова: профессиональная деформация личности, эмоциональное выгорание, педагогическая деятельность, военная образовательная среда, педагоги учебного центра войсковой части

Для цитирования: Рассудова Л. А. Профессиональная деформация педагогов учебного центра войсковой части // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 293–298. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-293-298>

Scientific and Practical Article

UDC 37.08 © Rassudova L. A., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-293-298

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Professional Deformation of Teachers at the Training Center of the Military Unit

Liudmila A. Rassudova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of General and Pedagogical Psychology¹; la-write@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8270-5378>

¹ *Omsk State Pedagogical University, 4A Partizanskaia st., Omsk, 644099, Russia*

Abstract. Introduction. The objective is to reveal the features of professional deformation of teachers at the training centre of a military unit. **Materials and Methods.** An empirical study was carried out on the basis of the training centre of personnel of the National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation in Omsk and the Cossack Cadet Boarding School named after Marshal of the Soviet Union D. T. Yazov. The respondents included 39 people aged 28–47: 20 military unit teachers (military officers on contract as teachers) and 19 teachers of the Cadet Boarding School. The following methods were used: E. F. Zeer and A. M. Pavlova «Assessment of teachers' professional deformations» method; S. P. Andreev and V. E. Orel «Diagnostics of professional deformation of the teacher's personality» and method «Diagnostics of the level of emotional burnout» developed by V. V. Boyko. **Results and Discussion.** A comparative analysis of the features of professional deformation of teachers at the training centre of a military unit and teachers of the cadet boarding school was carried out. The influence of professional deformation on different spheres of the personality of the teacher is described. The paper describes the conditions of professional-pedagogical activity of teachers at the training centre of the military unit, which contribute to the occurrence of professional deformation. **Conclusions.** Specific conditions of military educational environment contribute to the development of professional deformation and emotional burnout syndrome of teachers of the training centre of a military unit, creating difficulties in professional-pedagogical communication. The intensiveness of professional deformation was revealed in the teachers of the training centre of the military unit with predominance of such manifestations as authoritarianism and dominance.

Keywords: professional deformation of an individual, emotional burnout, pedagogical activity, military educational environment, teachers of the training centre of a military unit

Citation: Rassudova L. A. Professional Deformation of Teachers at the Training Center of the Military Unit. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 293–298 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-293-298>

Основные положения

1. Профессиональная деформация личности возникает вследствие длительного воздействия неблагоприятных факторов, связанных с формальным и стереотипным выполнением трудовой деятельности. Профессиональной деформации подвержены педагогические работники, при этом на процесс ее формирования в значительной степени влияют условия образовательной среды. Военная образовательная среда, отличаясь строгой регламентированностью, жесткой иерархичностью отношений и высокой требовательностью ко всем ее субъектам, способствует формированию профессиональной деформации преподавателей-офицеров.

2. Педагоги учебного центра войсковой части, в отличие от педагогов кадетской школы, имеют высокий уровень профессиональной деформации, проявляющейся в поведении авторитарностью и доминантностью, требовательностью и отрицательным отношением к переменам. Им свойственны ригидность профессионального поведения, которая приводит к сужению репертуара профессиональных ролей, формальное и равнодушное отношение к коллегам и обучающимся. Кроме того, для педагогов учебного центра войсковой части характерен сформированный синдром эмоционального выгорания, свидетельствующий об эмоциональном неблагополучии личности и неумении эффективно справляться с психотравмирующими обстоятельствами.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

В современном обществе с каждым годом все большую значимость приобретают вопросы качества обучения военнослужащих, обеспечить которое призваны профессионально подготовленные офицеры — педагоги учебных центров войсковых частей. Высокие требования, предъявляемые как к профессиональной компетентности, так и к личностным качествам преподавателей, работающих с военнослужащими, сложные и непрерывно меняющиеся условия военно-профессиональной деятельности, особая ответственность за качество обучения личного состава — все это создает условия, способствующие быстрой и глубокой профессиональной деформации преподавателей. Говоря о предпосылках формирования профессиональной деформации офицеров, занимающихся преподавательской деятельностью, Ю. В. Гончаренко справедливо указывает на такие специфические особенности педагогического труда, как регламентация не только профессиональной деятельности, но и взаимодействия с коллегами и обучающимися, а также неоднородный состав учебных групп по признакам возраста, учебно-профессиональной мотивации, степени подготовки [1, с. 53].

Профессиональная деформация ведет к возникновению психологических и эмоциональных барьеров в обще-

нии с обучающимися, выхолощенному, формальному выполнению своих профессиональных обязанностей, ригидности профессиональной позиции педагогов. Неизбежно негативное влияние профессиональной деформации на педагогическое взаимодействие с обучающимися, их эмоциональное благополучие и психологический комфорт [2; 3]. Ю. М. Чуйков пишет, что властность, категоричность, неприятие другой точки зрения в сочетании с эмоциональным дистанцированием от курсантов приводят к тому, что последние не доверяют педагогу, формально выполняют его требования и стремятся как можно меньше контактировать с таким преподавателем [4]. Важно отметить негативное влияние профессиональной деформации не только на профессиональную деятельность, но и на личность самого педагога: начав воспринимать и оценивать все события внешнего мира и поступки окружающих людей через призму своей профессии, он так же воспринимает и оценивает самого себя. Искажается Я-концепция, отныне представленная прежде всего составляющей «Я-профессионал», снижается компетентность личности в других сферах жизни, не связанных с профессиональной деятельностью, нарушается общение с близкими [5; 6].

Необходимо выявить особенности возникновения и протекания процесса профессиональной деформации педагогов учебного центра войсковой части, для того чтобы своевременно и эффективно проводить профилактическую работу, направленную на ее предотвращение.

Цель — выявление особенностей профессиональной деформации педагогов учебного центра войсковой части.

Теоретические предпосылки, степень изученности проблемы. В научном сообществе вопросы, связанные с влиянием на личность выполняемой ею профессиональной деятельности, обсуждаются давно и подробно [6–9]. Тем не менее на сегодняшний день не сложился общепринятый и непротиворечивый подход к понятию профессиональной деформации личности. Так, Н. С. Пряжников особо отмечает отсутствие четких критериев понятия профессиональных деформаций, что существенно осложняет профилактическую деятельность психологов [10]. Традиционно явление профессиональной деформации связывают с продолжительным выполнением одних и тех же трудовых функций, часто в неблагоприятной психологической атмосфере, что приводит к стереотипизации деятельности, формальному и отстраненному ее выполнению [11]. Сформированные таким образом стереотипы поведения сначала помогают личности приспособиться к существующим условиям труда, но затем начинают проявляться вне профессиональной сферы, негативно влияя на отношения с членами семьи, друзьями и т. д. [12]. В конце концов, профессиональная деформация оказывает отрицательное влияние на развитие личности в целом, приводя к стагнации, снижению

адаптивности и многочисленным внутриличностным конфликтам.

Современными исследователями отмечены характерные проявления профессиональной деформации педагогов: категоричность, авторитарность, властность [11]. Однако педагогическая деятельность может иметь свои особенности в зависимости от условий образовательной среды. Так, педагоги учебных центров войсковых частей и преподаватели военных вузов осуществляют педагогическую деятельность в условиях, свойственных только военным учебным заведениям. К таким условиям можно отнести разновозрастной контингент курсантов, жесткий распорядок дня в учебное и во внеучебное время, обязательное соблюдение воинских уставов и т. п. [1; 13]. Характеризуя особенности профессиональной деформации педагогов военных учебных заведений, Ю. В. Гончаренко отмечает прежде всего их склонность проецировать служебные обязанности во внеслужебные отношения, высокий уровень конфликтности, тревожности и самоконтроля, сочетающийся с педантичностью, формализм в исполнении должностных обязанностей и др. [1]. Некоторые исследователи справедливо полагают необходимым при выраженной профессиональной деформации сменить место работы или сферу деятельности [14]. Но преподаватели-офицеры нередко не имеют такой возможности и изначально ориентированы на выполнение конкретных обязанностей в определенной сфере деятельности [3; 15].

Профессиональная деформация педагогов военных образовательных учреждений проявляется практически во всех сферах личности, приводя к системным и глубоким изменениям. Например, в эмоциональной сфере — она выражается в эмоциональном неблагополучии и снижении эмоциональной устойчивости. Педагогический работник переживает острое чувство неудовлетворения своей деятельностью, недоволен собой и окружающими, испытывает чувство собственной малозначимости, для него становится типичным сниженный эмоциональный фон с преобладающими эмоциями раздражения и недовольства. Педагог может становиться вспыльчивым или грубым, равнодушным или отчужденным в такой степени, что это порой приводит к нарушениям профессиональной этики [16].

В мотивационной сфере профессиональная деформация у преподавателей-офицеров проявляется, прежде всего, в значительном снижении активности и инициативности в работе, причем даже у тех педагогов, которым изначально их профессиональная деятельность очень нравилась и которые видели в этом свое призвание. Начинает преобладать мотивация избегания неудач, что распространяется на все сферы жизни. Подобный педагог теряет интерес к былым увлечениям, и единственной желаемой формой досуга для него становится пассивный отдых [17].

Страдает и волевая составляющая, что приводит к нарушениям саморегуляции: педагогу все сложнее дается педагогическая рефлексия, он не предвидит последствий своих действий, его поступки могут быть импуль-

сивными, совершаться под влиянием негативных эмоций, контролировать которые тоже становится труднее.

Можно отметить изменение рефлексивных процессов под влиянием профессиональной деформации. Профессиональная деятельность педагога войсковой части или военного вуза предполагает способность к своевременному и адекватному эмоционально-волевому реагированию на различные трудные ситуации, умение мобилизовать внутренние ресурсы, быстро и четко составить план необходимых действий. Однако под влиянием искажившейся самооценки и Я-концепции педагогический работник оказывается не в состоянии объективно оценить свою профессиональную деятельность, особенности своего педагогического общения, увидеть себя глазами сослуживцев и курсантов. Соответственно, в педагогической деятельности такого преподавателя возникают проблемные ситуации, которые он мог бы предвидеть и не допустить, и его деятельность в целом становится менее эффективной.

Выходя за рамки служебного поведения, проявляя нетерпимость и предвзятость к окружающим, эмоционально реагируя на любую критику в свой адрес, педагог сталкивается с нарастающей дезадаптацией в профессиональной деятельности, выраженным эмоциональным выгоранием и в ряде случаев может прийти к неспособности продолжать выполнение своих обязанностей. Вместе с тем нельзя не сказать о том, что профессиональная деформация, возникая под воздействием неблагоприятных факторов профессиональной среды, по сути является своеобразной попыткой адаптации к ним. Так, офицеры, работающие в учебных центрах войсковых частей, могут выбирать директивный стиль педагогического общения, высокую требовательность к обучающимся, категоричность собственных суждений и распоряжений как действенную стратегию профессионально-педагогического взаимодействия, позволяющую быстро достичь поставленных целей. Однако сама суть профессиональной деформации — в искажении профессионально важных качеств личности, в деструктивном изменении структуры ее деятельности. Даже получая на начальных этапах профессиональной деформации определенную выгоду, личность неизбежно столкнется в дальнейшем с искажением профессионального развития, снижением адаптационных, профессиональных и интеллектуальных способностей, профессиональными заблуждениями и профессиональной деградацией [18, с. 388].

Итак, профессиональная деформация педагогических работников, являясь серьезной и актуальной проблемой в современной науке и практике, имеет свои специфические черты в зависимости от условий образовательной среды. Педагоги учебного центра войсковой части сталкиваются с жесткой регламентированностью профессионально-педагогической деятельности и педагогического общения, высокими требованиями к профессиональным и личностным качествам, необходимостью осуществлять педагогическую деятельность с разнородным контингентом обучающихся в сложных условиях военной образовательной среды, что делает

задачу выявления особенностей их профессиональной деформации особенно важной.

Материалы и методы

В целях выявления особенностей профессиональной деформации педагогов учебного центра войсковой части нами было проведено эмпирическое исследование на базе центра подготовки личного состава Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в г. Омске и Казачьей кадетской школы-интерната им. Маршала Советского Союза Д. Т. Язова. В исследовании приняли участие 39 человек в возрасте от 28 до 47 лет: 20 педагогов учебного центра войсковой части (офицеров, проходящих военную службу по контракту в должности преподавателей) и 19 педагогов кадетской школы-интерната. Данное формирование выборки позволило нам сравнить особенности профессиональной деформации педагогов войсковой части и педагогов образовательного учреждения, также осуществляющего подготовку к военной службе, но в условиях, гораздо более приближенных к условиям образовательной среды общеобразовательной школы.

В качестве диагностического инструментария были выбраны методика Э. Ф. Зеера и А. М. Павловой «Оценка профессиональных деформаций педагогов», методика С. П. Андреева и В. Е. Орла «Диагностика профессиональной деформации личности педагога», методика В. В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания». Этот комплект диагностических методик позволяет не только выявить степень сформированности профессиональной деформации личности, но и определить ее характерные проявления, а также соотнести полученные данные с показателями эмоционального выгорания педагогов.

Результаты исследования

Начнем анализ эмпирических данных с результатов, полученных с помощью методики Э. Ф. Зеера и А. М. Павловой (табл. 1).

Прежде всего, следует отметить, что у педагогов войсковой части преобладает высокий уровень выраженности профессиональной деформации, а именно таких ее проявлений, как авторитарность и доминантность. Эти тесно взаимосвязанные черты выражаются в потребности подчинить окружающих своему влиянию, добиться безоговорочного выполнения своих распоряжений. Педагоги с подобной профессиональной деформацией могут быть искренне убеждены, что их мнение единственно правильное и потому любые споры и сомнения в их правоте недопустимы и неуместны. Сама специфика военной образовательной среды, предполагающая довольно жесткую иерархическую систему подчинения, может провоцировать формирование названных деформаций у педагогов.

Значительно меньшее количество педагогов кадетской школы имеет высокий уровень сформированности профессиональной деформации, среди проявлений которой, помимо доминантности и авторитарности, можно отметить догматизм. В целом педагогам кадетской школы свойственен средний уровень выраженности профессиональной деформации, которая чаще всего проявляется

через демонстративность, консерватизм и поведенческий трансфер. Это говорит о том, что испытуемые имеют немало поведенческих штампов в своей профессиональной деятельности, которые перенимают друг у друга. Избегая нового и с недоверием относясь к педагогическому творчеству, они стремятся доказать свое превосходство, стереотипно повторяя один и тот же ролевой репертуар, когда-то способствовавший их успеху.

Таблица 1. Уровни выраженности профессиональной деформации педагогов учебного центра войсковой части и педагогов кадетской школы-интерната, %

(Table 1. Levels of intensiveness of professional deformation of teachers of the training center of the military unit and teachers of the cadet boarding school, %)

Проявления профессиональной деформации	Уровень выраженности профессиональной деформации					
	Низкий		Средний		Высокий	
	Педагоги войсковой части	Педагоги кадетской школы	Педагоги войсковой части	Педагоги кадетской школы	Педагоги войсковой части	Педагоги кадетской школы
Педагогическая агрессия	20,0	73,7	55,0	21,0	20,0	0
Авторитарность	0	42,1	20,0	42,1	75,0	10,5
Демонстративность	30,0	31,6	40,0	63,1	20,0	0
Дидактичность	40,0	42,1	55,0	52,6	0	0
Догматизм	20,0	31,6	65,0	52,6	10,0	10,5
Доминантность	0	21,0	20,0	52,6	75,0	21,0
Индиферентность	20,0	52,6	65,0	42,1	10,0	0
Консерватизм	40,0	31,6	40,0	63,1	10,0	0
Ролевой экспансионизм	20,0	63,1	30,0	31,6	40,0	0
Социальное лицемерие	50,0	52,6	40,0	42,1	0	0
Поведенческий трансфер	30,0	31,6	65,0	63,1	0	0

Результаты, полученные с помощью методики С. П. Андреева и В. Е. Орла (табл. 2), подтверждают описанные выше эмпирические данные. Эта методика через выявление таких социально-психологических характеристик личности, как авторитарность, ригидность и некритичность, позволяет установить уровень профессиональной деформации личности педагога.

Таблица 2. Уровни выраженности у педагогов социально-психологических характеристик, указывающих на профессиональную деформацию, %

(Table 2. Levels of teachers' intensiveness of socio-psychological characteristics indicating professional deformation, %)

Социально-психологические характеристики	Уровень выраженности					
	Низкий		Средний		Высокий	
	Педагоги войсковой части	Педагоги кадетской школы	Педагоги войсковой части	Педагоги кадетской школы	Педагоги войсковой части	Педагоги кадетской школы
Авторитарность	0	52,6	40,0	31,6	55,0	10,5
Ригидность	20,0	42,1	40,0	21,0	30,0	31,6
Некритичность	10,0	63,1	40,0	31,6	40,0	0

У педагогов войсковой части преобладают высокий и средний уровни выраженности социально-

психологических характеристик, связанных с профессиональной деформацией. Распространенной оказалась ситуация, когда у преподавателя высокий уровень авторитарности сочетается со средними уровнями ригидности и некритичности. Такой педагог, добиваясь от обучающихся максимального подчинения, оказывается не способен объективно и непредвзято оценивать их и свои поступки в ситуации педагогического взаимодействия, крайне неохотно меняет намеченный план действий, старается избегать педагогических ситуаций, в которых нельзя действовать по заранее намеченному шаблону. Педагогам кадетской школы свойственен средний уровень профессиональной деформации, они в гораздо меньшей степени демонстрируют авторитарность в своей профессиональной деятельности, хотя тоже сталкиваются с затруднениями при необходимости действовать гибко и креативно.

Дополним анализ особенностей профессиональной деформации педагогов войсковой части данными, полученными с помощью методики В. В. Бойко (табл. 3).

Таблица 3. Степень выраженности синдрома эмоционального выгорания педагогов учебного центра войсковой части и педагогов кадетской школы-интерната, %

(Table 3. The intensiveness of the emotional burnout syndrome of teachers of the training center of the military unit and teachers of the cadet boarding school, %)

Степень выраженности	Фаза эмоционального выгорания					
	Напряжение		Резистенция		Истощение	
	Педагоги войсковой части	Педагоги кадетской школы	Педагоги войсковой части	Педагоги кадетской школы	Педагоги войсковой части	Педагоги кадетской школы
Низкая	20,0	52,6	30,0	63,1	20,0	69,5
Средняя	40,0	31,6	20,0	27,3	20,0	25,0
Высокая	40,0	8,4	40,0	8,4	40,0	8,4

Итак, у педагогов войсковой части выражены все три фазы эмоционального выгорания, что говорит о сформированном симптомокомплексе: испытуемые не удовлетворены собой и своей профессиональной деятельностью, часто сталкиваются с психотравмирующими обстоятельствами, испытывают чувство беспомощности и незащищенности, в результате чего могут прибегать к стратегии неадекватного избирательного эмоционального реагирования и экономии эмоций. Усиливаясь, синдром эмоционального выгорания приводит к эмоционально-нравственной дезориентации педагогов, редукации их профессиональных обязанностей [19]. Подобная картина сформированного синдрома эмоционального выгорания соответствует выявленным особенностям профессиональной деформации, в частности выраженной ригидности и авторитарности.

Педагоги кадетской школы также имеют признаки эмоционального выгорания, но в меньшей степени. Преобладает низкая степень выраженности, т. е. все три фазы эмоционального выгорания находятся на этапе форми-

рования и пока не оказывают существенного влияния на профессиональную деятельность испытуемых.

Наличие сформированного синдрома эмоционального выгорания у преподавателей войсковой части подтверждает факт профессиональной деформации, которую многие ученые рассматривают как следствие выгорания [20–22].

Выводы

Выраженной профессиональной деформации педагогов учебного центра войсковой части способствуют особенности образовательной среды: строгая регламентация поведения всех военнослужащих, включая преподавателей, высокая ответственность, постоянная готовность к профессиональной деятельности, к которой преподаватель может быть привлечен и в нерабочее время, и др. Долгое пребывание в таких условиях ведет к профессиональной деформации и эмоциональному выгоранию вследствие снижения сопротивляемости к психоэмоциональным перегрузкам. Профессиональная деятельность педагогов кадетской школы приближена к таковой в общеобразовательной школе. Хотя образовательная среда кадетской школы имеет ряд специфических отличий (учащиеся только мужского пола, строгий распорядок дня, наличие военных дисциплин в учебном плане и др.), она более благоприятна для личностного и профессионального развития педагогов, что, в свою очередь, не может не отображаться на психологическом и эмоциональном благополучии обучающихся [23].

Итак, преподаватели-военнослужащие подвержены профессиональной деформации в большей степени, чем другие педагоги, в силу особенностей военной образовательной среды. Они характеризуются такими проявлениями деформации, как авторитарность и доминантность в профессиональной деятельности, так и вне ее. Профессиональная деформация приводит к системным изменениям личности педагога в эмоциональной, волевой, мотивационной сферах, влияя на самоотношение и саморегуляцию. Еще раз подчеркнем неоднозначность феномена профессиональной деформации: развиваясь из профессиональной адаптации под длительным воздействием разнообразных факторов, он приобретает не только отрицательные, но и относительно положительные характеристики, среди которых вслед за Ю. П. Поваренковым мы можем отметить повышение профессиональной идентичности и эффективности профессиональной деятельности [24]. Стереотипизируя профессиональную деятельность, сужая ролевой репертуар специалиста и в ряде случаев создавая коммуникативные трудности, профессиональная деформация вместе с тем позволяет в краткие сроки добиваться поставленной цели, способствует формированию и закреплению специфических профессиональных навыков, может повлиять на карьерный рост. На наш взгляд, необходимо в каждом конкретном случае тщательно изучать динамику формирования и проявления деформаций в профессиональном поведении педагога, учитывать образовательные условия, в которых осуществляется педагогическая деятельность, и выстраивать систему психологического сопровождения педагогов.

Область применения и перспективы. Результаты исследования могут быть использованы психологами образования, осуществляющими психологическое сопровождение как преподавателей-офицеров, так и других категорий педагогических работников. Перспективы исследования связаны с разработкой психолого-педагогической программы сопровождения преподавателей-офицеров в целях профилактики профессиональной деформации и эмоционального выгорания. основополагающим для подобной программы может стать принцип комплексности, который позволит учесть оказываемое профессиональной деформацией влияние на все сферы личности педагога.

Целесообразным будет и более продолжительное и детальное изучение условий образовательной среды военного учебного учреждения, выявление содержащихся в ней возможностей развития и самореализации всех участников образовательного процесса. Тема профессиональной деформации военных педагогов в силу своей актуальности и выраженной практической значимости требует дальнейших эмпирических и экспериментальных исследований, которые позволили бы более детально проанализировать как причины, так и последствия профессиональной деформации личности.

Список источников / References

1. Гончаренко Ю. В. Сущность и структура профессиональной деформации офицеров-преподавателей военных вузов // Казанский педагогический журнал. 2022. № 3. С. 52–59.
2. Ворожейкин С. А. Роль отношения к военной службе в переживании субъективного благополучия курсантами военного вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 3(94). С. 252–260. <http://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-394-252-260>.
3. Соломатин Е. В. Профессиональная деформация преподавателей военных вузов // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 2(19). С. 176–179.
4. Чуйков Ю. М. Наставничество в военном вузе: потенциальное и актуальное // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2010. Т. 16, № 2. С. 213–216.
5. Орехова Т. Ф., Неретина Т. Г., Кружилина Т. В., Ледер П. К вопросу о самокоррекции профессиональной деформации педагогов // Образование и наука. 2017. № 9. С. 103–125.
6. Селезнева М. В. Зависимость модели педагогического общения от возраста и педагогического стажа преподавателя военного вуза // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике : сб. статей. М., 2020. № 1. С. 261–265.
7. Корытова Г. С. Психолого-педагогические условия профилактики профессионального выгорания в образовательной среде // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 1(42). С. 58–64.
8. Мадоян М. А., Мадоян С. М. Профессиональная деформация личности при совместительстве // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 5. С. 37–44.
9. Сыманюк Э. Э., Печеркина А. А. Противодействие профессиональным деформациям // Народное образование. 2010. № 9. С. 265–269.
10. Пряжников Н. С., Полевая М. В., Камнева Е. В. Парадоксы в понимании профессиональной деформации личности // Вестник Финансового университета. 2016. Т. 20, № 6. С. 170–177.
11. Куприна О. А., Корецкая И. А. Деформация в профессиональной деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 4(60). С. 347–349.
12. Zhang Y. The Present Situation and Countermeasures of Teachers' Psychological Health in Higher Vocational Colleges 2nd International Conference on Education, Sports, Arts and Management Engineering. Atlantis Press, 2017. Pp. 482–486. <http://doi.org/10.2991/icesame-17.2017.105>.
13. Соловей Д. В., Спирина В. И. Особенности образовательной среды военного вуза // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 2. С. 36–44.
14. Новиков А. М. Профессиональная деформация личности педагогов. М., 2020. 253 с.
15. Гурьянчик Н. В., Макеева Т. В. Личностно-профессиональная деформация преподавателя в условиях высшего военного учебного заведения // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2019. № 2. С. 69–74.
16. Johnson S., Cooper C., Cartwright S., Donald I., Taylor P., Millet C. The experience of work related stress across occupations. *Journal of Managerial Psychology*. 2005. No. 20(2). Pp. 178–187.
17. Manman Li. On the Role of Psychological Health and Buoyancy in EFL. *Teachers' Professional Commitment Frontiers in Psychology*. 2022. No. 13. Pp. 1–7. <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.897488>.
18. Шаповалов В. Н., Шуванов И. Б., Шуванова В. П. Особенности профессиональной деформации педагогов с различной мотивационной направленностью // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 2. С. 387–392.
19. Егорышев С. А. Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 61–73.
20. Овсянникова Т. Ю. Проблема эмоционального выгорания в ходе профессиональной деятельности // Педагогика & Психология. Теория и практика. 2020. № 6(32). С. 75–79.
21. Maslach C. Early predictors of job burnout and engagement. *Journal of Applied Psychology*. 2008. No. 93. Pp. 498–512.
22. Salmera-Aro K., Hietajärvi L., Lonka K. Work burnout and engagement profiles among teachers. *Frontiers in Psychology*. 2019. No. 10. Pp. 3–10. <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02254>.
23. Асриев А. Ю. Практика реализации современной образовательной политики в области кадетского образования в Сибири : дис. ... д-ра пед. наук. Омск, 2023. 349 с.
24. Поваренков Ю. П. Основные подходы отечественных психологов к анализу деструктивных тенденций профессионализации личности // Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов: Междисциплинарный дискурс : сб. статей всерос. конф. с междунар. участием / под науч. ред. И. Ю. Тархановой. Ярославль, 2021. С. 115–123.

Поступила 08.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 30.12.2024.

Научно-практическая статья

УДК 159 © Качкина Л. С., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-299-305

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Социально-психологический портрет осужденного, склонного к побегу из мест лишения свободы

Лилия Сергеевна Качкина, доцент кафедры психологии¹; berk_l@list.ru; <https://orcid.org/0009-0009-0008-2054>

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56, Россия

Реферат. Введение. Цель — выявление социально-психологических особенностей осужденных, склонных к побегу из мест лишения свободы. **Материалы и методы.** Для исследования выбраны: методика «Акцент — 2-90»; методика психологической диагностики механизмов психологических защит; психодиагностическая система Келлермана-Плутчика для исследования механизмов психологических защит осужденных; методика исследования уровня субъективного контроля; анкета для выявления уголовно-правовых и социально-демографических особенностей личности; анкета для экспертов в целях выявления особенностей поведения осужденных в местах лишения свободы; методика выявления ценностных ориентаций личности. **Результаты и обсуждение.** Представлены результаты эмпирического исследования социально-психологических особенностей осужденных, состоящих на профилактическом учете как склонные к побегу. Проведен сравнительный анализ исследования данной категории осужденных с осужденными, состоявшими на профилактическом учете по другим причинам и не состоявшими на профилактическом учете. **Выводы.** Осужденные, склонные к побегу, имеют как общие черты с осужденными, состоящими на профилактическом учете, так и специфические, которые могут детерминировать данный вид пенитенциарного преступления.

Ключевые слова: осужденные, места лишения свободы, побег, профилактический учет, склонные к побегу осужденные, психологический портрет осужденного

Для цитирования: Качкина Л. С. Социально-психологический портрет осужденного, склонного к побегу из мест лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 299–305. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-299-305>

Scientific and Practical Article

UDC 159 © Kachkina L. S., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-299-305

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Socio-Psychological Profile of the Convict Prone to Escape from Penitentiary Facilities

Lilia S. Kachkina, Associate-Professor at the chair of Psychology¹; berk_l@list.ru; <https://orcid.org/0009-0009-0008-2054>

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, 56 Kamenskaia st., Novosibirsk, 630099, Russia

Abstract. Introduction. The object is to reveal socio-psychological features of convicts prone to escape from penitentiary facilities. **Materials and Methods.** The study employed the following methods: «Accent 2-90» method; methodology of psychological diagnostics of psychological protection mechanisms; Kellerman-Plutchik psychodiagnostic system for studying convicts' psychological protection mechanisms; method to study the level of subjective control; questionnaire for revealing criminal-law and socio-demographic characteristics of a person; questionnaire for experts in order to identify the characteristics of convicts' behavior in penitentiary facilities; method for identification of value orientations of a person. **Results and Discussion.** The article contains the results of an empirical study of socio-psychological characteristics of convicts who are on a preventive list as being prone to escape. A comparative analysis of the study of this category of convicts was conducted, with convicted persons who have been on the preventive list for other reasons and who have not been on the preventive list. **Conclusions.** Convicts prone to escape have both common features with convicts on a preventive list and specific ones that can determine this type of penitentiary crime.

Keywords: convicts, penitentiary facilities, escape, preventive list, convicts prone to escape, convict's psychological profile

Citation: Kachkina L. S. Socio-Psychological Profile of the Convict Prone to Escape from Penitentiary Facilities. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 299–305 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-299-305>

Основные положения

При составлении прогноза склонности к побегу необходимо учитывать следующие особенности:

1. Криминальные особенности: высокая криминальная зараженность (рецидив преступного поведения и восприятие наказания как несправедливо строгого, наличие судимых родственников, значимость статуса и власти чаще лишь в криминальной среде); средний статус в колонии, отрицательная направленность, отрицательная реакция на воспитательные меры воздействия, возможность незначительной коррекции; нарушения режима содержания в исправительном учреждении связаны с членовредительством, допускаются несоблюдение распорядка дня, изготовление, хранение и передача запрещенных предметов.

2. Социальные особенности: молодой возраст.

3. Биологические особенности: наличие психических аномалий.

4. Психологические особенности: подверженность смене настроения, склонность к риску в фазе подъема активности (гипертимности); скрытность, невысокая степень общительности в колонии; слабая внушаемость, недоверие к людям, высокая критичность; способность подавлять, скрывать агрессию, тревожность; неустойчивость самооценки с тенденцией к завышенности; наличие внешне обвинительных реакций; цепляние за значимый объект.

5. Нравственные особенности: негативное отношение к миру и людям; слабость моральной цензуры как механизма психологической защиты; неприятие или искажение моральных ценностей (чаще инструментальных) по принципу: «цель оправдывает средства».

6. Поведенческие особенности: низкая способность и отсутствие стремления к изменению поведения; наличие в детском и подростковом возрасте опыта неоднократных уходов из дома (спецучреждений), а также в подростковом и взрослом возрасте опыта побега из мест лишения свободы, уклонения от маршрута; низкая дисциплинированность, направленность деятельности на удовлетворение эгоистических потребностей, развлечений; высказывание намерений отомстить людям, находящимся на свободе (следователям, судье, потерпевшим, родным), наличие «неразрешимого» конфликта с осужденными, сотрудниками.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Актуальность психологического исследования особенностей осужденных, склонных к побегу, связана, во-первых, с тем, что побег — это распространенное преступление в исправительных учреждениях. Во-вторых, побег из пенитенциарных учреждений часто ухудшает оперативную обстановку и может быть не только следствием совершенного преступления, но и способом отвлечения внимания от других пенитенциарных преступлений. Осужденные,

находящиеся в бегах, часто совершают другие правонарушения.

В-третьих, актуальность проблемы, с точки зрения М. Г. Дебольского, состоит в том, что побег из исправительного учреждения влечет потенциальную опасность для общества [1]. Побег дестабилизирует деятельность исправительного учреждения и препятствует достижению целей наказания: восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений.

Цель — выявление социально-психологических особенностей осужденных, склонных к побегу из мест лишения свободы.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Изучение личности осужденных, которые совершали побег из мест лишения свободы, остается актуальным на сегодняшний день. Это обусловлено тем, что психологическое обследование личности осужденного в пенитенциарных учреждениях недостаточно эффективно, так как в большинстве случаев побеги совершают те лица, которые ранее не состояли на учете как склонные к совершению побега из мест лишения свободы. Для повышения эффективности превентивных мер необходимо обращать внимание на лиц, имеющих психологическую склонность к разрешению проблемных ситуаций через побег. Анализ работ, посвященных социально-демографическим особенностям осужденных, склонных к побегу или совершивших побег, позволил выявить следующие характеристики [2–5]:

1. Часто воспитывались вне семьи: в детском доме и спецшколе (специнтернате).

2. В детском и подростковом возрасте был опыт неоднократных уходов из дома (спецучреждений), что способствовало формированию стереотипа поведения в виде избегания проблемных ситуаций.

3. Отсутствие семьи на момент побега. Это связано с тем, что семья является антикриминальным фактором. Распад семьи, семейные проблемы и горе могут создавать психологическое напряжение, вызывающее отрицательное психологическое состояние, и спровоцировать побег.

4. Наличие таких видов криминальной квалификации, как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; совершение кражи чужого имущества, разбой; совершение угона транспортного средства.

5. Рецидив преступного поведения. Это можно объяснить тем, что для рецидивистов характерно равнодушие к угрозе наказания, общественному мнению.

6. Чаще всего побег совершают в возрасте до 35 лет. Для более молодых людей характерны групповые побеги. В меньшей степени они свойственны осужденным в возрасте от 25 до 35 лет.

На основе анализа литературы [6–9], посвященной мотивам совершения побега, нами были выделены основ-

ные группы мотивов. Побег совершается с целью уклониться от отбывания наказания; отомстить; избежать притеснения со стороны других осужденных и разрешить пенициарный конфликт; устранить личные проблемы; вернуться в привычную среду.

Анализ исследований психологических детерминант совершения побега из мест лишения свободы показал, что наибольшее внимание уделяется взаимосвязи акцентуации характера и склонности к побегу.

Проведенный контент-анализ позволяет выделить ряд сочетаний крайних вариантов психической нормы, которые могут являться психологическими условиями побега из мест лишения свободы:

— спонтанно-неконформный тип (акцентуация характера — спонтанный, неконформный, экспансивный тип): характерны возбудимость, агрессивность в стрессовых ситуациях, раздражительность, низкие подчиняемость и управляемость, избегание трудностей, импульсивность, непредсказуемость, независимость, самоуверенность, способность на определенный риск. Обособленная позиция в группе, доминантность, игнорирование норм;

— стенически-агрессивный тип (акцентуация характера — эксплозивный тип): характерны неуравновешенность, раздражительность, нетерпеливость, проявление враждебности, неразвитость трудового навыка, стремление к развлечениям, нечувствительность к сигналам опасности, высокое самомнение, прямолинейность, настойчивость, стремление к власти, склонность к манипулятивным действиям, бесцеремонность, умение произвести впечатление;

— паранойальный тип личности осужденного, для которого освобождение от уголовного наказания является сверхценной идеей (в целях мести, ввиду ревности и т. д.);

— гипертимный тип личности — тип осужденного с повышенной активностью и отсутствием критического отношения к содеянному;

— эпилептоидно-возбудимые психопаты — осужденные, которые не могут положительно разрешить конфликтные ситуации в исправительном учреждении.

Исследователи также в качестве факторов риска выделяют психические заболевания [10–12]. Психические аномалии способствуют возникновению и развитию таких черт характера, как раздражительность, агрессивность, жестокость, и в то же время снижению волевых процессов, повышению внушаемости, ослаблению сдерживающих контрольных механизмов.

Побег часто совершается ими без видимой или по незначительной причине, внезапно.

Мнения авторов по поводу экстраверсии и интроверсии, типа нервной системы, отношения к власти, наличия близких привязанностей в отношении данной категории осужденных расходятся. Этот факт, на наш взгляд, объясняется тем, что существует два типа осужденных, склонных к побегу.

Для *экстравертированного* типа характерны импульсивность, восприимчивость, алкогольная зависимость, враждебность, раздражительность, презрение

к нормам общественной морали (обычаям, традициям). Относящиеся к этому типу не способны учитывать опыт, даже приобретенный в результате наказания, имеют низкий самоконтроль в сочетании с «мятежным духом»; являются импульсивными, не умеют планировать будущее и прогнозировать последствия своих действий. В межличностных отношениях отличаются поверхностностью и нестойкостью контактов.

Для *интровертированного* типа характерны активная жизненная позиция, верность своим принципам, упорство в достижении цели, в отстаивании собственного мнения, практичные взгляды на жизнь; недостаточная гибкость при внезапно меняющейся ситуации; большая устойчивость к стрессу. У представителей этого типа может легко формироваться враждебность, обуславливающая злопамятность; они чувствительны по отношению к действительным или мнимым несправедливостям; глубоко переживают психотравмирующие факторы.

Таким образом, обзор показал, что существует необходимость профилактики данного вида пенициарного преступления, в том числе и своевременное выявление осужденных, имеющих психологическую склонность к совершению побегов.

Материалы и методы

В целях формирования научно обоснованной программы психологической работы с осужденными, состоящими на профилактическом учете как склонные к побегу, было проведено исследование личностных особенностей данной категории на примере содержащихся в исправительных учреждениях ГУФСИН России по Новосибирской области.

В соответствии с поставленной целью было проведено изучение осужденных, состоящих на профилактическом учете (табл. 1).

Таблица 1. Осужденные, принявшие участие в исследовании
(Table 1. Convicts who participated in the study)

Категория профилактического учета	Количество человек	Доля, %
Не состоящие на профилактическом учете	69	11,3
Состоящие на профилактическом учете как склонные к	азартным играм	66
	употреблению наркотиков	80
	побегу	68
	членовредительству	63
	нападению	64
	самоубийству	83
	гомосексуализму	61
	алкоголизму	61

Диагностическая программа исследования осужденных составлялась с учетом особых требований диагностики: исходя из поставленных в данной работе задач, специфики условий его проведения и на основе существующих представлений о системном подходе изучения психических процессов.

Для исследования особенностей личности осужденных, состоящих на профилактическом учете как склонные к побегу, нами были выбраны следующие методики:

1. Методика «Акцент — 2-90» в редакции М. И. Вигдорчика для выявления акцентуации личности.

2. Методика психологической диагностики механизмов психологических защит (МПЗ) (индекс жизненного стиля — LSI), сконструированная на основе теоретических исследований Г. Келлермана и Р. Плутчика. Использовалась для исследования механизмов психологических защит осужденных.

3. Методика исследования уровня субъективного контроля (УСК), разработанная на основе шкалы локуса контроля Дж. Роттера сотрудниками Института им. В. М. Бехтерева (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд). Использовалась для исследования развития субъективного контроля личности над различными жизненными ситуациями.

4. Анкета для выявления уголовно-правовых и социально-демографических особенностей личности.

5. Анкета для экспертов с целью выявления особенностей поведения осужденных в местах лишения свобод.

6. Методика выявления ценностных ориентаций личности.

Результаты и обсуждение

Социально-демографические особенности осужденных, склонных к побегу. Анализ показывает, что осужденные представляют собой достаточно разнородную группу, возраст которой колеблется от 18 до 56 лет. Результаты распределения по возрасту отражены на рис. 1.

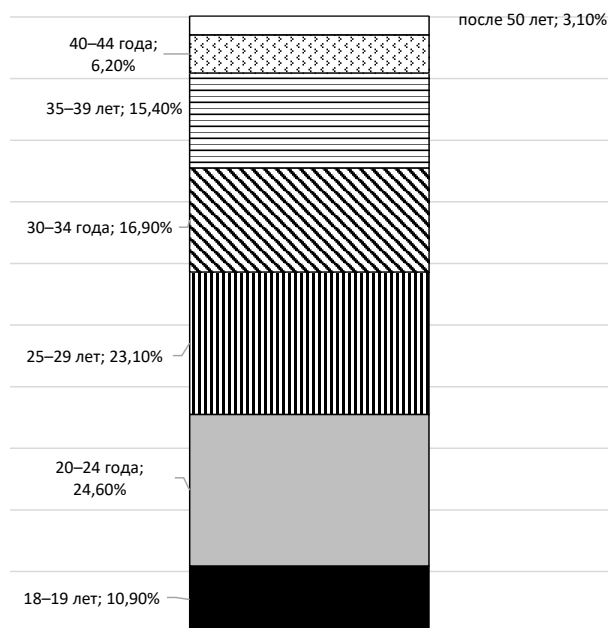

Рис. 1. Распределение осужденных, склонных к побегу, по возрасту
(Fig. 1. Distribution of convicts prone to escape according to the age)

Анализ результатов, представленных на рис. 1, говорит о том, что к совершению побега более склонны осужденные ранней зрелости (молодости): 47,7% респондентов относятся к возрастной группе от 20 до 30 лет. Данный факт, на наш взгляд, объясняется повышенной активностью молодых людей и большими, чем в зрелом

возрасте, трудностями, связанными с адаптацией к условиям изоляции.

Анализ образовательного уровня осужденных, склонных к побегу, представлен на рис. 2.

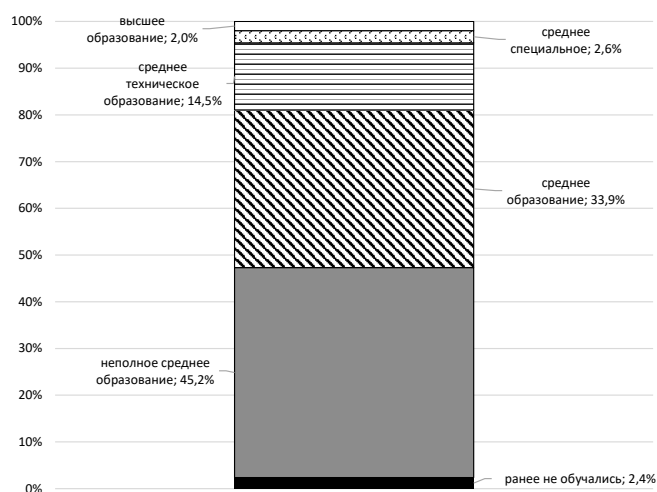

Рис. 2. Уровень образования респондентов
(Fig. 2. Respondents' level of education)

Таким образом, для данной категории осужденных характерны низкий уровень образования, отсутствие профессионального образования, так как большинство из них обучались только в средних учебных заведениях (79,1%).

В основном рассматриваемые осужденные стремятся поддерживать взаимоотношения с родственниками — 82,3%, но следует учесть, что у 32,3% респондентов родственники имеют судимости. Наличие указанных социальных связей не всегда является антикриминальным фактором, в некоторых случаях, наоборот, способствует усилению криминализации личности.

Уголовно-правовые особенности осужденных, склонных к побегу. На рисунке 3 отражено распределение осужденных, склонных к побегу, по ранее совершенным преступлениям.

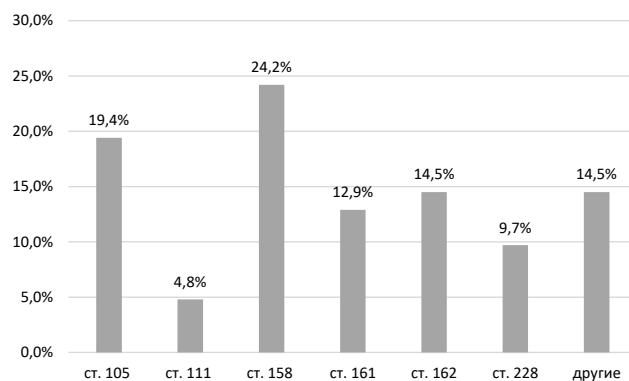

Рис. 3. Распределение осужденных, склонных к побегу, по ранее совершенным преступлениям
(Fig. 3. Distribution of convicts prone to escape according to previously committed crimes)

Анализ видов преступлений, совершенных данной категорией осужденных, не позволил выявить предположенность к определенному виду криминального поведения.

Рис. 4. Пенитенциарный опыт осужденных, склонных к побегу

(Fig. 4. Penitentiary experience of convicts prone to escape)

Из рисунка 4 видно, что большинство респондентов ранее были судимы и имеют опыт отбывания наказания в местах лишения свободы. Более детальный анализ показал, что 71,0% от числа осужденных, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, освобождались по окончании срока и только 28,6% — условно-досрочно. На основании этого результата можно предположить, что данные осужденные не стремились к исправлению и сотрудничеству с администрацией, что еще раз подтверждает высокую их криминальную зараженность.

На степень криминализации личности также оказывает влияние отношение к совершенному преступлению. Большинство осужденных данной условной группы не признали свою вину (38,4%). Несмотря на то что значительная часть осужденных (31,6%) признала свою вину, наказание за совершенное преступление многие из них считают слишком строгим, а следовательно, несправедливым. Вне зависимости от отношения к преступлению наказание воспринимают как несправедливо строгое 68,6% респондентов. Отказ от принятия ответственности за совершенные действия практически сводит к нулю все усилия администрации по исправлению осужденного, так как совершенные действия воспринимаются им как норма, в связи с чем переоценка ценностей становится невозможной. Восприятие наказания как излишне строгое, на наш взгляд, приводит к снижению способности к адаптации в местах лишения свободы, а также к возникновению мыслей о мести за несправедливое наказание, что в свою очередь может стать причиной совершения побега.

Большинство осужденных исследуемой категории имеют средний статус, отрицательную направленность, не участвуют в самодеятельных организациях, для них характерны такие формы противоправных действий, как изготовление, хранение и передача запрещенных предметов, неповиновение администрации.

Психокоррекционные мероприятия с данной категорией осужденных в основном проводятся по инициативе психолога или сотрудника. С точки зрения экспертов, осужденные данной группы поддаются незначительной коррекции.

Личностные особенности осужденных, склонных к побегу. Далее проанализируем результаты диагностики по методике «Акцент 2-90».

Анализ результатов, представленных в таблице 2, показал, что для осужденных, состоящих на профилактическом учете как склонные к побегу, присущ такой вид акцентуации, как циклотимность.

Таблица 2. Результаты диагностики осужденных, склонных к побегу, по методике Акцент 2-90
(Table 2. Results of the diagnostics of convicts prone to escape according to Accent 2-90 method)

Акцентуации	X±σ	Значение
Гипертимность	14,0±5,07	среднее
Застравление	15,0±4,7	среднее
Эмотивность	16,0±4,54	среднее
Педантичность	12,0±5,7	среднее
Тревожность	9,0±3,91	низкое
Циклотимность	21,0±5,44	высокое
Демонстративность	15,0±3,93	среднее
Возбудимость	18,0±5,45	среднее
Дистимичность	18,0±5,28	среднее
Экзальтированность	10,0±5,54	среднее

Высокий показатель по шкале циклотимности свидетельствует о смене гипертимических и дистимических состояний. Осужденные могут проявлять то одну из этих крайностей, то другую. Такие изменения иногда внешне могут показаться немотивированными, но могут быть связаны и с конкретными событиями. Радостные события сопровождаются жадой деятельности, вербальной активностью, повышением креативности. Печальные события вызывают замедленность реакций и мышления. Субдепрессивная фаза может длиться 1–2 недели. В этот период осужденные психологически более ранимы, склонны к самообвинению и самоуничижению, несостоятельны. Затем снова наступает период подъема, который характеризуется позитивным эмоциональным фоном и жизненной активностью.

Шкала тревожности является шкалой-перевертышем, низкие показатели могут свидетельствовать о высокой, но вытесненной из сознания тревожности [13].

Далее проанализируем результаты исследования по методике психологической диагностики механизмов психологических защит (МПЗ) (индекс жизненного стиля — LSI), сконструированной на основе теоретических исследований Г. Келлермана и Р. Плутчика.

Анализ таблицы 3 показал, что ведущим механизмом защиты для респондентов выступает проекция, являющаяся бессознательным механизмом, отвергающим собственные неприемлемые желания, влечения, мысли, чувства, включающим приписывание их другим людям. Проекция — это защита от страха самонеприятия. Данный психологический механизм возникает в раннем детстве для подавления чувства неприятия себя. В результате действия данного механизма человек начинает принимать себя и отвергать других. Это приводит к тому, что человек не знает и не понимает себя, другие люди воспринимаются как имеющие негативные, угрожающие и враждебные намерения. Данное восприятие часто не соответствует действительности.

Таблица 3. Усредненные результаты диагностики осужденных, склонных к побегу, по методике «Индекс жизненного стиля»
(Table 3. Average results of diagnostics of convicts prone to escape according to the «Lifestyle Index» method)

Шкалы	X±σ	Процентили
1. Отрицание (А)	7,0±2,49	54
2. Подавление (В)	5,0±2,53	42
3. Регрессия (С)	5,0±2,53	36
4. Компенсация (D)	4,0±2,22	40
5. Проекция (Е)	8,5±3,69	65
6. Замещение (F)	4,0±2,32	31
7. Интеллектуализация (G)	7,0±2,4	58
8. Реактивное образование (H)	4,5±2,27	45

Примечание. Процентили позволяют оценить степень напряженности различных механизмов психологической защиты. Для перевода сырых баллов в процентили используется специальная шкала, разработанная авторами методики.

Проекция формирует личность по паранойальному типу. Для таких людей характерны низкая внушаемость, высокий уровень критичности. У них преобладают эмоции отвращения или неприятия.

Проанализируем результаты диагностики по методике исследования уровня субъективного контроля (УСК).

Анализ результатов, представленных в таблице 4, позволил выявить средние показатели по всем субшкалам, кроме шкалы в области достижения, т. е. отсутствует локализация контроля над значимыми событиями в одном из полюсов континуума «интернальность — экстернальность». В зависимости от обстоятельств респонденты могут считать, что происходящее с ними является результатом действия как внешних сил (случая, судьбы, других людей и т. п.), так и их собственной деятельности.

Таблица 4. Усредненные результаты диагностики осужденных, склонных к побегу, по методике исследования уровня субъективного контроля, X±σ
(Table 4. Average results of diagnostics of convicts prone to escape according to method of studying subjective control, X±σ)

Показатели шкал уровня субъективного контроля						
Ио	Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из
25±6,20	7±1,96	6±2,48	6±2,02	5±1,39	2±1,17	2±0,71

Примечания: Ио — шкала общей интернальности; Ид — шкала интернальности в области достижений; Ин — шкала интернальности в области неудач; Ис — шкала интернальности в семейных отношениях; Ип — шкала интернальности в области производственных отношений; Им — шкала интернальности в области межличностных отношений; Из — шкала интернальности в отношении здоровья и болезни.

В области достижений имеется тенденция к экстернальности, т. е. для осужденных данной условной группы более характерно приписывать свои успехи и достижения обстоятельствам: везению, счастливой судьбе или помощи других людей.

Анализ результатов по методике «Ценностные ориентации личности» представлен в таблице 5.

Как следует из таблицы 5, наиболее значимыми для осужденных, склонных к побегу, являются следующие потребности: оказывать помощь, любить и быть признанными.

Особенности осужденных, склонных к побегу. В целях выявления особенностей осужденных, склонных

к побегу, мы проанализировали наличие статистически значимой разницы между результатами исследования осужденных, состоящих и не состоящих на профилактическом учете.

Таблица 5. Результаты диагностики осужденных, склонных к побегу, по методике «Ценностные ориентации личности»
(Table 5. Results of diagnostics of convicts prone to escape according to «Personal value orientations» method)

Ценностные ориентации	X±σ
1. Отдых	3,98±1,25
2. Материальное благополучие	4,15±1,33
3. Поиск наслаждения	3,38±1,43
4. Помощь, милосердие	5,08±1,10
5. Любовь	4,63±1,33
6. Познание нового	3,35±1,37
7. Социальный статус	2,83±1,32
8. Признание и уважение	4,60±1,36
9. Социальная активность	2,90±1,68
10. Общение	3,20±0,69
11. Здоровье	4,13±1,22

Важность такой ценности, как материальное благополучие, у осужденных, склонных к побегу, статистически выше, чем у осужденных, не состоящих на профилактическом учете ($p<0,01$). Значимость материального благополучия в сочетании с отсутствием опыта, желания или потребности получения данного благополучия социально одобряемым путем (трудом) приводит к иждивенческой позиции, которая может выражаться в требовании улучшения своих бытовых условий без приложения собственных трудовых усилий, что, с одной стороны, может приводить к конфликтам с администрацией, а с другой — способствовать дальнейшей деградации личности.

Сравнительный анализ этих двух групп также показал, что у осужденных, склонных к побегу, более развиты такие механизмы защиты, как:

— замещение ($p<0,01$). Для исследуемой категории осужденных более, чем для не состоящих на профилактическом учете, характерно выражение скрытых эмоций на объекты, воспринимаемые как менее опасные. При этом объектом замещения могут быть как сотрудники, другие осужденные, так и сам осужденный. В работе с данными осужденными необходимо уделять внимание развитию рефлексии, направленной на осознание собственных чувств, на принятие ответственности за них, и обучению социально одобряемым способам их выражения;

— регрессия ($p<0,01$). Для осужденных, склонных к побегу, более характерно проявление инфантилизма, безделья, конформизма в асоциальных группах. Поэтому необходимо направлять работу на осознание ответственности за свою жизнь, развитие разносторонних интересов, умения отделять свое мнение от мнения группы, способности доводить начатое дело до конца.

Нами был проведен сравнительный анализ результатов исследования между осужденными, состоявшими на других видах профилактического учета. У осужденных, склонных к побегу, значимость такой ценности, как наслаждение, статистически выше, чем у осужденных, склонных к членовредительству ($p<0,01$), суициду

($p < 0,01$), гомосексуализму ($p < 0,05$). Для осужденных, склонных к побегу, характерна циклотимия, а следовательно, в фазе подъема они склонны к риску и способны активно добиваться получения удовольствия, что и может стать причиной побега. Коррекционная работа должна быть направлена на сублимацию энергии и на поиск деятельности, допустимой в исправительном учреждении, которая может доставлять социально приемлемое удовольствие осужденному. Следует также уделить внимание изучению тех факторов жизни, которые осужденный рассматривает как удовольствие.

Выводы

1. Полученные результаты позволяют составить социально-психологический портрет осужденных, склонных к побегу:

- социальные особенности: молодой возраст;
- биологические особенности: наличие психических аномалий;
- психологические особенности: подверженность смене настроения, склонность к риску в фазе подъема активности (гипертимности); скрытность, невысокая степень общительности в колонии; слабая внушаемость, недоверие к людям, высокая критичность; способность подавлять, скрывать агрессию, тревожность; неустойчивость самооценки с тенденцией к завышенности; наличие внешне обвинительных реакций; цепляние за значимый объект;
- нравственные особенности: негативное отношение к миру и людям; слабость моральной цензуры как механизма психологической защиты; неприятие или ис-

кажение моральных ценностей (чаще инструментальных) по принципу «цель оправдывает средства»;

— поведенческие особенности: низкая способность и отсутствие стремления к изменению поведения; наличие в детском и подростковом возрасте опыта неоднократных уходов из дома (спецучреждений), а также в подростковом и взрослом возрасте опыта побега из мест лишения свободы, уклонения от маршрута; низкая дисциплинированность, направленность деятельности на удовлетворение эгоистических потребностей, развлечений; высказывание намерений отомстить людям, находящимся на свободе (следователям, судье, потерпевшим, родным), наличие «неразрешимого» конфликта с осужденными, сотрудниками.

2. Осужденных, склонных к побегу, отличает от осужденных, не состоящих на профилактическом учете, более высокая значимость материального благополучия, более развитые механизмы защиты, такие как замещение и регрессия.

Область применения и перспективы. Данные теоретические исследования могут быть использованы при разработке программ по психологическому сопровождению осужденных, склонных к побегу. Однако настоящее исследование не исчерпывает всех сторон и проблем данной категории осужденных. В качестве перспективы может выступить разработка и реализация психокоррекционной работы, направленной на психологические особенности, детерминирующие склонность к побегу из мест лишения свободы.

Список источников / References

1. Чернышкова М. П., Дебольский М. Г., Дегтярева О. Л. Факторы, способствующие совершению побега из мест лишения свободы, и их профилактика // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 27–29.
2. Чернышкова М. П. Новые технологии и методы работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях : аналитический обзор. М., 2015. 83 с.
3. Шиндейкина Л. А., Емельянова А. Г. Понятие «личность осужденного, склонного к побегу» // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук : мат-лы XXI междунар. науч.-практ. конф. М., 2014. С. 229–231.
4. Комаров С. В. Организация контроля за осужденными, склонными к совершению побега, в целях безопасности сотрудников исправительных колоний УИС России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2(182). С. 184–185.
5. Ларионов А. В. «Портрет» осужденного к лишению свободы, склонного к совершению побега // Преступление, наказание, исправление : VI междунар. пенитенциарный форум. Рязань, 2023. С. 40–44.
6. Ковалев О. Г., Кучмук Е. В. Современная характеристика побегов из мест лишения свободы, совершенных осужденными, находящимися под надзором (организационно-правовые и психологические аспекты) // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4(57). С. 31–37.
7. Стародубцева О. Н. Личность пенитенциарного преступника, склонного к совершению побега из мест лишения свободы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3(62). С. 37–44.
8. Сковрцова Е. А. Детерминанты побега лиц из исправительных учреждений ФСИН России // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : сб. науч. статей междунар. науч.-теор. конф. курсантов, слушателей и студентов, проводимой в рамках I Санкт-Петербургского междунар. молодежного науч. форума «Северная Пальмира: территория возможностей». СПб., 2022. С. 950–954.
9. Atkinson A. Writing about convicts: our escape from the one big goal. *Tasmanian Historical Studies*. 1999. Vol. 6, № 2. С. 17–28.
10. Baisalov A. D. et al. On the personality of convict. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2016. Vol. 7, № 4. С. 735–743.
11. Гусева Е. В. Психологические особенности деятельности сотрудников исправительного учреждения по предупреждению побегов // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 4(50). С. 83–89.
12. Антонян Ю. М. Преступность и психические аномалии. М., 1987. 115 с.
13. Кортнева Ю. В. Диагностика актуальной проблемы. М., 2004. 240 с.

Поступила 24.10.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 03.06.2025.

Научно-теоретическая статья

УДК 343.9753, 343.988 © Никульченкова Е. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-306-310

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Кибераддикции как детерминанты виктимности жертв кибермошенничества

Елена Владимировна Никульченкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии¹; niculc@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1207-9361>

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644099, Омск, ул. Фрунзе, 6, Россия

Реферат. Введение. Современный мир сотрясают военные конфликты, быстрые процессы геополитических изменений, активное внедрение информационных технологий и искусственного интеллекта, что заставляет нынешнее поколение приспосабливаться к новым условиям жизни. Серьезнейшей угрозой стало кибермошенничество, наносящее колоссальный вред, огромный ущерб государству и обществу. Кибермошенники постоянно совершенствуют свою преступную деятельность, а правоохранительные органы не успевают должным образом противодействовать новым преступным вызовам, ввиду чего увеличивается виктимизация жертв таких преступлений, что указывает на необходимость проведения научных исследований данных вопросов. **Материалы и методы.** Использовалась статистика совершенных кибермошенничеств. Применялись общепсихологический диалектический метод научного познания, позволивший получить объективную информацию о процессах и явлениях материального мира, психологии человека, связанных с кибермошенничеством; эмпирический метод исследования для анализа социологических и психологических факторов, влияющих на детерминацию виктимного поведения жертв; сравнительный анализ, с помощью которого выявлены актуальность и проблематика современных способов совершения кибермошенничества; систематизация, позволившая сформулировать выводы и предложения по предупреждению виктимности в сфере кибермошенничества. **Результаты и обсуждение.** Кибермошенничество является чрезвычайно опасным, так как наносит огромный ущерб государству и гражданам, в связи с чем необходимы виктимологическая профилактика и немедленное реагирование правоохранительных органов. Для своевременного уголовно-правового реагирования новым вызовам кибермошенников актуально установление детерминантов виктимности жертв, пострадавших от кибермошенничества. Представляется, что такими детерминантами выступают кибераддикции, формирующие виктимное поведение. **Выводы.** Установлена активизация деятельности кибермошенников, что подтверждается данными официальной статистики в виде значительного роста числа киберпреступлений и их низкой раскрываемости; выявлены детерминанты виктимности жертв кибермошенничества в виде кибераддикций. Показана взаимосвязь проявления изменений психологии поведения и мировосприятия современных поколений и виктимного поведения жертв кибермошенников. Сформулированы рекомендации о необходимости применения системного подхода к профилактике виктимизации жертв кибермошенников.

Ключевые слова: кибераддикции, кибермошенничество, кибербезопасность, меры противодействия киберпреступности, виктимность жертв кибермошенничества, психологические манипуляции, миллениалы, поколение Z, поколение Альфа

Для цитирования: Никульченкова Е. В. Кибераддикции как детерминанты виктимности жертв кибермошенничества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 306–310. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2025-3102-306-310>

Scientific and Theoretical Article

UDC 343.9753, 343.988 © Nikulchenkova E. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-306-310

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security; 5.1.4. Criminal Law Sciences

Cyber-Addictions as Determinants of Victimization of Cyberfraud Victims

Elena V. Nikulchenkova, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Criminal Law and Criminology¹; niculc@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1207-9361>

¹ Dostoevsky Omsk State University, 6 Frunze st., Omsk, 644099, Russia

Abstract. Introduction. The most serious threat has been cyberfraud, causing enormous harm, immense damage to the state and society. Cyberfraudsters are constantly improving their criminal activities, and law enforcement agencies are not adequately responding to new criminal challenges, thus victimization of victims of such crimes increases, which indicates the need for scientific research on these issues. **Materials and Methods.** Include statistics of cyberfrauds committed, a general philosophical dialectical method of scientific cognition, which made it possible to obtain objective information on the processes and phenomena of the material world, human psychology related to cyberfraud; an empirical research method for analyzing sociological and psychological factors, determining the victimized behavior of victims; comparative analysis, through which the relevance and problems of modern methods of committing cyberfraud are identified; systematization that enabled the author to formulate conclusions and proposals for the prevention of victimization in cyberfraud. **Results and Discussion.** Cyberfraud is extremely dangerous, as it causes enormous damage to the state and citizens, thus it is necessary to prevent victimization and give immediate law enforcement response. For a timely criminal legal response to the new challenges of cyber-fraudsters, it is necessary to establish the determinants of victimization of cyberfraud victims. It appears that these determinants are the cyber-addictions that shape victimized behavior.

Conclusions. The activity of cyberfraudsters has increased, which is confirmed by official statistics in the form of a significant increase in cybercrimes and low level of solving them; determinants of victimization of cyberfraud victims in the form of cyber-addictions being identified. The correlation between the manifestation of changes in psychology of behavior and worldview of modern generations and victimization of cyberfraud victims is shown. The paper contains recommendations to apply a systematic approach to prevent victimization of victims of cyberfraudsters.

Keywords: cyber addictions, cyberfraud, cybersecurity, measures to fight cybercrime, victimization of cyberfraud victims, psychological manipulations, millennials, generation Z, generation Alpha

Citation: Nikulchenkova E. V. Cyber-Addictions as Determinants of Victimization of Cyberfraud Victims. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 306–310 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-306-310>

Основные положения

1. Кибермошенничество становится самым распространенным преступлением, причиняет значительный ущерб государству и обществу. Кибермошенники проявляют невероятные ухищрения, постоянно совершенствуя способы совершения преступлений, к которым оказались не готовы ни общество, ни правоохранительные органы, что подтверждается низкой раскрываемостью киберпреступлений.

2. Для своевременного реагирования на действия кибермошенников необходимы знания механизма преступного поведения, психологии киберпреступников и пострадавших от них, в связи с чем важное значение приобретает виктимологическая направленность научных исследований. Без нее невозможно осуществить защиту населения от кибермошенничества.

3. Механизм мошеннического преступного поведения обусловлен применением психологических уловок и манипуляций, психологических кодов, используемых для приведения жертвы в состояние шока и страха, ввиду чего она не способна принимать правильные решения.

4. Проявление кибердевиантности имеет место в интернет-пространстве и способствует появлению кибераддикций, которые выступают детерминантами виктимизации жертв кибермошенничества.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Возрастающие киберугрозы в современном мире стали очень серьезными, причиняющими огромный ущерб государствам и обществу, в связи с чем вопросы противодействия киберпреступности видятся весьма актуальными. В нашем практически полувиртуальном мире жить без интернета и информационных технологий мы уже не можем. Вместе с тем число жертв, пострадавших от кибермошенников, вызывает тревогу.

Статистические данные о состоянии преступности в России за период января–сентября 2024 г. показывают, что количество мошенничеств с применением информационных технологий, или кибермошенничеств, неуклон-

но растет, а раскрываемость их, так же как и выявление виновных лиц, остается на крайне низком уровне. Более трети из всех выявленных за отчетный период преступлений совершены с использованием информационных технологий, что на 15,3% больше, чем за период прошлого года; доля хищений чужого имущества путем мошенничества увеличилась на 4,8%. Четыре преступления из пяти (83,7%) совершаются с использованием сети Интернет (472,2 тыс.; +25,1%), почти половина (46,2%) — средств мобильной связи (260,7 тыс.; +18,4%)¹.

По сведениям Роскомнадзора, фишинговые атаки в России за 2024 г. выросли на 425% по сравнению с 2023 г.; количество DDoS-атак увеличилось на 70%².

Кибермошенники постоянно совершенствуют способы хищения денег у населения. На сайте Центрального банка России опубликован отчет о кибербезопасности за второй квартал 2024 г. Преступники похитили у граждан более 5 млрд рублей³.

Кибермошенники используют даже такие методы, как хищение денежных средств с использованием sim-карт умерших. Циничный случай произошел в Москве. Мошенники восстановили sim-карту умершего и похитили с его же счета 1,3 млн рублей⁴.

Особенно активно мошенники, использующие информационные технологии, применяют в преступной деятельности методы социальной инженерии, фишинговые атаки, вредоносное программное обеспечение, атаки DDoS (отказ в обслуживании), сканирование портов, искажение учетных данных и др.⁵

Указанные проблемы диктуют необходимость изучения детерминантов виктимности жертв кибермошенничества.

Цель — психолого-криминологический анализ кибераддикций как детерминантов виктимологической характеристики потерпевших от кибермошенничества.

Материалы и методы

В процессе исследования использовалась статистика совершенных кибермошенничеств. Применялся общепризнанный философский диалектический метод научного позна-

¹ Официальный сайт МВД России. Статистика преступности за январь–сентябрь 2024 года. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/reports> (дата обращения: 17.11.2024).

² РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241024/roskomnadzor-1979792486.html> (дата обращения: 04.11.2024).

³ Официальный сайт ЦБ РФ. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 17.11.2024).

⁴ Известия. Последний перевод: мошенники крадут деньги у умерших россиян при помощи e-SIM. URL: https://dzen.ru/a/ZyvbKs8gKnCWqZ_K?from_site=mail (дата обращения: 17.11.2024).

⁵ Отчет об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств за 2 квартал 2024 года // Официальный сайт Центрального банка РФ. URL: https://cbr.ru/statistics/ib/review_2q_2024/ (дата обращения: 07.11.2024).

ния, позволивший получить объективную информацию о процессах и явлениях материального мира, психологии человека, связанных с кибермошенничеством; эмпирический метод исследования для анализа социологических и психологических факторов, влияющих на детерминацию виктимного поведения жертв; сравнительный анализ, с помощью которого выявлены актуальность и проблематика современных способов совершения кибермошенничества; систематизация, позволившая сформулировать выводы и предложения по предупреждению виктимности в сфере кибермошенничества.

Результаты и обсуждение

Механизм преступного поведения, психология киберпреступника и киберпотерпевших. Для того чтобы своевременно реагировать на современные вызовы постоянно совершенствующейся киберпреступности, необходимо знать способы совершения преступлений, механизм преступного поведения, психологию киберпреступника и киберпотерпевших.

Исследователи определяют кибержертву как потерпевшего от любых преступлений, осуществленных в цифровой среде [1, с. 52].

Виктимное поведение — это такая модель поведения, при которой человек становится жертвой преступления.

Механизм мошеннического преступного поведения обусловлен применением психологических уловок и манипуляций. Психологическое манипулирование сознанием преступники используют как способ совершения преступлений. Тактика мошенников сводится к тому, чтобы применить фактор внезапности, т. е. запугать жертву и не дать ей мыслить логически. Поступают сообщения на WhatsApp или Telegram от лже-руководителей организаций или подразделений с их фотографией; звонки от мнимых сотрудников правоохранительных органов, от якобы работников почты, налоговой инспекции, пенсионного и социального фондов, требующих командным голосом продиктовать код из смс или выполнить иные действия с целью получить доступ к мобильному приложению телефона потенциальной жертвы.

Появляются новые способы кибермошенничества, активно распространяющиеся через социальные сети. Например, такие как доставка цветов или подарков, когда курьер приносит их потенциальной жертве, а затем из несуществующего агентства звонит «менеджер» и просит подтвердить факт получения подарка или букета сообщением кода из смс, которое приходит на телефон жертвы, после чего мошенники получают доступ к личным данным и в онлайн-банк жертвы. Как правило, мошенники используют такую тактику в преддверии праздников дня учителя, дня медицинского работника.

Взломы аккаунтов в социальных сетях происходят часто, когда мошенники используют тактику «Проголосуй за мое фото», «Победа в розыгрыше», «Вы победитель лотереи» и др. Переход по ссылке для участия в таком «конкурсе» или регистрация для участия в конкурсе или розыгрыше путем введения своих персональных данных легко превращают участника в жертву. Информационное воздействие — первостепенный фактор влияния на со-

знание людей, в связи с чем возникает необходимость информационной безопасности.

Информационная безопасность является частью кибербезопасности. Информационная среда во всем ее многообразии служит мощным источником воздействия на формирование взглядов, убеждений людей [2, с. 101].

Кибердевиантность: психологические особенности. Доминантой причин виктимизации жертвы мошенничества с использованием информационных технологий выступают невежество в обращении со средствами информационно-телекоммуникационных технологий и нерациональная доверительность, основанная на самоуверенности и самонадеянности [3, с. 146].

Современные психолого-социологические исследования активизировались в направлении изучения современного молодого поколения миллениалов, поколений Z (зумеры) и Альфа.

Миллениалы — это поколение детей, родившихся в период активного развития информационных технологий после 2000 г. Молодые люди не спешат принимать важные решения относительно заключения брака, получения высшего образования, трудовой занятости и рождения детей [4, с. 56–58].

Миллениалы в значительно большей мере по сравнению с другими возрастными группами удовлетворяют свои потребности в общении, в шопинге, в работе и удовольствиях и даже в девиантности с помощью смарт-девайсов и сетевого взаимодействия [5, с. 61].

Профессор В. В. Радаев предложил классификацию по возрастным группам, согласно которой поколение миллениалов — это дети, рожденные в период с 1981 г. по 1996 г.; за ними следует поколение Z (с 1997 г. р.). Психологическими особенностями миллениалов являются «отказ взрослеть», откладывание на более поздние сроки принятия стратегических решений, в значительной степени определяющих дальнейшую жизнь и сопряженных с принятием на себя личной ответственности без перекладывания ее на взрослых: выбор профессии, выход на работу, вступление в брак или постоянные отношения, появление детей, отдельное от родителей проживание [6].

Исследования западных психологов подтверждают тезис о том, что по мере того, как государство становится более развитым, а люди обеспеченными, у молодого поколения пропадает желание взрослеть, вступать во взрослую жизнь и начинать трудовую деятельность [7, р. 478].

Индивидуальность поколения Z — это «клиповое» мышление, которое позволяет запоминать короткие фрагменты информации и только в том случае, если она будет яркой. Минусы такого мышления: рассеянность внимания, плохая память, неспособность анализировать большой объем информации; плюсы — умение быстро принимать решения [8].

По мнению западных исследователей, современное поколение — «цифровые аборигены» — в результате взаимодействия с информационной средой мыслят и обрабатывают информацию иначе, чем предыдущие поколения. Люди, живущие в цифровой среде, привыкли к быстрому обмену информацией, у них совершенно

иначе работает мозг. Они предпочитают игры серьезной работе, т. е. обладают пониженной способностью к рефлексии и критическому мышлению [9, р. 1].

Когнитивная система современного поколения Z имеет следующие особенности: его представители воспринимают себя более индивидуалистичными, разобщенными, самостоятельными, открытыми переменам, устремленными в будущее, склонными к риску, своевольными и не доверяющими власти и авторитетам [10, с. 62].

Новое поколение Альфа — это поколение детей, родившихся в XXI в. Вместе с тем психологами отмечаются отрицательные характеристики детей Альфа. Они отличаются повышенной возбудимостью и вспыльчивостью по сравнению с поколением Z. Вызывает тревогу доля эгоцентричных детей (4%), что во многом объясняется повышенной заботой со стороны родителей и высокой материальной обеспеченностью этого поколения. Еще одна черта, вызывающая опасение, — пренебрежение правилами. На жесткие требования и авторитарный стиль педагога дети Альфа реагируют упрямством и отказом [11, с. 10].

Таким образом, психология поведения и мировосприятия современных поколений значительно отличается от поколений людей доинтернетовской цифровой эпохи. Манипулятивно-психологическое воздействие оказывается мощным оружием в руках кибермошенников. Поэтому нынешнее поколение молодежи в первую очередь попадает под удар. Виртуальная среда стала частью жизни людей. Проявление кибердевиантности уходит в цифровое интернет-пространство и способствует возникновению кибераддикций, которые выступают детерминантами виктимизации.

Кибераддикции в механизме виктимизации жертв кибермошенничества. Среди кибераддикций самой распространенной является смартфон-аддикция [12, с. 27]. Современная молодежь практически «живет» в телефоне, и его потеря или временное отсутствие вызывает тревогу и стресс. Психологические исследования выявили серьезную зависимость молодежи от смартфонов и айфонов. Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) определила этот вид кибераддикций как новую форму заболевания и призвала бороться с ней так же, как и с курением.

Опасения ВОЗ небезосновательны. Смартфон-аддикции совсем небезобидны, они способны формировать мышление и влиять на поведение людей. Полагая, данный фактор можно отнести к детерминантам виктимного поведения при кибермошенничестве.

Вместе с тем информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации способны формировать или изменять мировоззрение человека, корректировать его поведенческие привычки и практики, в том числе неосознанно для него [13, с. 62].

Исследование, опубликованное ВОЗ, выявило кибер-аддикции смартфонозависимости, которые выражались в игрозависимости у детей. Европейские страны были обеспокоены такой ситуацией и сразу приняли меры. Например, правительство Норвегии установило запрет на пользование социальными сетями для детей в возрасте до 15 лет⁶.

Премьер-министр Австралии Э. Альбанезе сообщил о принятии закона от 21 ноября 2024 г. о запрете пользования детьми социальными сетями до 16-летнего возраста⁷.

Представляется, что своевременной мерой и в России стало принятие Федерального закона от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“», запрещающего использование мобильных телефонов во время уроков в школах⁸. Однако пользование социальными сетями детей никто не ограничил. Считаем, что данный пробел необходимо устранить.

С большим запозданием во втором чтении Государственная Дума РФ приняла законопроект об установлении уголовной ответственности за незаконное использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения. В скором времени в Уголовном кодексе РФ появится статья 272¹, содержащая шесть частей, с санкциями от 300 до 700 тысяч рублей и лишением свободы на срок от 4 до 5 лет. В указанном законопроекте также предложено определение трансграничного перемещения носителей информации, под которым понимается совершение действий по ввозу на территорию Российской Федерации и (или) вывозу с территории Российской Федерации машиночитаемого носителя информации (в том числе магнитного и электронного), на который осуществлены запись и хранение такой информации⁹.

Следующей серьезной проблемой является шопинг-аддикция, которой подвержены как молодое поколение, так и люди более старшего возраста. Опасность шопинг-аддикции состоит в том, что кибермошенничества наиболее активно совершаются именно в виртуальных формах приобретения товаров, услуг и электронных платежей. Здесь кибермошенники, как рыба в воде, быстрые, скользкие, совсем незаметные. Обман потребителей товаров и услуг происходит настолько быстро, что жертва не успевает понять, как и почему это случилось, моментально лишаясь своих денежных средств. В виртуальном мире кибермошенники невидимы, их сложно выявить и привлечь к уголовной ответственности.

⁶ В ВОЗ призвали бороться со смартфонами у детей, как с курением. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/10/2024/66fd4e579a79476e549966c3> (дата обращения: 24.11.2024).

⁷ РИА Новости: В Австралии детям запретили пользоваться соцсетями. URL: <https://ria.ru/20241121/avstralija-1984937390.html> (дата обращения: 24.11.2024).

⁸ Российская газета. 2023. 6 дек.

⁹ Проект Федерального закона № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Основным виктимологическим фактором выступает легкомысленное поведение в сфере обеспечения компьютерной безопасности и безопасности своих электронных денежных средств, нежелание совершать дополнительные действия по проверке электронных ресурсов, стереотипы поведения в информационной среде, активное использование различных ресурсов, где жертвы оставляют о себе информацию, что делает их уязвимыми для мошенников [14, с. 549].

Можно согласиться с мнением о том, что в формировании виктимного поведения кибержертв технологический фактор выступает основным условием кибервиктимизации, т. е. порождающим явления и процессы, которые впоследствии выступают в роли причин превращения личности в кибержертву [15, с. 144]. В связи с этим профилактика виктимного поведения должна включать систематическое информирование населения в целях повышения элементарных знаний, в том числе о компьютерной безопасности, способах защиты информации, персональных данных и новых способах кибермошенничества. Причем такое информирование должно быть своевременным и постоянным.

Профилактика дистанционных хищений главным образом должна быть направлена на массовую виктимность, и необходимо вести речь в большей степени об общих мерах виктимологической профилактики [16, с. 54].

Выводы

1. Наиболее подвержены кибердевиантному поведению современные поколения миллениалов: поколение Z и поколение Альфа, которым свойственны снижение способности к рефлексии и критическому мышлению,

легкомысленное поведение в цифровом пространстве, несоблюдение правил кибербезопасности, нежелание брать на себя ответственность и, как следствие, формирование кибераддикций виктимного поведения.

2. Распространенными кибераддикциями, детерминирующими виктимное поведение жертв кибермошенников, являются смартфон-аддикции и шопинг-аддикции.

3. В целях противодействия кибермошенничеству необходимы системная профилактика виктимизации с систематическим информированием населения о правилах безопасности пользования цифровыми технологиями, новых способах кибермошенничества, совершенствование работы правоохранительных органов с узкой специализацией противодействия киберугрозам, повышенная защита несовершеннолетних с установлением запретов использования социальных сетей до 16 лет путем введения соответствующих изменений в законодательство России с учетом мирового опыта и рекомендаций Всемирной организации здравоохранения.

Область применения и перспективы. Полученные результаты настоящего исследования позволяют расширить представление о механизме преступного поведения и психологической характеристике кибермошенничества как одного из самых часто совершаемых преступлений в настоящее время. Важным представляется обратить внимание на необходимость проведения дальнейших научных исследований кибервиктимности и детерминантов, способствующих формированию виктимного поведения жертв кибермошенников в целях своевременного уголовно-правового реагирования новым преступным угрозам.

Список источников / References

1. Жмуров Д. В. Кибержертва: решение проблемы терминологической неопределенности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2(97). С. 45–56. <https://doi.org/10.24412/2312-3184-2021-2-46-56>.
2. Никульченкова Е. В. Трансформация киберпреступности: современные угрозы и их предупреждение // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. Т. 20, № 3. С. 96–105. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(3\)](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(3)).
3. Хоменко А. Н. К вопросу о виктимизации жертв киберпреступлений // Виктимология. 2021. Т. 8, № 2. С. 143–148.
4. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 3. С. 30–63.
5. Комлев Ю. Ю. Миллениалы, или Куда уходит девиантность? // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3, № 6. С. 59–66. <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.64.75.003>.
6. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. М., 2020. 224 с.
7. Jeffrey Jensen Arnett. Emerging Adulthood: A Theory of Development From the Late Teens Through the. *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. No. 5. Pp. 469–480. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.5.469>.
8. Дудина И. М. Поколение Z: прогнозы кредитного поведения ввиду особенностей характеристик (на примере города Ярославль) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 3. С. 14–19.
9. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. *MCB University Press*. 2001. Vol. 9. No. 5. Pp. 1–6.
10. Гаврилова А. В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, № 2. С. 58–63.
11. Данилова Л. Н. Психолого-педагогический портрет поколения Альфа // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 4. С. 5–12. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-4-5-12>.
12. Комлев Ю. Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 23–34. <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.31.11105>.
13. Игнатов А. Н., Соловьев В. С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1(51). С. 59–66. <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.20.15.008>.
14. Стяжкина С. А. Виктимологическая профилактика кибермошенничества // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2022. Т. 32, № 3. С. 546–552. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-3-546-552>.
15. Жмуров Д. В. Техногенные предпосылки кибервиктимизации // Виктимология. 2023. Т. 10, № 2. С. 138–146. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10203>.
16. Евтушенко И. И. Предупреждение виктимизации дистанционных хищений и сферы его воздействия // Виктимология. 2024. Т. 11, № 1. С. 43–56. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-1-43-56>.

Поступила 28.11.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Обзорная статья

УДК 159.98+377 © Арпентьева М. Р., Валеева Г. В., Меньшиков П. В., Коптяева С. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-311-319

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Образовательная самостоятельность в профилактике и коррекции массового и индивидуального насилия

Мариям Равильевна Арпентьева, доктор психологических наук, доцент, академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания, ведущий научный сотрудник института гуманитарных технологий и социального инжиниринга¹; ведущий научный сотрудник института управленческих исследований и консалтинга²; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Галина Валерьевна Валеева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин Высшей школы физической культуры и спорта³; valeeva-chel@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-7004-3864>

Петр Викторович Меньшиков, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития и образования Института психологии³; edeltanne@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5670-2755>

Светлана Владимировна Коптяева, магистр психолого-педагогического образования психологического института, социальный педагог и психолог⁴; assvet18@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4746-2969>

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Челябинск, пр-кт Ленина, 69, Россия

² Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Разина, 22/48, Россия

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49, Россия

⁴ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, 1, Россия

Реферат. Введение. Распространение по всему миру колумбайна, буллинга, иных форм персонализированного и деперсонализированного (массового) насилия в школах и вузах говорит о том, что современная система образования переживает период активного кризиса, требующего системного и многолетнего исследования. Образовательные отношения становятся все более насыщенными насилием разного типа, что связано с деструкцией смыслов и форм образования, в том числе с его коммерциализацией и менеджериализацией, привносящими в эти отношения коррупцию и насилие. Цель — анализ психолого-педагогических проблем формирования и развития образовательной самостоятельности в контексте задач профилактики и коррекции индивидуального и массового насилия в образовании. **Материалы, результаты и обсуждение.** Современные образовательные отношения активно изменяются, включая изменения их ценностно-смысловых и социально-статусных основ: переход от директивно-научающей модели к модели исследовательски-диалогической, поощряющей образовательную и профессиональную самостоятельность субъектов образования. Этот переход порождает рост и изменение требований к формированию и развитию образовательной культуры и социально-психологической компетентности педагогов и учеников. При отсутствии такой компетентности и культуры образовательных отношений все более распространенными становятся случаи психопатизации или социопатизации отдельных индивидов и их групп или образовательных отношений, увеличение интраперсональных и интерперсональных деформаций, в том числе рост индивидуального и массового насилия и его различных форм: не найдя продуктивных каналов, самостоятельность учеников и педагогов выливается в деструктивные формы. **Выводы.** Школа и вуз, заинтересованные в профилактике и коррекции насилия, должны предоставлять субъектам образования разнообразные формы и каналы осуществления и развития их образовательной и профессиональной самостоятельности, позволяющей гармонично, прямо и в интересах образования и общественного развития в целом удовлетворить индивидуальные запросы субъектов в самореализации и самоактуализации.

Ключевые слова: социальная психология, психология образования, образовательная самостоятельность, насилие, буллинг, колумбайн, культура образовательных отношений, социально-психологическая компетентность, психопатия, социопатия

Для цитирования: Арпентьева М. Р., Валеева Г. В., Меньшиков П. В., Коптяева С. В. Образовательная самостоятельность в профилактике и коррекции массового и индивидуального насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. № 3(102). С. 311–319. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-311-319>

Review Article

UDC 159.98+377 © Arpentieva M. R., Valeeva G. V., Menshikov P. V., Koptiaeva S. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-311-319

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology;

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Educational Autonomy in the Prevention and Correction of Mass and Individual Violence

Mariam R. Arpentieva, Doctor of Science (in Psychology), Associate-Professor, Academician of the International Academy of Education, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Leading researcher of Institute of Humanities Technologies and Social Engineering¹; Leading researcher of Institute of Management Studies and Consulting²; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Galina V. Valeeva, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Valeology and Biomedical Disciplines of Higher school of Physical Culture and Sports³; valeeva-chel@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-7004-3864>

Petr V. Menshikov, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Developmental Psychology and Education of the Institute of Psychology³; edeltanne@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5670-2755>

Svetlana V. Koptiaeva, Master of Psycho-Pedagogical Education of the Institute of Psychology, social pedagogue and psychologist⁴; assvet18@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4746-2969>

¹ South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, 69 Lenin pr., Chelyabinsk, 454080, Russia

² Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, 22/48 Stepan Razin st., Kaluga, 248023, Russia

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradskiy pr., GSP-3, Moscow, 125993, Russia

⁴ Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

Abstract. Introduction. Educational relations increasingly abound in violence of various types, which is related to the destruction of meanings and forms of education, including its commercialization and managerealization, bringing corruption and violence into these relations. The purpose is to analyze psychological-pedagogical problems of formation and development of educational autonomy in the context of tasks of prevention and correction of individual and mass violence in education. **Materials, Results and Discussion.** Modern educational relations are actively changing, including changes in their value-meaning and social status foundations: the transition from a directive-learning model to a research-dialogical model that promotes educational and professional autonomy of subjects of education. This transition generates growth and change of requirements for the formation and development of educational culture and socio-psychological competence of teachers and students. In the absence of such competence and culture of educational relations, cases of psychopathization or sociopathization of certain individuals and their groups or educational relationships are commonly increasing, there is growth of intrapersonal and interpersonal deformations, including extension of individual and mass violence and its various forms: not finding productive channels, autonomy of pupils and teachers turns into destructive forms. **Conclusions.** School and institutions of higher education, concerned about the prevention and correction of violence, should provide educational entities with various forms and channels of implementation and development of their educational and professional autonomy, which makes it possible to harmoniously, directly and in the interest of education and social development in general meet the individual demands of subjects in self-realization and self-actualization.

Keywords: social psychology, psychology of education, educational autonomy, violence, bullying, columbine, culture of educational relations, socio- psychological competence, psychopathy, sociopathy

Citation: Arpentieva M. R., Valeeva G. V., Menshikov P. V., Koptiaeva S. V. Educational Autonomy in the Prevention and Correction of Mass and Individual Violence. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 311–319 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-311-319>

Основные положения

1. Распространение по всему миру различных видов и форм персонализированного и деперсонализированного (массового) насилия в школах и вузах говорит о том, что современная система образования переживает период активного кризиса, требующего системного и многолетнего исследования. Несмотря на богатство существующих виктимологических и образовательных исследований в направлении обеспечения гармоничности отношений в системе образования, значительная их часть посвящена проблемам индивидуального насилия и довольно мало касается насилия в образовании. Однако сейчас образовательные отношения становятся все более насыщенными насилием разного типа, что связано с деструкцией смыслов и форм образования, в том числе с его коммерциализацией и менеджериализацией, привносящими в эти отношения коррупцию и насилие.

2. Проблематика самостоятельности учащихся и обучающихся во многом интегрирует проблемы психолого-педагогических нарушений в образовательных отношениях, функционирования и развития его отдельных субъектов. Деструкции отношений человека с собой и другими людьми в образовании, деформации регулирующих эти отношения и совместную деятельность ценностей и смыслов, моделей поведения и взаимодействия влияют на деструкции образования, приводя к эскалации насилия и иных, необразовательных, форм активности и отношений. Для коррекции этих нарушений необходимо вернуться к базовым для образования смыслам, ценностям, моделям взаимодействия субъектов образования друг с другом и т. д., добиться того, чтобы

участники образования стали самостоятельными и со-трудничающими его субъектами.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Распространяющиеся по всему миру, достигающие состояния нормализации колумбайн, буллинг, иные формы персонализированного и деперсонализированного (массового) насилия в школах и вузах говорят о том, что современная система образования переживает период активного кризиса: отношения людей по поводу образования, его целей и ценностей, методик и технологий, позиций и форм, активно и порой радикально изменяются [1–3]. Традиционная культура образовательных отношений (описывающая образовательные отношения как монологический процесс передачи предметно-определенных, заданных государственными, профессиональными и иными стандартами знаний, умений и ценностей) как система принципов и норм взаимодействия субъектов образования разрушается, уступая место новой, «инновационной» культуре (описывающей образование как процесс направляемого педагогом совместного, диалогического исследования внутреннего и внешнего мира). Однако изменение культуры образования протекает в настоящее время с большими потерями и издержками. При всей многочисленности теоретических работ и практических исследований, посвященных данному переходу, осмыслению культуре образования будущего, многое остается незаконченным и нереализованным [4–6].

С одной стороны, значительная часть деклараций необходимых для осуществления данного перехода изменений связана с такими финансово-экономическими, нравственно-психологическими и т. д. затратами, что современные школы и вузы просто не имеют возможности, а подчас и желания их осуществлять.

Яркий пример — цифровое образование, или образование, опосредованное цифровыми технологиями: оно декларируется как экономящее силы и средства учителя и учащихся, преподавателя и обучающихся, а также (что немаловажно) государства и общества, но на практике это весьма сложная и требующая значительных усилий и ресурсов образовательная модель, к которой нужно тщательно и достаточно долго готовить и специалистов, и учеников, и общество в целом [2]. «Штурм» цифрового образования, предпринятый во многих странах мира на фоне событий «самоизоляции» / «пандемийных локдаунов» 2020–2022 гг., показывает, что даже если педагоги, ученики и семьи учеников пытаются реализовать задачи перехода на дистанционное «цифровое» образование, оперативно разрабатывают и внедряют методические материалы и обучаются цифровым технологиям, вреда от такого освоения больше, чем пользы [3]. И главная опасность здесь связана с деформацией отношений людей в целом и образовательных отношений в частности: машина, технология не может заменить человека. Обучение и воспитание человека осуществляет другой человек. Это особенно важно там, где речь идет о качествах, делающих человека субъектом, таких как самостоятельность.

С другой стороны, некоторые исследователи смело констатируют не столько изменение культуры образования, взаимоотношений его субъектов, сколько смерть образования как такового: начиная с критики теоретических и иных «лишних» знаний и умений, среди которых значительное место занимают гуманитарные, с критики классно-урочной системы образования и заканчивая проектами тотальной замены педагогов цифровыми технологиями. Эти технологии будут управлять людьми, находящимися в состоянии постоянного поиска знаний и умений (а также подтверждающих их документов), стимулируемыми непрерывной моделью образования и необходимостью искать работу, продавая свои компетенции и покупая образовательные услуги, чтобы суметь быть конкурентоспособными по сравнению с другими малокомпетентными субъектами и роботами. В этом контексте индивидуализация и творческий, исследовательский характер образования лишь декларируются: на практике человек изначально формируется как малокомпетентное устройство для обслуживания «производственных» нужд и (или) сервиса как такового. Напротив, как показывает опыт подготовки одаренных («способных») детей, подростков и юношей (able students), а также анализ судеб многих «вундеркиндов», наличие и качество профессиональной подготовки, партнерских и личностных свойств педагогов, направляющих творческий, исследовательский поиск этих учащихся и обучающихся, — ведущее условие успеха [7]. Чтобы подготовить ребенка, подростка, молодого или взрослого человека в рамках традиционной, репродуктивной модели образования, многого не нужно: в меру директивный педагог (группа педагогов-предметников), достаточно хорошо владеющий предметными и методическими компетенциями. Но для того чтобы подготовить человека согласно инновационной, творческой модели образования, необходим сложившийся коллектив специалистов. Это должны быть не обычные педагоги, психологи, социальные работники, врачи и т. д., а педагоги-творцы, психологи-творцы и т. д. Претендовать на способность строить и формировать педагогические отношения в рамках новой культуры образования, развивающей учеников как самостоятельных, творческих, всесторонне развитых людей (С. Н. Бондаренко, В. Д. Богоявленская, Э. А. Гришин, В. В. Давыдов, В. А. Кан-Калик, И. Я. Лернер, А. Маслоу, Н. Д. Никандров, Д. Пойа, В. Д. Путилин, К. Роджерс, В. А. Сластенин, Л. М. Фридман, А. В. Хуторской), не означает иметь готовность и способность это сделать.

Распространение в современных школах и вузах персонализированного и деперсонализированного (массового) насилия говорит о необходимости системного и многолетнего исследования. Несмотря на богатство существующих виктимологических исследований, значительная их часть посвящена проблемам индивидуального насилия и довольно мало их касается насилия в образовании. Однако сейчас образовательные отношения становятся все более насыщенными насилием разного типа, что связано с деструкцией смыслов и форм образования, в том числе с его коммерциализацией

и менеджериализацией, привносящими в эти отношения коррупцию и насилие.

Постановка задачи исследования. Осмысление проблем самостоятельности учащихся и обучающихся, а также профессиональной самостоятельности педагогов и иных специалистов образования неразрывно связано с изучением психолого-педагогических деструкций и иных нарушений в образовательных отношениях, а также в функционировании и развитии его отдельных субъектов [1–3]. Основная доля таких деструктивных трансформаций должна быть рассмотрена в рамках изменений отношений человека с собой и другими людьми и регулирующих эти отношения и совместную деятельность ценностей и идей. **Цель исследования** — анализ психолого-педагогических проблем формирования и развития образовательной самостоятельности в контексте задач профилактики и коррекции индивидуального и массового насилия в образовании. **Метод исследования** — теоретический анализ феноменов массового и индивидуального насилия в образовании как последствий и причин нарушений образовательной и профессиональной самостоятельности, осмысление образовательной и профессиональной самостоятельности как важных целевых ориентиров психологически безопасного образования, стремление к которым и достижение которых обеспечивает оперативную и перспективную профилактику и коррекцию насилия в образовательных отношениях.

Новизна исследования связана с попыткой интегративного осмысления проблем формирования и развития образовательной самостоятельности и образовательного насилия. Рассмотрение проблем самостоятельности учащихся и обучающихся в образовании связано с анализом психолого-педагогических деструкций и иных нарушений в образовательных отношениях, а также в функционировании и развитии его субъектов. Большая часть данных типов деструктивных трансформаций должна быть рассмотрена в рамках изменений отношения человека с собой и другими людьми и регулирующих эти отношения ценностей и идей [8–13].

Исследование носит разведывательный характер. Оно исходит из предположения о том, что современное среднее и высшее образование сталкивается с рядом деструктивных феноменов, включая персонализированное и деперсонализированное (массовое) насилие, основными причинами и последствиями которых выступают отсутствие и блокада формирования и развития культуры образовательных отношений, ориентация образования на формы и содержание отношений, нерелевантные образованию как институту передачи культурного опыта, включая социально-психологические компетенции, среди которых одной из наиболее значимых является самостоятельность человека — в учебе и труде, в иных видах активности.

Материалы, результаты и обсуждение

Самостоятельность как компонент социально-психологической компетентности. Современные образовательные отношения активно изменяются, включая их ценностно-смысловые и социально-статусные осно-

вы: переход от директивно-научающей модели к модели исследовательски-диалогической, поощряющей образовательную и профессиональную самостоятельность субъектов образования. Этот переход порождает рост и изменение требований к формированию и развитию образовательной культуры и социально-психологической компетентности педагогов и учеников. При отсутствии такой компетентности и культуры образовательных отношений все более распространенными становятся случаи психопатизации (или социопатизации) отдельных индивидов и их групп или образовательных отношений, увеличение интраперсональных и интерперсональных деформаций, в том числе рост индивидуального и массового насилия и его различных форм: не найдя продуктивных каналов, активность учеников и педагогов выливается в деструктивные формы. Школа и вуз, заинтересованные в профилактике и коррекции насилия, должны предоставлять субъектам образования разнообразные формы и каналы осуществления и развития их образовательной и профессиональной самостоятельности, позволяющей гармонично, прямо и в интересах образования и общественного развития в целом удовлетворить индивидуальные запросы субъектов в самореализации и самоактуализации, осуществлении себя как самостоятельных субъектов, формировании и развитии социально-психологической компетентности.

Социально-психологическая компетентность как система знаний и умений организации, осуществления и завершения гармоничных, результативных социальных отношений в образовании представляет собой совокупность знаний и умений, включающих социально-психологические компетенции, дающие человеку возможность формировать, осуществлять и развивать его образовательную самостоятельность и сопутствующие ее виды. Образовательная самостоятельность как социально-психологическая компетенция предполагает несколько способностей и стремлений человека как ученика, как партнера и как личности, включая соответственно:

1) умение ставить и решать образовательные задачи, формулировать условия и ставить цели (само)обучения и (само)воспитания, в том числе автономно или совместно с педагогами и родителями выстраивать, осуществлять и корректировать персональную образовательную траекторию (маршрут);

2) стремление и способность быть независимым по отношению к изучаемым предметным компетенциям (знаниям и умениям), позициям и смыслам, связываемым с этими компетенциями педагогами, родителями, другими учениками, а также по отношению к смыслам и контекстам, связанным с ситуациями обучения и воспитания. В этом контексте часто пишут о рефлексивности, о «критическом мышлении» и «независимости», о «контекстном» и «метапредметном» постижении мира;

3) стремление и способность к творческому, не-репродуктивному отношению к себе и миру, умение извлекать смыслы и значения объекта, ситуации из самих объектов и ситуаций, видеть объект полифункционально, полистратегичность постижения человеком себя и мира.

Эти стремления и способности формируются и развиваются педагогом, в полной мере обладающим качеством самостоятельности. Это субъект, ориентирующий себя во всех сторонах образовательного процесса, умеющий учить и знающий, чему и кого учить, гибко и направленно (транс)формирующий содержание, структуры и процессы обучения и воспитания в каждой конкретной образовательной ситуации. Это субъект культуры, в полной мере отвечающий требованию «ориентира», идеальной модели развития ребенка, подростка, взрослого. Его отношения с миром, включая самостоятельность, — модель построения отношений с миром для его учеников.

Особенности педагогического и организационного влияния на формирование и развитие самостоятельности учеников. Современные ученики проводят с педагогами (а также с другими специалистами образования и соучениками — сверстниками) подчас больше времени, чем с родителями. Это говорит о том, что влияние педагогов и образования на развитие человека огромно. К сожалению, многие современные реформы это влияние пытаются уменьшить, например, свести к диспетчированию и фасилитации самообучения и самовоспитания: идея самостоятельности воспринимается как идея одиночества ученика, «сам» и «один» путаются местами. Однако самостоятельный ученик — это все же ученик конкретного педагога или группы педагогов, передающих ему предметные знания и умения вместе со знаниями и умениями, относящимися к сфере социально-психологической компетентности, в том числе к самостоятельности. Как показывает системно-деятельностный подход, базирующийся на теоретических положениях Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, А. Г. Асмолова, В. В. Рубцова, непродуктивна, например, модель, при которой «тьютер не эрудит, а специалист в области способов организации работы с материалом. Задача тьютера — не отвечать на поставленные вопросы ученика, а помочь ребенку в поиске правильного решения исследовательской проблемы» [14, с. 236], а также и иные, аналогичные модели, призывающие отказаться от «диктата» педагога. Долгая традиция превозношения «демократических» стратегий преподавания была давно опровергнута и практикой, и результатами исследований образования: модели «мягкого», в том числе «индивидуализированного», образования проигрывают в результативности традиционным моделям, а модели «цифрового» образования вообще признаются близкими к его симуляциям. Однако пропаганда «мягких» моделей образования и компетенций, как якобы более важных, чем предметные, продолжается [2; 6].

Конечно, каждый педагог понимает, что в образовании неизбежны непредвиденные результаты и феномены, неизбежен и дополняющий упорядоченность образования хаос, а флуктуации помогают уточнить цели, формы и содержание обучения и воспитания в конкретных ситуациях и в ближайших перспективах. Он понимает и то, что хаос как часть образовательного диалога представляет собой этап продуктивных и эффективных отношений, но этот этап не единственный, не начальный

и не завершающий, хотя и важный. Управлять хаосом, иногда отказываясь от вмешательств в процесс, наблюдая и изучая его, не означает симулировать равенство. «Игры в равенство» и в самостоятельность учащихся и обучающихся не помогают образованию. Напротив, они запутывают учеников, поощряя не обоснованные компетенциями претензии на регуляцию процедурных и содержательных аспектов образования, они убеждают учеников в том, что педагог не важен, а значит, неважно и все образование, весь опыт человечества, который он представляет и который можно якобы «в любой момент» взять из текстовых и электронных пособий. На практике ученики школ и вузов отмечают, что лучшими формами образовательных отношений являются в достаточной мере директивные (авторитарные), т. е. направляющие развитие учеников, отражающие реальный, а не фиктивно-желательный статус-кво несущего культурные компетенции и ценности педагога. Роль ученика как принимающего, исследующего, присваивающего или отвергающего эти ценности остается во многом неизменной, ничем не мешая его самостоятельности: окончательное решение о том, что транслирует педагог, как на уровне предметных компетенций («жестких умений»), так и на уровне «мягких умений» и ценностей принимает сам ученик. Педагог должен осознавать и учитывать особенности своей позиции и функций по отношению к ученикам, поддерживая рефлексивные процессы и стимулируя учеников к принятию решений, отвечающих их собственным задачам и сущности [10].

Важно сознавать, что понятие директивности при всех его «инновационных» коннотациях последних десятилетий отражает всего лишь общее состояние дел в образовательных отношениях: асимметрия статусов и компетенций в отношениях педагогов и учеников есть и будет одним из условий возможности образования в целом, она особенно заметна на ранних стадиях развития. И во взрослой жизни, и даже в пожилом и старческом возрасте учителем в чем-либо становится тот, кто более компетентен: «ученик в учителе, учитель в ученике» [8, с. 75]. В случае обучения взрослых, самообучения и взаимообучения речь идет лишь о том, что эта асимметрия перераспределяется между субъектами образования или даже внутри одного субъекта. Инверсия отношений «учитель — ученик» возможна и типична, связана с реальным соотношением уровня компетенций взаимодействующих и с конкретными ситуациями и задачами педагогики, а не желаниями и иллюзиями участников образования, включая стремление к максимальной «гуманности», «паритетности» и т. п. образования. Даже в семейных играх встать на колени, чтобы оказаться вровень с маленьким играющим ребенком, создав ему в дополнение к отношениям со сверстниками психологически безопасное, диалогическое пространство и время развития, — временное, ситуативное состояние родителей. Но по окончании игры родители возвращаются в обычное состояние, встают с колен. Если родитель (наставник, опекун) продолжает стоять на коленях, чтобы быть «ближе» и «равным», чтобы имитировать

несуществующее равенство, то он как минимум обманывает ребенка и самого себя. Ложь, фикция, иллюзия не помогают ребенку понять себя и мир, не позволяют найти каналы и пути реализации и развития самостоятельности, гармонично представляющие и реализующие его задачи как субъекта культуры, жизни.

Разделение формы и содержания образования, ограничение функций педагога диспетчированием возможно, хотя и нерезультативно, даже в рамках репродуктивного образовательного процесса, типичного для начальной школы. Напротив, от ступени к ступени роль педагога расширяется и углубляется. Если речь идет об образовании как со-исследовании, тьютор, наставник, фасилитатор необходимым образом должен быть и эрудитом, увлеченным постижением себя и окружающего мира, человеком-творцом, и методистом. Тогда он может помочь ученику самостоятельно работать над развитием его компетенций и культурного уровня, исследовать его внутренний и внешний мир, многообразно и гибко осмыслить их феномены, извлекать, критически и многоаспектно и многоуровнево осмысливать и применять знания и умения, в том числе в сотрудничестве с другими людьми разных социальных групп и образовательных статусов. Упрощая, можно сказать, что самостоятельный ученик воспитывается и обучается самостоятельным педагогом. Однако это именно упрощение: изменение культуры образовательных отношений требует коренного пересмотра самих причин тех ошибок и ограничений, с которыми связана репродуктивная модель образования. В первую очередь, это директивный, а порой и откровенно принудительный характер образования, часто ведущий к возникновению соответствующих деформаций у педагогов и учеников. В каких-то ситуациях и на каких-то стадиях принуждение, в том числе как самопринуждение, воля, в образовании и в жизни в целом, — необходимость. Этим образовательный труд, как и любой иной труд, отличается от игры. Однако и в играх есть правила и нормы, которые не могут меняться произвольно, что часто не учитывают так называемые геймификация и комиксоизация образования.

Но там, где насилие становится самоцелью, где субординация и подчинение ребенка, подростка, юноши или взрослого как личности, партнера и собственно ученика важнее, чем образовательная цель (цель подготовки всесторонне развитого человека), образование заканчивается. Не менее верно это и для инновационной модели: творчество и со-творчество не возникают сами по себе [15; 16]. Проблемный характер воздействия, оказываемого системой школьного и вузовского образования на проявление и развитие одаренности, связан во многом с отсутствием культуры подготовки педагогов для одаренных детей и молодежи [2; 14; 17; 18], обеднением современных программ вместо их обогащения и ориентации на высокие стандарты сложности и «зоны ближайшего развития» [19; 20].

В целом современная школа говорит о важности изменений всей образовательной среды [4; 9; 16]. Однако только совокупность условий позволяет реализовать

инновационную модель образования. Сюда можно включить следующие условия:

1) психологически безопасную образовательную атмосферу, опирающуюся на лишенную (бессмысленного, разрушающего субъектов и их отношения) насилия культуру образовательных отношений;

2) творческие и методические способности и интерес к их реализации и развитию у педагогов, способных побудить к творчеству и со-исследованию учеников, стать для учеников «своими» педагогами;

3) наличие у учеников и их семей понимания социальной значимости и личностного смысла образования как процесса (самостоятельного и совместного) становления и осуществления человеком себя как субъекта культуры.

И если модус «совместности», как показывают исследования образовательной самостоятельности и независимости (автономности), более или менее успешно достигается там, где педагог обладает незаурядной мотивацией к развитию и сотрудничеству, сформированными знаниями и умениями в сфере методики преподавания, то модус «самостоятельности» вне системных изменений в образовании недостижим.

Деформации образовательных отношений и самостоятельности учеников. Как мы видим на примерах буллинга, моббинга, колумбайна, а также на примерах школярства, имитаций педагогической деятельности, «поверхностных» стратегий обучения и учения, лишить ученика и учителя контроля, декларировать самостоятельность и свободу, утверждать интертекстуальность и «ситуативность» знаний и умений недостаточно. В отсутствие организующего начала, творческого диалога ученика и педагога в психологически безопасной и поддерживающей развитие субъектов образования как самоактуализирующихся и самореализующихся людей среды мы получаем десакрализацию образования, отчуждение и неуважение к себе, ученикам и педагогам, «лоскутизацию» сознания на уровне смыслов и значений, ценностей и целей, «акультурье» и, как итог, всплеск насилия, направленного на защиту инстинктивных программ. Инстинкты благополучия (комфорта), размножения, власти и превосходства выходят на первый план, культура же, включая творчество, воспринимается как ненужная, «нагружающая», искажающая взаимодействие и жизнь. Выбор между самостоятельностью как осознанной ответственностью и свободой заменяется насилием защиты, захвата и приумножения своего комфорта, власти и т. д. Там же, где инстинктивные программы фрустрируются, возникают внутренние и внешние конфликты: обида, зависть и отмщение (месть) после более-менее длительного периода латентной агрессии переходят в агрессию открытую. Так формируется целая палитра типов насильственного поведения, ни одно из которых, тем не менее, не является сколь-либо самостоятельным.

Между дореволюционными гувернерами и домашними наставниками, советскими репетиторами и ультрамодными тьюторами и коучами есть общее — индидуальный подход (как к процессу, так и к результатам

образования). Этот подход, однако, реализуется на фоне применения относительно стандартных, унифицированных методических приемов и предоставления ученику разной меры самостоятельности (свободы выбора). При этом именно самостоятельность учеников становится наиболее сложным моментом индивидуализации и иных сторон повышения качества образования и его культуры в целом: индивидуализация требует как максимум создания условий элитарного интерната, что далеко не всегда возможно и, конечно, весьма ресурсоемко. В СССР и современной России это пока не вопрос настоящего, а за рубежом вариант параллельного сосуществования традиционных и альтернативных (новых, авторских, частных) школ, создаваемых на основе экзистенциально-гуманистической, персонифицирующей и персонализированной образовательной парадигмы, как альтернативной традиционной репродуктивной, массовой и унифицированной школе, развивается давно.

На волне «катастрофы неравенства», связанной с «объявленной ВОЗ пандемией» (2020–2022 гг.) деформацией работы мировой системы образования, отмечается важность возврата к системе индивидуальных и (или) групповых репетиторов, которые предлагаются как дополнение к основному образованию в школах и вузах, исходя из потребностей наиболее пострадавших от условий дистанционного образования учеников [3]. Зарубежная, американская и особенно европейская система образования оказалась более подготовленной к трансформациям и деформациям постмодерна и, как это видно сейчас, даже постпостмодерна: признание катастрофических последствий перевода образования в «дистанционный» формат совершается гораздо активнее и легче, чем в России, где цифровизация образования, вопреки логике, эмпирическим данным и непосредственным наблюдениям, продолжает рекламироваться.

Однако, как пишут зарубежные исследователи, помимо стресса, депрессивных и невротических реакций, ставших распространенными следствиями локдаунов 2020–2022 гг., помимо фактической остановки работы системы образования, нарушения, с которыми столкнулись ученики, существенно серьезнее. Дети, подростки, юноши увидели, сколь мало их будущее интересует взрослых, сколь легко проблемы их прав на образование игнорируются там, где превыше всего ставятся интересы бизнеса и власти. Ощущение неполноценности, ненужности, неспособности повлиять на ситуацию сформировало тенденции к социальной дезадаптации, особенно выраженной у 80% детей и иных учеников (прежде всего из семей с низким уровнем образования у родителей и иных членов), фактически забросивших обучение. Поражение чувства собственной значимости, достоинства завершило формирование того, что зарубежные исследователи назвали «катастрофой неравенства»: часть учеников, как это очевидно, так и останутся пораженными в правах на образование, несмотря на попытки компенсации нанесенных им локдаунами потерь [3].

Маркеры нарушения самостоятельности и социальной дезадаптации как причины и последствия образовательного и иного насилия таковы:

1) (ауто)агрессивное поведение и отношение, при котором человек перестает стремиться к взаимопониманию, сотрудничеству, взаимному принятию, основным способом взаимодействия становится агрессивная открытая или латентная манипуляция или насилие;

2) уход в себя, замкнутость, отчужденность, эгоизм, при котором человек блокирует общение и отношения, перестает рассчитывать на помощь других людей, поэтому со временем ему все труднее построить, поддерживать или восстановить отношения, вернуться в социум, коллектив. Он избегает травмирующих, но развивающих столкновений;

3) социофобия как потеря потребности в социальных контактах, состояние одиночества и самоизоляции, страх людей и отсутствие социальных проектов, личность деформируется, разрушается и утрачивает все связи с окружением, вплоть до семейных;

4) нежелание подчиняться внешним требованиям общества, анормативность, десакрализация, отвержение ценностей в виде бунта, насильственных действий, желание отомстить за неудачи жизни и невозможность самоосуществления и расправиться и т. д. [7, с. 160].

Когда формирование и развитие самостоятельности ограничивается декларациями, а культура образовательных отношений либо отсутствует, либо опирается на утрированные ценности и смыслы репрессивно-директивной модели, наблюдается активное увеличение интраперсональных и интерперсональных деформаций, в том числе рост индивидуального и массового насилия и его различных форм, например, школярства и имитаций образовательной деятельности и даже социальной активности у учеников (на фоне тенденции к отчуждению и даже изоляции от общества), ресентимента и имитации деятельности обучения и воспитания у педагогов, матетогений и педиогений, образовательного буллинга (сталкинга), «точечного» и массового насилия [2; 13]. Многие из этих феноменов связываются со «стрессами инноваций» и псевдоинновациями — изменениями, цели и пути которых остаются непонятыми и непринятыми учениками и педагогами. Такие новации ведут к формированию психологически опасной образовательной среды, росту насилия и блокаде самостоятельности субъектов образования.

В рамках директивно-научающей модели, интерпретируемой как необходимость репрессивного контроля над четким соблюдением требований педагога, образовательная самостоятельность как социально-психологическая компетенция складывается обычно спорадически, у некоторых учащихся старших классов и студентов вузов, скорее, под влиянием семейных традиций или опыта взаимодействия с педагогом, транслирующим ценность самостоятельности. Чаще всего такая директивно-научающая модель, акцентирующая репрессивно-контролирующие функции педагога, предполагает обратное: она формирует и поддерживает школярство, имитации и иные проявления несамостоятельности школьников и студентов как учеников, как партнеров и как личностей, включая соответственно:

— их неспособность и неготовность ставить и решать образовательные задачи, формулировать условия и ставить цели (само)обучения и (само)воспитания. Школьники — учащиеся и обучающиеся, не способные сформулировать личностный смысл образования, цели и ценности образования для них носят внешний, отчужденный, потребительский характер, нередко сводясь к получению документов об образовании как «пропусков» в мире, где они смогут наконец реализовать свои истинные цели и ценности: благополучия и комфорта, власти и превосходства, удовольствия и размножения, т. е. те биологически заданные инстинкты, которые формируются и развиваются помимо, вне образовательных целей и ценностей;

— их неспособность и неготовность быть независимыми по отношению к изучаемым им предметным знаниям и умениям, позициям и смыслам, связываемым с этими компетенциями педагогами, родителями, другими учениками, а также по отношению к конкретным ситуациям обучения и воспитания. Яркий пример — нежелание учиться, переходящее в уверенность в том, что многие знания и умения, которые дают школа и вуз, лишние, и в том, что они знают и умеют достаточно, чтобы не только реализовать программы благополучия, размножения, власти и превосходства, но и считать себя компетентными настолько, чтобы транслировать свои (присвоенные) модели далее. Будучи родителями, такие люди стремятся ограничить образовательные маршруты своих и порой чужих детей, подростков, юношей теми сценарными рамками, которые они присвоили и транслируют дальше. Будучи представителями системы образования, такие люди вносят вклад в «освобождение» школьных и вузовских программ от тех предметов, компетенций и т. д., которые полагают «лишними», например, гуманитарных;

— их неспособность и неготовность к творческому, нерепродуктивному отношению к себе и миру, умение извлекать смыслы и значения объекта, ситуации из самих объектов и ситуаций, их стремление и способность видеть мир как мир фиксированных функций, одномерное понимание себя и мира — основа психопатизации (социопатизации), описанной современными и традиционными психологами, педагогами и социологами как проявление мещанства, потребительства, фашизма.

Эта модель существенно выигрывает, если дополняется сознательным, направленным поощрением активности и самостоятельности учеников, утверждением их достоинства и опыта, ориентацией на «зоны ближайшего развития» и достаточной образовательной и иной нагрузкой учеников, работой педагогического коллектива со всем образовательным коллективом.

В случае же попустительства поощрение «стратегических» или замещающих форм активности не приводит ни к чему: «демократическое» образование часто впадает в крайность, поскольку позволяет имитировать образовательную и профессиональную деятельность, экономить усилия и симулировать образовательный процесс и его результаты. Например, это может касаться

практики «домашнего обучения» и экстерната, востребованность которых будет в ближайшее время в нашей стране и во всем мире расти: родителей и самих учеников беспокоят отсутствие качества образования и иные опасности, поджидающие учащихся и обучающихся, а школам и вузам, экзаменуя компетенции данных учеников, нет никакого дела до качества их знаний и умений и тем более не проверяемых никем результатов оценивания этих знаний и умений. В целом единственной надеждой такого образования остаются внутренняя мотивация учеников и мотивация их семьи, побеждающей и направляющей активность детей.

В самом образовании перечисленные выше неспособности и неготовности связаны с рядом аддикций и многими иными физиологическими, психологическими, нравственными и социальными деформациями [2].

Развитие самостоятельности в профилактике и коррекции последствий образовательного насилия.

Перечень нарушений образовательных отношений, помимо образовательной неуспеваемости как неумения и нежелания учиться, навязчивой «зубрежки» и иных проявлений «стратегического», потребительского отношения учеников к образованию, затрагивает многие иные личностные, межличностные и образовательно-профессиональные аспекты функционирования и развития человека, включая его готовность и способность развиваться (страх и отказ от развития, названный А. Маслоу синдромом Ионы) [11]. Многие из них связаны с состояниями зависимости, а также с отношениями насилия как причины и как следствия зависимости (несамостоятельности) ученика. Насилие порождается отсутствием или деформациями культуры образовательных отношений и усиливает их, прежде всего ограничивая возможность и способность человека быть самим собой, понимать внешний и внутренний мир из них самих, а не из тех смыслов и ценностей, которые с разной мерой настойчивости транслируют или откровенно навязывают более или менее влиятельные (референтные, «значимые», численно преобладающие и т. п.) другие люди и субъекты.

Необходимо направленно работать в сфере развития самостоятельности, профилактики и коррекции социальной дезадаптации как причины и последствий образовательного и иного насилия:

- 1) развивать отношения взаимной поддержки и психологической безопасности, ощущение защищенности и «тыла» в отношениях с другими субъектами образования;
- 2) помогать строить и развивать отношения с другими людьми, преодолевать отчуждение и изоляцию, ощущение взаимной нужности людей, стимулировать стремление и обеспечивать основы отношений взаимопонимания, сотрудничества, взаимного принятия;
- 3) помогать правильно относиться к асимметриям в отношениях, восстановить и укрепить субъективно-личностную и социальную ценность образовательных и иных человеческих отношений, укреплять ощущение самооценности у субъектов образования;

4) развивать самостоятельность и стремление осознать, исследовать, рефлексировать мир внутри и вокруг себя, принимая собственные решения в ситуации обеспеченности качественным образовательным «контекстом» и т. д.

Таким образом, анализ психолого-педагогических проблем формирования и развития образовательной самостоятельности в контексте задач профилактики и коррекции индивидуального и массового насилия в образовании показывает, что разные модели и системы образования в разной мере поддерживают и провоцируют насильственные системы отношений его субъектов. Теоретический анализ феноменов массового и индивидуального насилия в образовании позволяет рассматривать его последствия и причины нарушений образовательной и профессиональной самостоятельности, подчеркивает важность активизации самостоятельности учеников, а также учителей и в образовании, и вне него.

Выводы

1. Проблематика самостоятельности учащихся и обучающихся во многом интегрирует проблемы психолого-педагогических нарушений в образовательных отношениях, функционирования и развития его отдельных субъектов. Деструкции отношений человека с собой и другими людьми в образовании, деформации

регулирующих эти отношения и совместную деятельность ценностей и смыслов, моделей поведения и взаимодействия влияют на деструкции образования, приводя к эскалации насилия и иных необразовательных форм активности и отношений.

2. Для коррекции этих нарушений необходимо вернуться к базовым для образования смыслам, ценностям, моделям взаимодействия субъектов образования друг с другом и т. д., добиться того, чтобы участники образования стали самостоятельными и сотрудничающими его субъектами. Это требует осмысления образовательной и профессиональной самостоятельности как важных целевых ориентиров психологически безопасного образования, стремление к которым и достижение которых обеспечивает оперативную и перспективную профилактику и коррекцию насилия в образовании на уровне как «персонализированного» и направленного буллинга, так и более массовых и «спонтанных» форм насилия, включая колумбайн.

Область применения и перспективы исследования.

Предполагаются разработка и внедрение целостной модели работы образовательного учреждения по предупреждению и коррекции персонализированного и деперсонализированного (массового) насилия путем формирования и развития самостоятельности и общей гармонизации отношений в системе образования.

Список источников / References

1. Арпентьева М. Р., Тащева А. И., Гриднева С. В. Дидактогении и стрессы инноваций в высшем образовании // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 3. С. 4130–4145.
2. Ермаков Д. С., Кириллов П. Н., Корякина Н. И., Янкевич С. А. Персонализированная модель образования с использованием цифровой платформы / под ред. Е. И. Казаковой. М., 2020. 44 с.
3. Azevedo J. P., Gutierrez M., de Hoyos R., Saavedra J. The Unequal Impacts of COVID-19 on Student Learning // Primary and Secondary Education During Covid-19 / Reimers F. M. (eds.). Cham, 2022. Pp. 421–459.
4. Бернштейн Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса. М., 2008. 272 с.
5. Вербицкий А. А. Концепция знаково-контекстного обучения в вузе // Вопросы психологии. 1987. № 5. С. 51–59.
6. Ветошкина Т. А., Полянок О. В. Роль «жестких» (hard skills) и «мягких» (soft skills) компетенций в профессиональной деятельности // Агропродовольственная политика России. 2017. № 12(72). С. 58–62.
7. Джумагулова Т. Н., Соловьева И. В. Одаренный ребенок: дар или наказание. СПб., 2009. 160 с.
8. Амонашвили Ш. А. Идея школы Щетинина // Школа сотрудничества. Практическое руководство для тех, кто хочет стать любимым учителем / под ред. Е. А. Хилтунен. М., 2000. С. 70–85.
9. Иванова Е. О., Осмоловская И. М. Теория обучения в информационном обществе. М., 2014. 190 с.
10. Макаренко А. С. Марш тридцатого года. М., 1988. 288 с.
11. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997. 430 с.
12. Попова Л. В. Образовательные программы для одаренных детей в странах Европы // Психологическая наука и образование. 2009. Т. 14, № 4. С. 101–114.
13. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. 480 с.
14. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. М., 2006. Т. 1. 816 с.
15. Щелина Т. Т., Аверьянова Г. А. Проблема подготовки учителей к развитию творческой активности обучающихся // Молодой ученый. 2014. № 21-1(80). С. 231–233.
16. Богоявленская М. Требуется помощь: школьные проблемы одаренных детей // Школьный психолог. 2005. № 3. С. 6–10.
17. Bloom B. S. Developing Talent in Young People. New York, 1985. 180 p.
18. Guilford J. P. Creative talents: Their nature, use, and development. Buffalo, NY, 1986. 340 p.
19. Making human beings human: Bioecological perspectives on human development / Bronfenbrenner, U. (Ed.). London, 2005. 336 p.
20. Renzulli J. S. What is This Thing Called Giftedness, and How Do We Develop It? A Twenty-Five Year Perspective. *Journal for the Education of the Gifted*. 1999. Vol. 23(1). Pp. 3–54.

Поступила 13.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © Кузнецова О. Е., Ермолин В. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-320-326

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Особенности представлений о полицейском у телезрителей новостной программы областного телевидения (на примере Архангельской области)

Ольга Евгеньевна Кузнецова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии высшей школы педагогики, психологии и физической культуры¹; o.e.kuznecova@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4519-3593>

Валерий Вячеславович Ермолин, слушатель высшей школы педагогики, психологии и физической культуры¹; ermolin.v@edu.narfu.ru; <https://orcid.org/0009-0001-3691-6390>

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 163002, Архангельск, Набережная Северной Двины, 17, Россия

Реферат. Введение. Исследование представлений о полицейском у гражданского населения позволяет выстроить работу по формированию имиджа полицейского. Цель — выявить особенности представлений о полицейском у телезрителей новостной программы областного телевидения. **Материалы и методы.** Методы сбора данных: ассоциативный эксперимент и опросник. Обработка осуществлялась посредством контент-анализа. В исследовании принял участие 61 человек. **Результаты и обсуждение.** Анализ ассоциативной направленности показал, что у 1-й группы (телезрители) складываются в основном положительно-нейтральные социальные представления о полицейском, у участников 2-й группы (получающие информацию из других источников) перевес имеют нейтральные представления. Содержание ядерной системы представлений у обеих групп носит нейтральный характер, но у телезрителей больше положительных ассоциаций, чем отрицательных. **Выводы.** Периферия представлений имеет более положительный характер у 1-й группы, нейтральный с тенденцией к отрицательному — у 2-й группы. Представления телезрителей носят на данный момент положительно-нейтральный характер с тенденцией к изменению в положительном направлении, что соответствует образу полицейского, презентуемому в новостной телепрограмме.

Ключевые слова: социальные представления о полицейском, образ полицейского, телепрограмма, влияние средств массовой информации

Для цитирования: Кузнецова О. Е., Ермолин В. В. Особенности представлений о полицейском у телезрителей новостной программы областного телевидения (на примере Архангельской области) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 320–326. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-320-326>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99 © Kuznetsova O. E., Ermolin V. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-320-326

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology

Peculiarities of Visions about the Police in TV News Program of Regional Television (on the example of Arkhangelsk region)

Olga E. Kuznetsova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Psychology of the Higher School of Pedagogy, Psychology and Physical Culture¹; o.e.kuznecova@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4519-3593>

Valery V. Ermolin, trainee of the Higher School of Pedagogy, Psychology and Physical Culture¹; ermolin.v@edu.narfu.ru; <https://orcid.org/0009-0001-3691-6390>

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17 Severnaia Dvina embk., Arkhangelsk, 163002, Russia

Abstract. Introduction. The study of visions about the police among the civilian population ensures developing the work on the formation of the image of the police. The goal is to identify the features of representations about police among regional TV news viewers. **Materials and Methods.** The following methods of data collection were employed: associative experiment and questionnaire; processing was carried out through content analysis. The study involved 61 people: 31 from a group of TV viewers, and 30 others receiving information from other sources. **Results and Discussion.** Analysis of associative orientation showed that group 1 (TV viewers) have mostly positive-neutral social visions about the police, while representatives of group 2 (receiving information from other sources) have more neutral perceptions. The content of the core is neutral in both groups, but TV viewers have more positive than negative associations. **Conclusions.** The periphery of the representations has a more positive character in group 1, and neutral with a tendency to negative characteristics in group 2. The visions of TV viewers are currently positive-neutral, with a tendency to change in a positive direction, which corresponds to the image of the police presented in the news program.

Keywords: social visions about a policeman, image of a policeman, TV programme, mass media influence

Citation: Kuznetsova O. E., Ermolin V. V. Peculiarities of Visions about the Police in TV News Program of Regional Television (on the example of Arkhangelsk region). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 320–326 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-320-326>

Основные положения

1. Средства массовой информации формируют готовый образ, в том числе и образ полицейского, являющийся одним из факторов формирования представлений о полицейском у гражданского населения, которые существенны для полиции, а также с точки зрения доверия граждан к государству в целом.

2. Постоянные телезрители новостных программ получают готовый положительно-нейтральный образ полицейского, презентуемый в новостной программе областного телевидения, а граждане, использующие интернет-источники, получают различные презентации образа полицейского, в том числе и отрицательные.

3. Представления о полицейском у телезрителей совпадают с презентуемым образом в новостной телепрограмме и носят положительно-нейтральный характер, а представления у граждан, использующих интернет-источники, имеют нейтральный характер с тенденцией к отрицательной направленности.

Введение

Актуальность и сущность проблемы. Реформа органов внутренних дел внесла изменения не только в деятельность подразделений полиции и их состав, но и в представления о них в сознании российского общества. Представления о милиционере, сложившиеся еще в советское время и откладывавшие отпечаток на образ современного милиционера, ушли в прошлое. Сейчас необходимо формировать новый образ полицейского с другими функциями, соответствующими изменяющемуся миру, т. е. полицейского, который готов работать с преступлениями как в реальной, так и в киберсреде. Поскольку представления о полицейском влияют на доверие граждан не только к полиции, но и к государству в целом, то формирование положительного образа имеет большое значение. Исследование представлений о полицейском позволяет разработать и оптимизировать программы формирования положительного имиджа полицейского и его поддержки, в том числе и на региональном уровне.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Несмотря на то что вырос уровень доверия к сотрудникам полиции, обзор современных исследований представлений о полицейском в стране позволяет сделать вывод об их неоднозначности и противоречивости в сознании разных слоев населения*.

Согласно исследованиям С. А. Мусатовой в общем представлении респондентов полицейский — это человек славянской внешности, средних лет, вероятно, имеющий семью, со средним уровнем заработной платы, в меру разговорчивый и сосредоточенный, обладающий чувством юмора, но при этом раздражительный, медлительный, трусливый, хитрый, мягкохарактерный, действующий по предписанной инструкции, безразличный к патристическим ценностям и склонный к неадекватным действиям [1].

В целом было выявлено, что образ «идеального» полицейского в представлении граждан совпадает с фак-

торной структурой профессионально важных качеств обследованных сотрудников полиции. К наиболее значимым характеристикам относят коммуникативные способности, волевые качества и эмоциональную компетентность. В числе желаемых качеств полицейского респонденты отмечают честность и добросовестность. Однако сопоставление положительных и отрицательных качеств варьируется [2–6].

На наш взгляд, эти противоречия можно объяснить различием выборки по регионам. Анализ исследований показывает многофакторный характер формирования образа сотрудника правоохранительных органов, поэтому одним из факторов можно выделить и региональный аспект. Кроме того, к самым значимым факторам представлений о полицейском относятся средства массовой информации (далее — СМИ), поэтому интерес нашего исследования связан с влиянием СМИ на формирование представлений о полицейском у гражданского населения. То, как именно СМИ будут освещать службу сотрудников полиции, часто влияет не только на имидж полиции, но и на уровень доверия граждан и желание взаимодействия с ней. Материалы, освещающие борьбу с преступностью, содержатся в основной массе многочисленных печатных изданий, а также транслируются на различных телевизионных каналах, на радио и в интернете. Учитывая, что именно СМИ, которые рассчитаны на наиболее широкие слои населения, в отличие от узконаправленных специализированных полицейских программ и изданий, имеют большую популярность у самой разной аудитории, именно они в значительной степени формируют общественное мнение деятельности полицейских.

Анализ существующих исследований освещения образа полицейского в СМИ показал, что нет единой политики в его формировании.

Как указывает В. Е. Нестерова, положительный имидж складывается из двух основных компонентов: 1) фактической работы полиции; 2) медийного образа сотрудников органов внутренних дел. Оба эти компонента так или иначе зависят от представления информации в СМИ. При формировании медийного образа сотрудника задействованы основные функции СМИ. В зависимости от определенных факторов (например, политики государства, взглядов владельцев СМИ, запросов зрителей и т. д.) одна из функций становится главной. Исходя из этого, вся информация, предлагаемая СМИ, может быть положительной (стимулирует создание или укрепление положительного образа), негативной (наносит вред имиджу) и нейтральной (не прибегает к эмоционально окрашенным оценкам, а просто информирует о чем-либо) [7]. Исследования ученых показали, что основным источником информации о деятельности полиции являются именно СМИ [8].

Как отмечает Д. Г. Передня, печатные СМИ России ориентированы больше на выявление и освещение недостатков в работе полиции [9]. Анализ целостного об-

* ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii> (дата обращения: 26.08.2024).

раза полицейского по материалам оппозиционных газет выявил существование дихотомии по таким показателям, как «жестокость–гуманность», «непрофессионализм–профессионализм», «произвол–законность». Кроме того, в статьях применялись различные речевые манипулятивные технологии для воздействия на сознание читателей. При этом для формирования положительного образа полиции используются следующие художественные средства: эпитеты, противопоставления, аллюзии, гиперболы, метафоры, фразеологизмы и специализированная лексика [10].

В ряде исследований обращается внимание на влияние на представления граждан о полицейском современного видеоконтента. Так, если в Советском Союзе пытались создать положительный имидж полицейского (дядя Степа — милиционер, мудрый Анискин, полковник Знаменский и т. д.), то в современной России образ полицейского часто негативный (образ «оборотня в погонах», «Полицейский с Рублевки») или неоднозначный («Улицы разбитых фонарей», «Глухарь»). Часто показывается, что полицейский демонстрирует недостойное поведение: употребляет спиртные напитки, несдержан, агрессивен и хамоват, много курит, имеет неспортивный вид и избыточный вес, использует свою власть в собственных интересах, а не в интересах граждан, которых он должен защищать. Все это способствует формированию недоверия граждан к полиции в целом. Следует отметить и наличие положительного образа в сериалах «Шериф», «Беги», фильм «СуперБобровы». Персонажи этих фильмов умеют быть вежливыми, деликатными, не являются враждебными и раздражительными, демонстрируют профессионализм [11]. Существуют и сериалы («Паутина», «Ментовские войны» и др.), где показывается непростая, но эффективная борьба сотрудников полиции (художественных персонажей) с преступностью [12].

Наиболее влиятельным средством массовой информации на сегодняшний день является интернет. Виртуальное пространство содержит информацию о сотрудниках полиции на официальных сайтах подразделений органов внутренних дел, а также в социальных сетях и на видеохостингах. Официальные сайты МВД дают положительную информацию. Исследование выступлений пресс-секретарей полиции показало, что содержательно насыщенное и тщательно выстроенное публичное выступление пресс-секретаря полиции на телевидении способно оказать позитивное влияние на формирование имиджа представляемой им организации [13; 14].

В неофициальных интернет-ресурсах и социальных сетях предлагается разная информация о полиции, в том числе и негативная. В социальных сетях существуют группы, которые целенаправленно ориентированы на подрыв имиджа полицейских. В таких сообществах публикуются исключительно отрицательные факты о деятельности сотрудников правоохранительных органов, видео и фото, которые подрывают честь и достоинство профессии полицейского. Интернет является таким пространством, где существуют разные точки зрения на деятельность полиции. Анализ социальных запросов

российских граждан показывает, что они чаще ищут описания негативных аспектов деятельности полиции, в отличие от них, европейские и американские граждане больше интересуются реализацией гражданских прав и свобод [15].

Таким образом, СМИ служат одним из важных инструментов формирования имиджа сотрудников правоохранительных органов и общественного мнения. К основным компонентам положительного имиджа сотрудников полиции относят развитое правосознание, внешний вид, положительные личностные качества и коммуникативную компетентность.

Исследование региональных СМИ демонстрирует, что в основном в них представлен положительный образ полицейского. В Магаданской области местные СМИ оперативно освещают деятельность полиции и ее положительные аспекты [16]. В Омской области в средствах массовой информации и сети Интернет граждане информируются о деятельности полиции в целях формирования и поддержания позитивного имиджа полицейского.

Несмотря на то что существует немало исследований, посвященных влиянию СМИ на представления граждан о полицейском, исследований именно в области психологии недостаточно.

В нашем исследовании, которое носит пока пилотажный характер, мы попытались выяснить, каковы особенности представлений о полицейском у телезрителей новостной программы областного телевидения. Для реализации поставленной цели был выполнен сравнительный анализ представлений о полицейском у зрителей телепрограммы «Вести Поморья» и у граждан, получающих информацию о полицейских из других источников. Мы предположили, что представления о полицейском у телезрителей не будут значительно отличаться от образа полицейского, презентуемого в телепрограмме, и будут иметь положительно-нейтральный характер. Мы полагали также, что телезрители постоянно видят определенную презентацию образа полицейского и их представления основываются на этом, в то время как граждане, пользующиеся разными источниками информации, получают разрозненную, несформированную информацию о полицейском, соответственно, образ его у них менее сформирован.

Теоретической основой исследования является теория социальных представлений С. Московичи, согласно которой социальные представления определяют картину мира человека. Они не только способствуют познанию мира, но и опосредуют поведение человека в нем, адаптируют к сложившейся картине мира. Применялась структура социальных представлений Ж.-К. Абрик в виде иерархического строения (ядро и периферия), где ядро устойчиво и стабильно и связано с коллективной памятью, а периферия изменчивая и задает вектор развития изменений [8–19].

Материалы и методы

Выборка. Респонденты разделены на две группы: 1-я группа — телезрители программы «Вести Поморья» (31 человек, 18 женщин и 13 мужчин); 2-я группа — гражд-

дане, получающие информацию из других источников (30 человек, 15 женщин и 15 мужчин). Общий объем выборки — 61 человек, из них 33 женщины и 28 мужчин. Выборка рендомизирована. В каждую группу входили представители разных профессий, разных слоев населения, в возрасте от 18 до 65 лет. Во 2-ю группу были отобраны респонденты, которые не смотрят телепрограммы ни по телевидению, ни в сети Интернет. Основными источниками информации для данной группы чаще всего выступают различные местные новостные и информационные сайты, а также группы в социальных сетях. В предварительном исследовании было проанализировано 100 видеосюжетов о полицейских в программе «Вести Поморья».

Метод сбора данных — свободный ассоциативный эксперимент. Респондентам предлагалась анкета, в которой на слово-стимул «полицейский» необходимо было дать 5 ассоциаций. Полученные данные заносились в таблицу, в которой ассоциации распределялись по зонам с учетом частоты и ранга появления понятия в ответах респондентов.

На основании результатов предыдущего исследования анализа содержания телепрограммы «Вести Поморья» был разработан небольшой опросник выделенных характеристик полицейского, которые оценивались по 10-балльной шкале.

Обработка данных проводилась с помощью контент-анализа, для сравнения двух независимых выборок применялся U-критерий Манна-Уитни в программе IBM SPSS Statistics 22.00.

Результаты и обсуждение

Результаты контент-анализа видеосюжетов о полицейском в выпусках новостной программы. В предварительном исследовании, результаты которого мы кратко представим, был выполнен количественный контент-анализ 100 видеосюжетов, связанных с полицией, программы «Вести Поморья» за период 6 месяцев 2023 г. Большинство сюжетов (67%), связанных с деятельностью полиции и отношением к полиции, носят, скорее, положительный характер. Треть (33%) занимают, скорее, нейтральные сюжеты по отношению к полиции.

В сюжетах внешний вид полицейских носит положительный характер, а их физическая форма представлена нейтрально. В целом положительный характер присущ категориям «выявление и раскрытие преступлений», «обеспечение безопасности дорожного движения», «просвещение населения». Другая освещаемая деятельность полиции в целом оценивается нейтрально-положительно. Это сюжеты о проведенных учениях, в которых оперативники могут продемонстрировать профессиональные навыки; о личной жизни сотрудников, например о семье полицейских, где они показаны как обычные люди с особой профессией; о комплектации полиции новым оборудованием, которое помогает в работе. Освещение взаимодействия полицейских с различными группами граждан носит разный характер. Так, при взаимодействии с потерпевшим в 100% образ полицейского представлен положительно. С подозреваемыми и пре-

ступниками в 66,7% случаев взаимодействие полицейских в кадре имеет нейтральный характер. С другими гражданами взаимодействие полиции в равном числе случаев является нейтральным и положительным. Качества личности полицейского практически не представлены. Таким образом, в целом в видеосюжетах новостной программы областного телевидения создается положительно-нейтральный образ «полицейских как исполнителей буквы закона».

Анализ особенностей социальных представлений о полицейском телезрителей новостной программы.

В настоящем исследовании анализировались представления группы телезрителей новостной программы «Вести Поморья» и группы не телезрителей.

Анализ данных ассоциативного эксперимента позволил выявить ядро и периферию представлений о полицейском.

В 1-й группе телезрителей было выделено 155 ассоциаций, из них 71 положительная (45,8%), 52 нейтральные (33,5%), 32 отрицательные (20,6%). Таким образом, с точки зрения направленности ассоциативного ряда у опрошенных зрителей «Вести Поморья» складываются в основном положительно-нейтральные социальные представления о полицейском.

Во 2-й группе было выявлено 150 ассоциаций, из них 27 положительных (18%), 87 нейтральных (58%), 36 отрицательных (24%). Таким образом, с точки зрения направленности ассоциативного ряда у опрошенных граждан, получающих информацию о полицейских из других источников, складываются в основном нейтральные социальные представления о полицейском.

Сравнение социальных представлений о полицейском у обеих групп испытуемых проводилось путем вычисления меры семантической близости по формуле $S = C / (N_1 + N_2)$, где C — количество (сумма частот) совпадающих ассоциаций, N_1 — количество ассоциаций на первый стимул, N_2 — количество ассоциаций на второй стимул. В нашем случае это будет: $(65 + 67) / 305 = 0,43$ [20]. Таким образом, минимально возможный коэффициент пересечения социальных представлений телезрителей и не телезрителей о полицейских будет равняться 0,43, что является довольно высоким показателем и говорит о большом количестве повторяющихся ассоциаций у людей из двух разных групп.

Анализ сравнения ядра и периферии представлений респондентов обеих групп дает более глубокий анализ.

Ориентируясь на положения В. П. Серкина о случайности / неслучайности ассоциаций для групп от 20–30 человек $p = 0,01$ будет при $v = 3$, где v — количество выборов [20]. Таким образом, в ядро социальных представлений о полицейских у зрителей программы «Вести Поморья» входят такие понятия, как закон, честность, штраф, порядок, справедливость, власть, форма, защита, защитник, страх, правопорядок, ответственность, и включаются 50 (32,2%) ассоциаций, из них 26 (52%) носят эмоционально нейтральный характер, 16 (32%) — положительный и 8 (16%) — отрицательный (табл. 1). Следует отметить, что положительные ассоциации касаются

деятельности полицейского, а отрицательная ассоциация «штраф» не относится к личности полицейского, ассоциация «страх» отражает эмоциональное отношение к полицейскому.

Таблица 1. Элементы, образующие ядро представлений о полицейском
(Table 1. Elements which constitute the core of visions about the policeman)

Ассоциации	Показатели	
	частота	ранг
1-я группа		
Закон	8	1
Честность	6	2
Штраф	5	3
Порядок	4	5,5
Справедливость	4	5,5
Власть	4	5,5
Форма	4	5,5
Защита	3	10
Защитник	3	10
Страх	3	10
Правопорядок	3	10
Ответственность	3	10
2-я группа		
Закон	9	1
Форма	8	2
Мигалки	4	3,5
Страх	4	3,5
Порядок	3	7,5
Ответственность	3	7,5
Недоверие	3	7,5
Опасность	3	7,5
Погоны	3	7,5
Коррупция	3	7,5

Таким образом, с точки зрения направленности ассоциативного ряда ядра представлений у опрошенных зрителей «Вести Поморья» складываются в основном нейтрально-положительные социальные представления о полицейском.

В ядро социальных представлений о полицейских у граждан, получающих информацию о полицейских из других источников, входят такие понятия, как закон, форма, мигалки, страх, порядок, ответственность, недоверие, опасность, погоны, коррупция, и включаются 43 (28,7%) ассоциации, из них 24 (55,8%) носят эмоционально нейтральный характер, 6 (14%) — положительный и 13 (30,2%) — отрицательный (табл. 1). Причем положительные ассоциации представляют деятельность полицейского, а отрицательные ассоциации «страх», «недоверие», «опасность» — эмоциональное отношение, ассоциация «коррупция» относится к противоправному поведению.

Итак, сравнение ядра представлений у респондентов двух групп показывает примерно одинаковое количество представлений. Насыщение ядра ассоциациями также примерно одинаковое (12/10). Совпадение содержания ядра представляет 0,5, т. е. по половине ассоциаций имеется сходство. В обеих группах преобладают нейтральные представления, однако 1-я группа имеет

больше положительных ассоциаций (32/14%) и меньше отрицательных (16/30,2%). Если характер положительных ассоциаций одинаковый, все они касаются деятельности полицейского и не включают характеристики личности, то характер отрицательных ассоциаций различается. У представителей 2-й группы больше ассоциаций отрицательного эмоционального отношения и есть ассоциация противоправного действия.

Периферия представлений у участников 1-й группы более обширная и разнообразная, чем ядро, и включает 105 ассоциаций (67,7%), из них 45 (42,9%) положительных, 38 (36,1%) нейтральных и 22 (21%) отрицательные. Следует отметить, что среди положительных ассоциаций 29 касаются качеств полицейского и 16 ассоциаций — его деятельности. Среди отрицательных ассоциаций 9 представляют нейтрально-отрицательные (криминал), 10 ассоциаций касаются качеств и эмоционального отношения (халатность, тревога, беспокойство), 3 ассоциации относятся к противоправной деятельности (коррупция) (табл. 2). Таким образом, согласно периферии представлений у телезрителей, скорее, положительная тенденция к формированию представлений о полицейском.

Таблица 2. Результаты контент-анализа отрицательных ассоциаций

(Table 2. Results of the content analysis of negative associations)

Качества	1 группа		2 группа	
	абс. частота	отн. частота	абс. частота	отн. частота
Противоправная деятельность	3	13,6	9	39,1
Нейтрально-отрицательные	9	41,0	2	8,8
Личностные	5	22,7	5	21,7
Эмоциональное отношение	5	22,7	7	30,4
Итого	22	100	23	100

Периферия представлений у участников 2-й группы также более обширная и разнообразная, чем ядро, и включает 107 ассоциаций (71,3%), из них 21 (19,6%) положительная, 63 (58,9%) нейтральные и 23 (21,5%) отрицательные. Следует отметить, что среди положительных ассоциаций всего пять касаются качеств полицейского и 16 — его деятельности. Среди отрицательных ассоциаций две являются нейтрально-отрицательными (криминал), 12 ассоциаций касаются качеств и эмоционального отношения (незащищенность, угроза, тревога, страшные), девять ассоциаций характеризуют противоправную деятельность (коррупция, взятка, оборотень). Таким образом, согласно периферии представлений у 2-й группы, скорее, нейтральная тенденция к формированию представлений о полицейском, но есть опасность развития отрицательных представлений.

Сравнительный анализ результатов опроса показал, что в целом представители обеих групп дают положительную оценку полицейским, так как указанные баллы выше среднего. Выше всего оцениваются внешний вид и взаимодействие с преступниками, несколько ниже деятельность полицейских в целом и взаимодействие с гражданами. Статистическая значимость выявлена по показателям «деятельность полицейских в целом»

и «взаимодействие с преступниками», которые выше у 1-й группы ($p < 0,030$) (табл. 3).

Таблица 3. Средние значения по показателям характеристик полицейского
(Table 3. Average meanings according to indicators of policeman's characteristics)

Группа	Российский полицейский	Внешний вид	Деятельность полицейских	Взаимодействие с обычными гражданами	Взаимодействие с преступниками
1-я	6,6	7,8	6,8	6,4	6,8
2-я	6,0	7,0	5,7	5,7	5,9
Итого	6,3	7,4	6,25	6,05	6,35

Таким образом, анализ опроса показал незначительные отличия в представлениях о полицейском у респондентов исследуемых групп.

Выводы

1. Образ полицейского в новостной программе областного телевидения носит положительно-нейтральный, но несколько формализованный характер и представляет больше «образ служителя закона», нежели живого человека.

2. Анализ ассоциативной направленности в целом показал, что у телезрителей складываются в основном положительно-нейтральные социальные представления о полицейском, а у участников 2-й группы перевес имеют нейтральные представления. Однако показатель меры семантической близости свидетельствует о сходстве представлений.

3. Система ядерных представлений свидетельствует о стабильности их на данный момент и их наличии в коллективной памяти. Содержание ядра представлений примерно одинаковое у обеих групп, и преимущество составляют нейтральные представления, но у телезрителей положительных представлений больше, чем отрицательных. Отрицательные представления у участников 2-й группы имеют более насыщенный эмоциональный характер и содержат противоправные действия.

4. В системе периферийных представлений различия между двумя группами более существенные. В группе телезрителей больше положительных представлений, среди которых преобладают качества полицейского, а во 2-й группе выявлено больше нейтральных ассоциаций, положительные ассоциации больше касаются характеристик деятельности, нежели качеств полицейского.

5. Количество отрицательных представлений в обеих группах одинаковое, но в 1-й группе больше нейтрально-отрицательных ассоциаций, а во 2-й группе — ассоциаций с противоправными действиями и негативным эмоциональным отношением.

6. Тенденция к формированию образа полицейского в 1-й группе носит положительно-нейтральный характер, а во 2 группе — нейтрально-отрицательный характер.

7. Сравнение категорий характеристик полицейского, по данным опроса, не выявило существенных различий между двумя группами, однако у 1-й группы показатели выше, а по категориям «деятельность полицейских в целом» и «взаимодействие с преступниками» статистически значимо различаются.

Таким образом, на настоящий момент представления телезрителей имеют положительно-нейтральный характер с тенденцией к изменению в положительном направлении, что соответствует образу полицейского, презентуемого в новостной телепрограмме. Представления граждан, получающих информацию из различных интернет-источников, носят нейтрально-положительный характер, но с тенденцией к изменениям в отрицательную сторону.

Область применения и перспективы. Исследование представлений о полицейском у гражданского населения конкретного региона дает значимую информацию для сотрудников информационной службы МВД и для региональных СМИ, так как ее можно применять для разработки программ формирования и коррекции представлений и образа полицейского в конкретном регионе в рамках самой системы МВД и в работе со СМИ.

Список источников / References

1. Мусатова С. А. Феномен образа полицейского в социальных представлениях жителей мегаполиса : дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 149 с.
2. Дубнякова А. И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4(55). С. 19–21.
3. Любчук В. К., Лунев В. Е. Социально-психологический портрет полицейского: методика и результаты исследования // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 112–123.
4. Базаров Т. Ю., Черкасов В. В. Социальные представления об имидже полицейского в молодежной среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 1(76). С. 14–21.
5. Васильева И. В., Возженникова О. С. Образ полицейского в общественном сознании // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41). С. 183–191.
6. Передня Д. Г. Образ полиции в сознании молодежи // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2(34). С. 87–89.
7. Нестерова В. Е. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел средствами массовой информации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1(54). С. 42–48.
8. Гайдай М. К., Грозин С. Ю. Роль СМИ в оценке деятельности полиции // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3(94). С. 195–198.
9. Передня Д. Г. Образ работников полиции в газетах и массовом сознании россиян // Социальные исследования. 2016. № 2. С. 32–42.
10. Золотайко А. И., Нестерова В. Е. Моделирование положительного образа полиции в российских оппозиционных газетах // Политическая лингвистика. 2022. № 2(92). С. 92–99.

11. Карпова А. В. Медийный образ сотрудника полиции как результат деятельности СМИ // Закон и право. 2021. № 11. С. 209–211.
12. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Формирование стратегических приоритетов имиджевой политики российской полиции в контексте повышения эффективности ее работы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 144–151.
13. Браженская Н. Е., Чернобродов Е. Р. Средства массовой информации как один из основных механизмов формирования имиджа сотрудника полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 3(78). С. 306–311.
14. Шиханов А. В. Формирование имиджа организации: пресс-секретарь и телевидение // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 367–371.
15. Тюнь А. П. Роль средств массовой информации в формировании имиджа сотрудника правоохранительных органов // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 86–90.
16. Невский С. А., Бормотова Т. М., Яковлев О. В., Черкасов Р. В. Общественная оценка деятельности российской полиции в социальных медиа (на примере Магаданской области) // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 3. С. 434–442.
17. Малышева Е. Г., Гриднев Н. А. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) // Научный диалог. 2016. № 12(60). С. 134–144.
18. Moscovici S. The phenomenon of social representations. Social representations / Ed. by M. Farr, S. Moscovici. Cambridge-Paris: CUP, 1984. Pp. 3–69.
19. Abric J.-Cl. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations. *Papers on social representations*. 1993. Vol. 2. No. 2. Pp. 75–78.
20. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики : учеб. пособие для вузов. М., 2008. 382 с.
Поступила 17.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 30.06.2025.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общая педагогика. Теория и методика профессионального образования, обучения и воспитания

General pedagogy. Theory and methods of professional education, learning and upbringing

Научно-практическая статья

УДК 378 © Ульянова И. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-327-336

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Служебно-профессиональное воспитание курсантов образовательных организаций МВД России в условиях организованного досуга. Часть 1. Литературно-музыкальная гостиная «Наша культура»

Ирина Валентиновна Ульянова, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики¹, академик Российской академии естествознания, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования; iva2958@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8603-0213>

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12, Россия

Реферат. Введение. Целью представленного цикла из трех статей по заявленной теме служат характеристика и научное обоснование методик воспитания курсантов образовательных организаций МВД России, раскрывающих специфику их организованного досуга в контексте служебно-профессионального воспитания с опорой на групповую и индивидуально-групповую формы работы, интегрированные в систему общеуниверситетских и общефакультетских мероприятий. Центральной идеей служебно-профессионального воспитания курсантов в данном случае выступает базовый педагогический концепт формирования морально-нравственного самосознания личности, ее служебно-профессиональной убежденности, укрепления чувства долга, патриотизма. **Материалы и методы.** Теоретико-методологическую основу исследования составили положения научной школы «Педагогика смысложизненных ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России» (И. В. Ульянова), в которой раскрыта сущность философского, общенаучного, конкретно-научного, технологического уровней служебно-профессионального воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Охарактеризовано содержание следующих методик организованного досуга: «Литературно-музыкальная гостиная „Наша культура“», «Киноклуб „Ракурс“», «Художественно-творческие проекты», «Дневник событий и саморазвития». **Результаты и обсуждение.** Значительная часть курсантов, начинающих обучение в образовательных организациях МВД России, транслируют следующие трудности, сопряженные с проблемами предшествовавшего школьного образования и свойственные многим современным российским абитуриентам независимо от специфики избранной профессии: социальный инфантилизм, общекультурную и коммуникативно-речевую некомпетентность, рефлексивную пассивность, склонность к первичной киберзависимости. Это становится серьезным препятствием для отказа в российской системе образования от либерального (постмодернистского) дискурса и эффективного перехода к подлинно национальной образовательной доктрине, сочетающей учебно-воспитательные традиции и новации (она, доктрина, масштабно отражена в законодательном арсенале, однако спорадически внедряется в повседневную образовательную практику). При этом необходим учет изначального включения курсантов образовательных организаций МВД России в служебную деятельность в качестве рядовых полиции, принятия ими Присяги, что требует интенсификации адаптационного процесса. **Выводы.** Служебно-профессиональное воспитание курсантов образовательных организаций МВД России — процесс полиаспектный, полиэтапный, динамичный, обуславливающий поиск и совершенствование воспитательных методик, которые выступают в качестве значимых ресурсов для эффективной профессионализации, гармоничного развития личности.

Ключевые слова: воспитательная работа, курсантский коллектив, литературно-музыкальная гостиная, киноклуб, художественно-творческие проекты, дневник событий и саморазвития

Для цитирования: Ульянова И. В. Служебно-профессиональное воспитание курсантов образовательных организаций МВД России в условиях организованного досуга. Часть 1. Литературно-музыкальная гостиная «Наша культура» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 327–336. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-327-336>

Scientific and Practical Article

UDC 378 © Ulianova I. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-327-336

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Service and Professional Education of Cadets of Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs in conditions of Organized Leisure. Part 1. Literary and Music Room «Our Culture»

Irina V. Ulianova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Pedagogy¹, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, corresponding member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education; iva2958@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8603-0213>

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 12, Academician Volgin st., Moscow, 117997, Russia

Abstract. Introduction. The central idea of service and professional education of the cadets in this case is a basic pedagogical concept of formation of moral self-awareness of the person, his service and professional conviction, strengthening the sense of duty, patriotism. **Materials and Methods.** The theoretical and methodological basis of the research includes the provisions of the scientific school «Pedagogy of Life Orientations in the Training System for Russian Law Enforcement Personnel» (I. V. Ulianova), which reveals, in particular, the essence of philosophical, general scientific, specific scientific, technological levels of service and professional education of cadets and trainees of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs. The content of the following methods of organized leisure is described: «Literary and music room „Our culture“», «Cinema club „Viewpoint“», «Artistic-creative projects», «Diary of events and self-development». **Results and Discussion.** A significant part of the cadets starting their studies in the educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs, transmit the following difficulties associated with the problems of previous school education and typical for many modern Russian applicants, regardless of the specifics of the chosen profession: social infantilism, general cultural and verbal communicative incompetence, reflexive passivity, tendency to primary cyberaddiction. This becomes a serious obstacle to the abandonment in the Russian education system of liberal (postmodern) discourse and effective transition to a truly national educational doctrine, combining educational traditions and innovations. At the same time, it is necessary to take into account the initial inclusion of students of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs in service as private of police, their taking the oath, which requires advancement of the adaptation process. **Conclusions.** Service and professional education of cadets of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs is a multifaceted, multi-phase, dynamic process leading to the search for and improvement of, in particular, educational methods, which will act as significant resources for effective professionalization, harmonious personal development.

Keywords: educational work, cadets' collective, literary and music room, cinema club, artistic-creative projects, diary of events and self-development

Citation: Ulianova I. V. Service and Professional Education of Cadets of Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs in conditions of Organized Leisure. Part 1. Literary and Music Room «Our Culture». *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 327–336 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-327-336>

Основные положения

1. В современных условиях значительной трансформации идейных позиций руководства Российской Федерации, ориентированных на традиционные национальные ценности, укрепление государственного суверенитета, гуманистической идеологии¹ в противовес навязываемому в постсоветский период (1991–2022) постмодернистскому тренду, либерализму, служебно-профессиональное воспитание курсантов образовательных организаций МВД России нуждается в дополнительных формах, методах воспитания, включая организованный досуг. Именно в данном формате взаимодействия с курсантами у субъектов воспитания (курсового звена, педагогов-кураторов, профессорско-преподавательского состава) появляется возможность системно и планомерно актуализировать в контексте служебно-профессионального воспитания групповую и индивидуальную работу с обучающимися на факультете (в Институте), вписывая ее в контекст систе-

мы воспитания образовательной организации в качестве первичной. В этом случае курсанты, слушатели становятся участниками мероприятий, событий, в которых реализуют себя как активные субъекты, развивая интеллектуальные, эмоциональные, коммуникативно-речевые, волевые способности, на основе чего формируются их морально-нравственное самосознание, служебно-профессиональная убежденность, гармоничное развитие.

2. Важным аспектом в программе воспитания образовательной организации МВД России, ее теоретическом базисе, в повседневной воспитательной практике субъектов воспитания является интегративный подход к взаимодействию с обучающимися, синтезирующий культурологический, деонтологический, социальный, личностно ориентированный, экзистенциальный (смысло-жизненный), деятельностный, превентивный подходы. В условиях организованного досуга курсантов данная генерация способна реализовываться системно, комплексно.

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 ; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сно, синтезируя единичное, персональное и общее, социальное. При этом наблюдается синхронная реализация гражданско-правового, патриотического, профессионального, коллективистского, национального (интернационального), нравственного, эмоционального, умственного, валеологического, гендерно-психологического, эстетического, аксиологического, профилактического видов воспитания.

3. Практика и результаты диагностических процедур показывают, что такую системную воспитательную деятельность в условиях организованного досуга с курсантами целесообразно начинать с первого года их обучения, благодаря чему повышается качество адаптационного периода, актуализируются идеи целеполагания, самовоспитания, формируется полноценный курсантский коллектив. Благодаря этому преодолевается определенный дефицит общекультурных знаний, умений курсантов, навыков в области организаторской, рефлексивной, коммуникативно-речевой деятельности, связанный с периодом школьного образования. В Институте психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя реализуется экзистенциально-социальный модуль воспитания (как аспект организованного досуга), являющийся актуальным дополнением общеуниверситетской программы воспитания². В рамках модуля в течение учебного года системно и планомерно реализуются следующие методики: «Литературно-музыкальная гостиная „Наша культура“», «Киноклуб „Ракурс“», «Художественно-творческие проекты», «Дневник событий и саморазвития».

4. Указанные методики сопряжены с организационными и содержательными требованиями, положениями универсального (общего) и частного порядка. Универсальные (общие) требования: реализация в мероприятиях принципов профессионально-личностной ориентации; связь гуманизма, долга, патриотизма; информационная достоверность; корреляция искусства, науки, творчества; направленность на разум, чувства, волю, деятельность личности (имплицитный аспект воспитания и обучения); диалогизм; укрепление межпоколенческих отношений. Организационная структура мероприятий: 1) информационно-подготовительная часть; 2) процессуальная часть; 3) рефлексивно-оценочная часть.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Служебно-профессиональное воспитание курсантов образовательных организаций МВД России — приоритетная задача в деле подготовки сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД). Именно от ее эффективного решения во многом зависит ответственное отношение полицейских к обязанностям, укрепление ими чувства долга, готовности к высоконравственному и ответственному поведению, самопожертвованию, гармоничному развитию. При этом в научных трудах В. Я. Кикотя, В. Л. Кубышко, Т. С. Купавцева, Н. В. Сер-

дюк, А. М. Столяренко и др. [1–6], занимающихся и занимавшихся ведомственной проблематикой подготовки кадров, подчеркивается важность и необходимость согласованности высокой требовательности к сотрудникам ОВД в сочетании с глубоким уважением к личности, служебным коллективам, их развитием.

В условиях геополитических трансформаций XXI в., провоцирующих внешние межгосударственные конфликты, внутренние общественные противоречия, процесс воспитания молодежи, включая представителей ведомственных образовательных организаций, фиксируется как сложный и неоднозначный. В данном контексте все более очевидными становятся такие барьеры в их эффективной профессионализации, как склонность к социальному инфантилизму, первичная киберзависимость, общекультурная и коммуникативно-речевая некомпетентность, рефлексивная пассивность и др. В целом ученые указывают на недостаточную согласованность в стране ступеней общего среднего и высшего образования, ослабленность принципа преемственности (Д. В. Легенчук, В. Л. Савиных и др.) [3; 6–12].

Вышеперечисленные риски представляют собой результат длительного периода развития отечественной системы образования в условиях настойчиво насаждаемой либеральной идеологии, базирующейся на основах философии постмодернизма. Ее ключевые идеи представлены в трудах Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко и др. и проанализированы, обобщены, в частности, В. Н. Волковым. Ученый обосновывает деструктивность философии постмодернизма через следующие ее установки: «Отказ от центральных и сущностных категорий классической философии — объективной реальности, целостности, детерминизма, центрированности, трансцендентального, социального, идеологии, политики, государства, нации, семьи»; «отказ от интерпретации мира с позиций объект-субъектной парадигмы, от просвещенческой трактовки знания, разума и истины»; «отказ от Просвещения <...> тенденции к теоретическому плюрализму, закрепившему лозунг методологического анархизма „можно всё“ (anything goes) в форме мультипарадигмальности. Принцип кумулятивизма научного знания замещается принципом пролиферации — безграничного умножения теорий, несводимых одна к другой. Представление о принципиальной несоизмеримости теорий релятивизирует научную истину. Углубляется отход от „идолов“ Свободы и Прогресса»; «переход к постмодерну связан с отказом от модели разумного, самоосновного, автономного человека, свободного в рамках выбора разумной необходимости»; «общество рассматривается как фрагментарное, мозаичное, неупорядоченное образование» [13; 14, с. 4–7].

Именно в данных условиях осуществляется массовое вовлечение современной российской молодежи в среду кич-культуры (Н. Смелзер) [15], которая является нижайшим уровнем массовой культуры (более высокие уровни —

² О морально-психологическом обеспечении учебно-воспитательного процесса в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя : приказ Московского университета МВД России от 1 июля 2019 г. № 930. Документ опубликован не был.

мид-культура и арт-культура) и отличается упрощенной подачей проблематики бытия, опирается на стереотипные образы, идеи, сюжеты, клише, ориентирована на обывателя, не занятого духовными исканиями.

В подобной среде, во многом лишенной направляющей инициативы педагога, незрелой личности весьма сложно самостоятельно разобраться в жизненных приоритетах, воспитать в себе моральную устойчивость, гражданскую ответственность, правовую компетентность, эмоционально-волевую зрелость, а также доброту, честность, трудолюбие, сформировать сугубо гуманистические, высоконравственные взгляды. Тогда как уже само начало обучения курсантов в образовательных организациях МВД России предполагает наличие у них представленных выше характеристик в совокупности с идеей служения, самоотверженности. Следовательно, в настоящее время возникает острая необходимость поиска и реализации теоретических подходов и прикладных методик, способных дополнить конкретный образовательный процесс релевантным воспитательным ресурсом.

При этом необходимо подчеркнуть, что для курсантов образовательных организаций МВД России потенциальная пролонгация, способствующая мобилизации личности для эффективной профессионализации в принципе невозможна, ибо уже в первом семестре ими принимается Присяга, им присваивается звание рядового и обучающиеся выступают в роли сотрудника полиции, обязанного выполнять служебные функции [16; 17]. Обозначенные выше противоречия между недостаточно устойчивой социальной позицией вчерашнего школьника и служебными требованиями, изначально предъявляемыми к курсантам образовательных организаций МВД России, фокусируют внимание не только на совершенствовании их служебной, квазипрофессиональной, учебной подготовки, но и на детализации воспитательного процесса, способного синтезировать ресурсы персонального (экзистенциального) и социального (коллективистского) воспитания.

Цель — научное обоснование служебно-профессионального воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в условиях организованного досуга, сопряженного с экзистенциальным, социальным дискурсами и включенного в воспитательную программу учреждения.

Теоретические предпосылки, состояние и степень разработанности проблемы. Служебно-профессиональное воспитание курсантов образовательных организаций МВД России осуществляется на основе синтеза двух доктринальных государственных документов: Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Большое значение для рассмотрения указанной в статье проблематики имеет приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», в кото-

ром указывается на необходимость «формирования у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, их воспитания в духе преданности Отечеству, личной ответственности за его историческую судьбу, обеспечения глубокого понимания и поддержки личным составом политики, проводимой государством», «закрепление в сознании сотрудников традиционных российских духовно-нравственных ценностей, общероссийской гражданской идентичности» (чему во многом способствует искусство гуманистического содержания) и др.

Каковы методологические основы воспитания курсантов и слушателей, релевантного указанным требованиям? Ответ на данный вопрос, на наш взгляд, следует искать в научных трудах Э. Г. Юдина [18] и его соратников (П. В. Копнина, В. А. Лекторского, В. И. Садовского и др.), в которых обосновано, что в методологии науки присутствуют четыре уровня: философский; общенаучный; конкретно-научный; технологический.

Научные изыскания и обобщения автора позволили прийти к следующим умозаключениям.

Философский уровень современной гуманистической педагогической парадигмы нуждается в интеграции положений нескольких философских течений (взаимодополняющих друг друга): диалектического материализма как утверждения первичности материи; понимания мира и общества через призму взаимодействия противоположностей и изменчивости (К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. В. Ильенков и др.); неокантианства как утверждения нравственных ценностей, требующих от человека согласования сущего с должным; развития ценностных чувств и ценностного сознания (Н. Гартман, М. И. Каган, И. Кант, С. Л. Рубинштейн и др.); светского гуманизма, утверждающего, что человек, его развитие, проявление его положительных способностей, право на счастье — наивысшая ценность; необходимости нравственного воспитания человека (А. А. Зиновьев, В. А. Кувакин, А. А. Кудишина, В. Ф. Цанн-кай-си и др.); позитивного экзистенциализма, утверждающего обоснованность оптимистического мировосприятия человеком; осмысление им собственной, глубинной жизни; осознанного взросления (Н. Аббаньяно, О. Ф. Больнов, В. Франкл, В. Э. Чудновский и др.). Интеграционный потенциал указанных философских течений весьма значим для сегодняшнего отечественного образования, однако, на наш взгляд, это своего рода предтеча для формирования нового научного концепта, способного обосновать философскую гуманистическую позицию с учетом характеристик постиндустриального общества. В частности, Л. К. Нефедова представляет ее сущность как минимум с приоритетностью духовного начала над потребительским [19].

Общенаучный методологический уровень важно осмыслять с учетом системного и аксиологического подходов. «Сущность системного подхода заключается в том, что относительно самостоятельные компоненты рассматриваются не изолированно, а в их взаимосвязи, в развитии и движении. Системный подход позволяет выявить интегративные системные свойства и качествен-

ные характеристики, которые отсутствуют у составляющих систему элементов. Предметный, функциональный и исторический аспекты системного подхода требуют реализации в единстве таких принципов исследования, как историзм, конкретность, учет всесторонних связей и развития» [20, с. 98]. На основе данного подхода выстраиваются педагогическая система образовательной организации (В. А. Сластенин, И. В. Ульянова) в целом и уровневая система воспитательных мероприятий, событий, реализуемых, в частности, в образовательных организациях МВД России в определенной иерархии: от общеуниверситетских, преимущественно традиционных — через факультетские (институтские) — к групповым и индивидуальным (на уровне учебного взвода).

Вместе с тем благодаря аксиологическому подходу [17; 20] в процессе служебно-профессионального воспитания курсантов и слушателей актуализируются традиционные базовые и служебные ценности (морально-политическая компетентность, долг, честь, ответственность и пр.), содействующие сотрудникам ОВД в защите личности, общества, государства от противоправных посягательств, в предупреждении и пресечении преступлений и административных правонарушений.

Конкретно-научный уровень методологии представлен совокупностью следующих подходов к ведомственному образованию (воспитанию): культурологического, деонтологического, социального, личностно ориентированного, экзистенциального (смысложизненного), деятельностного, превентивного. Благодаря их реализации в образовательной организации системно и устойчиво функционируют виды воспитания, дифференцированные на следующие векторы: 1) персональный (индивидуально-смысловой), объединяющий нравственное, эмоциональное, умственное, физическое (валеологическое), гендерно-психологическое, эстетическое воспитание; 2) социальный (общественный), интегрирующий гражданско-правовое, патриотическое, трудовое (профессиональное), коллективистское, национальное (интернациональное) воспитание; 3) комплексированный (как сочетание персонального и социального), интегрирующий аксиологическое, профилактическое воспитание [21, с. 103–119]. При этом в последние годы появляется все больше научных трудов, подчеркивающих значимость направляющей, сопроводительной миссии педагога в процессе воспитания и обучения обучающихся (М. Н. Хуторова, И. Н. Блудова [22], Г. А. Степанова, Г. В. Валеева и др. [23]).

Характеристики указанных видов воспитания широко представлены в отечественных педагогических источниках гуманистической направленности, по своему содержанию они во многом конгруэнтны. В связи с ограниченными возможностями статьи более подробно рассмотрим с учетом их особой актуальности *содержание экзистенциального и социального подходов* к воспитанию курсантов и слушателей. В первом случае осуществляется обращение к внутреннему миру личности, ее чувствам, размышлениям; во втором — к миру отношений человека, к миру и с миром.

Экзистенциальный подход в отечественной педагогике тесно связан с положениями светской экзистенциальной философии, с экзистенциальной психологией, опирается на труды В. Франкла, Э. Фромма, В. Э. Чудновского и др. Р. Мэй интерпретировал экзистенциализм как «культурное движение, запечатлевающее глубокое эмоциональное и духовное измерение современного человека» [24].

Сопрягая экзистенциализм с педагогикой, необходимо акцентировать значение субъектности обучающихся, что обуславливает укрепление служебных и личностных отношений, взаимопонимание между курсантами, слушателями и курсовым звеном, преподавательским корпусом, стимулирует диалоговый характер воспитательного процесса. С. Л. Рубинштейн отмечал, что человек — это «субъект практической и теоретической деятельности, субъект практики и истории». Познавая мир, человек изменяет и его, и себя, при этом совершенствуя свои способности к развитию, саморегуляции, самосовершенствованию [25]. В. А. Сластенин, Г. И. Аксенова, изучая позже профессиональное становление педагога (что правомерно экстраполировать на профессионализацию личности в целом) в условиях субъектно-деятельностного подхода, уточняли: «Говоря о личностных факторах становления педагога-профессионала, необходимо подчеркнуть, что ведущую роль в нем играют глубоко внутренние психические процессы, которые происходят в самой личности: обретение смысла деятельности, формирование смыслового ядра личности, ее переживания, создание „внутреннего локуса оценивания“, способность и потребность личности в собственном саморазвитии и др. Мотив и цель становятся подлинными регуляторами деятельности лишь будучи преломленными через систему соотношения смыслов и значений, через структуру сознания» [26, с. 17].

В. И. Слободчиковым и Е. И. Исаевым подчеркнуто, что субъект способен преобразовывать собственную жизнедеятельность, относиться к самому себе, оценивать, изменять, контролировать выполнение деятельности [27].

В. Э. Чудновский указал на ценность субъективности личности как своего рода «ядра субъектности», когда человек постепенно формирует свою «малую среду», способную обогащаться благодаря осмыслению «большой внешней среды», где немалое значение имеет воспитание [28].

На основе проведенного исследования К. Ю. Ануфриюк, И. Б. Дерманова выявили корреляцию между «высоким уровнем субъектности» личности с «более сформированной системой совладания с преимущественным использованием конструктивных стратегий, с менее выраженными психологическими защитами и более зрелой системой отношений» [29, с. 4].

В данном контексте важна точка зрения М. И. Рожкова и его последователей (Л. В. Байбородовой, М. А. Ковальчук и др.), которые обосновали актуальность экзистенциальной педагогики как реальной и потенциальной возможности формировать рефлексивную позицию педагогов и обучающихся, осуществлять социальное за-

калывание личности, укреплять ее мотивационное поле, заниматься профилактикой девиантного поведения, актуализировать значимые для личности события в процессе воспитания и обучения. «Основной идеей экзистенциальной педагогики является выделение в качестве идеальной цели — формирование человека, умеющего оптимально прожить свою жизнь, максимально используя свои потенциалы и реализуя себя в социально-значимой деятельности» [30]. Ведущие принципы экзистенциальной педагогики: стимулирование саморазвития человека, нравственного саморегулирования, преодоления психологических барьеров, актуализации значимой ситуации, реализации рефлексии, планирования значимых событий [31].

В свою очередь, социальный подход сопряжен с подсистемой «человек — общество» (Г. Н. Галагузова, Л. В. Мардахаев, А. В. Мудрик и др.), благодаря чему в образовательном процессе для субъектов воспитания раскрывается, в частности, содержание дескрипторов служебно-профессиональной подготовки курсантов с учетом специфики микро-, мезо-, макро-, мезофакторов социализации. При этом особую значимость в процессе воспитания и обучения курсантов приобретает процесс адаптации (в нашем случае она выступает в качестве учебно-служебно-профессиональной) как первичный этап социализации (А. В. Петровский) с последующей перспективой — переходом на этапы индивидуализации и интеграции. Адаптацию в системе высшего образования мы рассматриваем как многоплановое явление: 1) адаптация к традициям, требованиям образовательной организации, служебной деятельности и к сокурсникам; адаптация к новой модели обучения, субъектам воспитания (оптимальная длительность — первый семестр обучения); 2) последующие семестры: адаптация к новым преподавателям, новым учебным дисциплинам, квазипрофессионализации, новым видам практики и пр.

При этом изучение современных источников, ориентированных на воспитание курсантов образовательных организаций МВД России, пока демонстрирует приоритет научных исследований, нацеленных на изучение социального аспекта в профессиональной подготовке обучающихся, их организованном досуге (предпочтение отдается массовым спортивным, музейно-экскурсионным мероприятиям или групповым — на уровне научных обществ, волонтерских групп, клубам по интересам) без его тесной согласованности с персональным (личностно ориентированным) компонентом, благодаря которому появляется реальная возможность развивать не только интеллектуальный, физический, но и эмоционально-экзистенциальный потенциал личности.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения научной школы «Педагогика смысловых ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России» (И. В. Ульянова), в которой раскрыта сущность философского, общенаучного, конкретно-научного, технологического уровней

служебно-профессионального воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Реализуемые эмпирические методы разделены на два вида: 1) исследовательские; 2) организационные.

Среди исследовательских методов приоритетны включенное (невключенное) наблюдение (актуальные карты наблюдения «Адаптационный профиль учебного взвода», «Культура поведения курсантов во время мероприятий организованного досуга»), диагностические беседы, опросы (анкетирование), анализ продуктов деятельности, проективные методики «Линия моей жизни», «Герб моей личности», «Мой нравственный идеал».

Охарактеризовано содержание следующих методик организованного досуга: «Литературно-музыкальная гостиная „Наша культура“», «Киноклуб „Ракурс“», «Художественно-творческие проекты», «Дневник событий и саморазвития».

Результаты и обсуждение

Педагогика смысловых ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел. Подтверждено, что воспитание курсантов образовательных организаций МВД России является наиболее эффективным в случае его реализации в контексте конкретной воспитательной системы, учитывающей государственные, ведомственные задачи служебно-профессиональной подготовки кадров, социально-экзистенциальные потребности юношества, молодежи (к когорте которых относятся и курсанты очного обучения).

В рамках научной школы «Педагогика смысловых ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России» выявлено, что в среде первокурсников наблюдается ежегодное снижение показателей по критерию «систематическое активное участие в воспитательных делах, событиях школы, класса» (от 60 до 35% в течение 2020–2025 гг., выборка — $n=280$). Статистика отражает проблемы и с наличием у первокурсников нравственного идеала, а также в области рефлексивной, коммуникативной, эмоционально-волевой и других сфер, что говорит о сужении их социального, воспитательного, экзистенциального опыта в школьный период.

Ведущие показатели готовности курсантов первого года обучения к служебно-профессиональной деятельности с учетом воспитательного потенциала фиксируются в диапазоне низко-среднего уровня (см. научные исследования О. В. Свиной, Ю. А. Простакишиной, Ю. Н. Русской, В. Е. Нефедьевой, Н. В. Талановой, А. А. Феоктистовой [32–37]). Наряду с этим выявлено, что около половины курсантов второго-третьего годов обучения испытывают определенные сложности в ситуациях публичных выступлений, организаторской деятельности, готовности к нравственному выбору, независимому киберповедению, разрешению конфликтов, а также с представлениями о сущности учебного коллектива. Благодаря исследованиям, связанным с частичной апробацией в рамках экспериментальных авторских программ, номинированных в данной статье досуговых мероприятий, подтверждается необходимость их систем-

ной и планомерной реализации в течение всего периода обучения курсантов и слушателей.

Методика «Литературно-музыкальная гостиная „Наша культура“» как форма организованного досуга в системе воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Досуг — это «время, свободное от работы (учебы) и других обязательств, которое наполнено деятельностью, обусловленной мотивами и потребностями» [38], возможностями для физического, духовно-нравственного развития и творчества, а также релаксации в целом и активного времяпрепровождения.

Организованный досуг курсантов представляет собой актуальную форму воспитания (в том числе и служебно-профессиональной, социокультурной направленности) личности и учебного взвода, когда обучающимся предлагаются разнообразные методики группового взаимодействия в целях повышения уровня их эрудиции, развития эмоционально-волевой, морально-нравственной, коммуникативно-речевой сфер, приобщения к национальным, профессиональным традициям.

Организованный досуг в образовательных организациях высшего образования силовых ведомств занимает промежуточное положение между обязательными мероприятиями воспитательного содержания, включенными в образовательный процесс (групповое посещение праздничных концертов, музеев, кинотеатров), и свободным (условно свободным) времяпрепровождением курсантов и слушателей, к которым можно отнести самостоятельные занятия, увлечение спортом, искусством и согласованные с однокурсниками посещения театров, выставок, прогулок и пр. (т. е. сочетание активного и пассивного отдыха).

Литературно-музыкальная гостиная как форма организованного досуга в образовательных организациях МВД России не универсальна. Это могут быть как разовые тематические встречи, так и систематические; по содержанию они могут быть обращены к спонтанно избранным именам поэтов, писателей и композиторов, музыкантов; по управленческо-организаторскому фактору могут быть инициативными со стороны субъектов воспитания, сотрудников Культурного центра, библиотеки, самих обучающихся. Ее отличие от литературных композиций, музыкальных вечеров и пр. заключается в том, что в гостиную приглашаются гости (исполнители, зрители), ей свойственен интерактивный формат взаимодействия всех субъектов с возможным введением элементов импровизации, театрализации, дискуссии.

Тем не менее специфика **литературно-музыкальной гостиной** как формы организованного досуга в образовательных организациях МВД России всегда дуальна (но неамбивалентна): с одной стороны, она связана с определенной официальностью (актуальны планоность, системность, относительная директивность), с другой — со свободой самовыражения, творчеством, интеграцией искусства и науки.

Принципы организации литературно-музыкальной гостиной «Наша культура» как формы организованного

досуга курсантов в нашем случае: системность и планоность; цикличность; служебно-профессиональная, социокультурная, обучающая и воспитательная направленность; информативность; наглядность; синтез науки, истории и различных видов искусства; фасилитативное сопровождение обучающихся; синтез массовости и персонализации; направленность на мышление и чувства участников; адаптационный, релаксационный, профилактический, развивающий потенциалы; диалогичность и полилогичность; диагностичность. Субъектам досугового воспитания целесообразно обращаться к научной, методической литературе, ориентированной на указанную проблематику, например, к работам И. Е. Михайлова «Литературно-музыкальные гостиные» (2021), И. В. Бернгардт «Литературно-музыкальная гостиная» (2007) и др.

Тематическое планирование деятельности литературно-музыкальной гостиной включается в комплексно-тематическое планирование образовательной деятельности образовательной организации. При подготовке сценариев встреч в литературно-музыкальной гостиной подбирается литературный, музыкальный, изобразительный материал, который соответствует возрастному критерию участников, обладает стимулирующе-развивающим, информационным, релаксационным потенциалом.

Субъектами — организаторами встреч в литературно-музыкальной гостиной выступают преподаватели и (или) педагоги-кураторы.

Количество участников. Несмотря на массовое акцентирование в научных, методических источниках идеи камерности при проведении мероприятий такого рода, в нашем случае в событии участвует около 200 человек — курсанты всех курсов института, а также представители кафедр (это условие транслируется как важное в силу его объединяющего ресурса).

Управленческо-организационный модуль событий в рамках литературно-музыкальной гостиной «Наша культура»:

1 — 1 курс. **Инициатива субъектов воспитания** (тематическое планирование, разработка сценариев, репетиции, проведение мероприятия, подведение итогов, обсуждение результатов, коллективная рефлексия и этическая подготовка учебных взводов к поведению в общественных местах).

2 — 2–3 курсы. **Интегративная инициатива субъектов воспитания и обучающихся** (тематическое планирование с учетом совместных предложений, разработка сценариев, репетиции, проведение мероприятия, подведение итогов, обсуждение результатов, коллективная рефлексия).

3 — 4–5 курсы. **Инициатива обучающихся при поддержке субъектов воспитания** (лидерами в организационной деятельности становятся сами курсанты и слушатели).

Учитывая, что в когорту ведущих литературно-музыкальной гостиной (обычно это пять-шесть курсантов, циклично сменяющих друг друга в течение учебного года, и один из субъектов воспитания) намеренно включены обучающиеся первого курса, с ними пред-

варительно проводятся кратковременные установочно-репетиционные встречи. Благодаря этому курсантами преодолеваются психологические барьеры, снижающие их активность, укрепляются их воля, позитивное эмоциональное состояние [39], совершенствуется культура устной речи.

Организаторам следует так разрабатывать сценарий, чтобы в нем обязательно содержалась ситуационная доминанта (термин Т. В. Машаровой), «которая представляет актуализированное внутреннее состояние человека, определяющая то в содержании данного события, что является для него значимым и выражается в его эмоциональной оценке. Этот принцип требует оказание помощи учащемуся в анализе события, определении в нем главного и второстепенного. Ситуационная доминанта тесно связана с эмоциональной оценкой происходящего и поэтому предполагает развитие эмоциональной сферы воспитанников» [39, с. 19].

Этапы подготовки события. Значительная роль в преодолении формального отношения курсантов и слушателей к воспитательным мероприятиям, событиям принадлежит этапам их реализации (они могут уплотняться, однако подсистема «подготовка–реализация–обсуждение» осуществляется в любом случае):

1. **Предподготовительный.** В начале учебного года обучающиеся информируются о традиционных плановых мероприятиях института (факультета) с учетом уже названных выше модулей и общеуниверситетских событиях, праздниках, научных мероприятиях, спортивных соревнованиях. При этом каждый учебный взвод обсуждает и коллегиально утверждает перспективный план своих мероприятий (экскурсии, встречи и пр.). Руководством института (факультета) утверждается отдельный план (дата, содержание, ответственные) работы литературно-музыкальной гостиной, киноклуба и пр.

2. **Подготовительный.** В зависимости от содержания, специфики подготовки мероприятия осуществляется соответствующее информирование курсантов, напоминание о нормах культуры поведения в общественных местах, задачах самовоспитания в области саморегуляции, самоконтроля и т. п.

3. **Организационный.** Курсанты и слушатели участвуют в подготовке и проведении конкретного мероприятия.

4. **Вводный.** Непосредственно связан с конкретным событием, мероприятием, его началом.

5. **Деятельностный.** Реализация мероприятия по соответствующей теме.

6. **Заключительный.** Завершение события, мероприятия.

7. **Оценочно-рефлексивный.** Коллективное обсуждение ценности события, мероприятия для личности, ее знаний, эмоций, нравственной позиции, для ее служебного, профессионального становления, для ее прошлого, настоящего, будущего (возможны территориальные варианты: в зале после группового просмотра кинофильма, в учебной аудитории взвода после беседы, концерта и пр.).

Программа «Литературно-музыкальная гостиная „Наша культура“». В данной статье представим описание программы «Литературно-музыкальная гостиная „Наша культура“».

Установка руководства ОВД на воспитание в образовательных организациях МВД России гармонично развитых сотрудников изначально предполагает их ориентацию не только на гражданско-правовое, интеллектуальное, физическое развитие, но и на морально-нравственное, эмоционально-волевое, эстетическое, чему в значительной мере способствуют музыка, литература, живопись, история как приоритетные компоненты культуры.

Выбор тематики литературно-музыкальной гостиной «Наша культура» сопряжен с теми событиями, памятными датами, известными личностями, которые значимы для нашего Отечества, влияют на молодежь интеллектуально, эмоционально, морально.

Каждый учебный год открывает для курсантов и слушателей новые страницы отечественной культуры. Приведем перечень мероприятий, проведенных в 2024–2025 учебном году в институте служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, где осуществляется профессиональная подготовка будущих психологов ОВД и инспекторов по делам несовершеннолетних.

1. Сентябрь. «Музыкальная открытка: поздравление курсантов и слушателей Института с началом нового учебного года» / концерт студентов Московского областного музыкального колледжа имени С. С. Прокофьева, г. Пушкино.

2. Октябрь. «Там, где труднее и круче в пути, Гайдар шагает впереди!» Литературно-музыкальная композиция, посвященная 120-летию А. П. Гайдара.

3. Ноябрь. «Юность, опаленная войной». Литературно-музыкальная композиция, посвященная 100-летию Б. Ш. Окуджавы, Ю. В. Друниной, Б. Л. Васильева, В. В. Быкова, Ю. В. Бондарева, 110-летию М. Г. Фрадкина.

4. Декабрь. «Национальное искусство. Великий русский портретист — Валентин Александрович Серов (1865–1911)».

5. Январь. «На страже правопорядка». Встреча с сотрудником ОВД.

6. Февраль. «23 февраля — День защитника Отечества: Армия. История. Искусство».

7. Март. «8 марта — Международный женский день». «Мама — слово дорогое».

8. Апрель. «От мечты — к цели жизни». К 120-летию со дня рождения русской и советской писательницы Веры Федоровны Пановой (1905–1973).

9. Май. «Этот День Победы! К 80-летию со дня окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Страницы истории: сражения, судьбы».

10. Июнь. «С заботой о Детстве». 1 июня — Международный день защиты детей.

11. Июль. «Великие имена мастеров русского слова». К 165-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова

(1860–1904), 120-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова (1905–1984), 115-летию со дня рождения Александра Трифоновича Твардовского (1910–1971).

Выводы

Служебно-профессиональное воспитание курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России нуждается в актуализации экзистенциального и социального воспитания и, соответственно, в расширении актуальных форм, методов и методик, в уточнении их содержания, теоретического обоснования, актуализации целенаправленной деятельности по формированию мировоззрения, самосознания личности. Важное значение в решении указанных задач приобретает форма

организованного досуга в подсистеме «учебный взвод — факультет (институт)».

Область применения и перспективы. Учитывая, что научно обоснованный и практически апробированный вариант организации досуга курсантов и слушателей посредством номинированных модулей вносит весьма существенные дополнения в профессиональное воспитание курсантов и слушателей, целесообразно их использование в образовательных организациях МВД России.

Разработка и издание методических материалов, способствующих максимально эффективной организации досуга курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

Список источников / References

1. Кикоть В. Я. Система научного обеспечения профессиональной подготовки слушателей вузов МВД России : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1998. 410 с.
2. Кубышко В. Л. О практико-ориентированном профессиональном обучении в вузе МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4(51). С. 72–73.
3. Кунавец Т. С. Феномен ответственности в концепции педагогической поддержки // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN123.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).
4. Столяренко А. М., Сердюк Н. В., Филимонов О. В. Социально-психологические факторы педагогики партнерства общества и полиции // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22, № 4. С. 93–100.
5. Сердюк Н. В., Наумов Ю. Г., Грищенко Л. Л. Психолого-педагогические меры по предотвращению конфликта интересов среди сотрудников органов внутренних дел // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22, № 5. С. 85–93.
6. Столяренко А. М. Профессионально-личностные ориентации в модернизации деятельности образовательных учреждений МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2(18). С. 90–94.
7. Легенчук Д. В., Савиных В. Л. Формальная и содержательная сущность преемственности в профессиональном образовании // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 4. С. 90–94.
8. Микляева А. В., Клецина И. С. Личностная зрелость и инфантилизм у юношей и девушек, обучающихся в гражданских и военных вузах: гендерный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 187. С. 101–111.
9. Микляева А. В. Методы диагностики социально-психологического инфантилизма в работе психолога социальной сферы // Социальное обслуживание семей и детей : науч.-метод. сб. Вып. 9 : Теоретические и практические аспекты работы психолога в учреждении социального обслуживания населения. СПб., 2016. С. 21–27.
10. Бушланова Ю. С. Индивидуальный маршрут самоопределения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 4(95). С. 430–437.
11. Баркунова О. В., Седова С. С., Смирнова О. А. Формирование социально ответственного поведения студента вуза // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 5. С. 124–128.
12. Замошникова Н. Н., Холмогорова Е. И. Преемственность школа — вуз на примере обучения информатике и информационным технологиям // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2024. Т. 19, № 3. С. 123–133.
13. Волков В. Н. Постмодерн и его интерпретации : монография. М., 2022. 693 с.
14. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 5. С. 3–8.
15. Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М., 1998. 688 с.
16. Калинин И. А., Зиборов О. В., Гасанов К. К., Федотов А. Ю. Содержание воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования. Часть 2 : Понятийный аппарат, основные концепции, тенденции развития // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 12–23.
17. Калинин И. А., Зиборов О. В., Клименко А. И. Формирование ценностных оснований профессионального правосознания сотрудника полиции в процессе образовательной деятельности высших учебных заведений МВД России // История государства и права. 2020. № 10. С. 3–10.
18. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. Изд. 2, стереотип. М., 2016. 448 с.
19. Нефедова Л. К. Философские контексты образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 4(95). С. 422–429.
20. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. и др. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2002. 576 с.
21. Ульянова И. В. Методологические основы учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях МВД России в условиях сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Педагогический диалог. Альманах : мат.-лы всерос. науч.-метод. семинара. Часть 1. М., 2024. 170 с.
22. Хуторова М. Н., Блудова И. Н. Формирование профессиональных компетенций курсантов образовательных организаций МВД посредством применения методики управляемого самообучения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 4(95). С. 438–446.

23. Степанова Г. А., Валеева Г. В., Степанова О. П., Арпентьева М. Р. Социально-психологическое сопровождение в решении проблем насилия в сфере образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 4(95). С. 402–410.
24. Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение // Экзистенциальная психология. Экзистенция / пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М., 2001. 113 с.
25. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. М., 1989. Т. 1–2. 816 с.
26. Сластенин В. А., Аксенова Г. И. Субъектно-деятельностный подход в образовании // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия «Психолого-педагогические науки». М., 2000. С. 3–22.
27. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности : учеб. пособие для вузов. М., 1995. 384 с.
28. Чудновский В. Э. К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 5. С. 3–12.
29. Ануфриев К. Ю., Дерманова И. Б. Система отношений и совладающее поведение у подростков с разным уровнем субъектности // Психология человека в современном мире : мат-лы всерос. юбил. науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна. Институт психологии РАН. М., 2009. Т. 4. С. 9–16.
30. Рожков М. И. Концепция экзистенциального подхода к воспитанию человека. URL: <https://news.yspu.org/wpcontent/uploads/sites/9/2016/09/RozhkovKontsepsiya.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).
31. Теоретико-методические основания экзистенциальной педагогики : монография : в 2 т. / Т. Б. Гребенюк, Т. Н. Гущина, И. В. Иванова [и др.] ; под науч. ред. М. И. Рожкова. Ярославль. 2023. Т. 1. 295 с.
32. Свинаярева О. В. Педагогическое сопровождение курсантов образовательных организаций МВД России в период адаптации к образовательному процессу : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2017. 24 с.
33. Простакишина Ю. А. Формирование у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России компетенций по предупреждению правонарушений несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2019. 27 с.
34. Русскова Ю. Н. Формирование профессиональных компетенций курсантов образовательных организаций МВД России посредством интерактивных технологий : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2021. 26 с.
35. Нефедьева В. Е. Комплексный подход к нравственному воспитанию курсантов образовательных организаций МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2021. 26 с.
36. Таланова Н. В. Педагогическая профилактика рисков киберповедения курсантов образовательных организаций МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2024. 25 с.
37. Феоктисова А. А. Социально-педагогическая профилактика конфликтов в курсантской среде образовательных организаций МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2024. 27 с.
38. Ярошевич Т. М. Досуг: теоретические аспекты, структура, содержание // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 299–304.
39. Шакуров Р. Х. Эмоция. Личность. Деятельность (механизмы психодинамики). Казань, 2001. 182 с.

Поступила 14.04.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Научно-практическая статья

УДК 378.1 © Кипреев С. Н., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-337-344

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Исследование сформированности типов патриотизма у обучающихся Кубанского государственного университета и Краснодарского университета МВД России

Сергей Николаевич Кипреев, преподаватель 100 кафедры общевоенных дисциплин¹;

komissar.1917@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3948-8360>

¹ Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова, Краснодар, 350090, ул. Дзержинского, 135, Россия

Реферат. Введение. В сфере внимания находится проблема выявления специфики формирования чувства патриотизма у различных профессиональных групп, понимание которой позволит осуществлять оперативную коррекцию процесса патриотического воспитания. Цель — выявление типологических особенностей формирования чувства патриотизма в каждой из рассматриваемых профессиональных групп. **Материалы и методы.** Выборку исследования составили 25 студентов факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета и 35 курсантов Краснодарского университета МВД России первого года обучения. Использовались опрос, интервьюирование, индивидуальная беседа, педагогическое наблюдение. **Результаты и обсуждение.** Приведены данные сравнительного анализа результатов диагностики индивидуальных и групповых уровней сформированности чувства патриотизма у курсантов, обучающихся в системе МВД России, и студентов педагогической образовательной организации. Описаны особенности развития чувства патриотизма в рассматриваемых учебных заведениях. Охарактеризована специфика целевых установок и смысловых ориентаций студентов Кубанского государственного университета и курсантов образовательной организации МВД России. **Выводы.** Результаты исследования имеют ценность для понимания специфики организации педагогического процесса с обучающимися в целях управления воспитательным процессом.

Ключевые слова: курсанты, студенты, патриотизм, воспитание, образование, научные исследования, исторический тип патриотизма, государственный тип патриотизма, типы чувства патриотизма

Для цитирования: Кипреев С. Н. Исследование сформированности типов патриотизма у обучающихся Кубанского государственного университета и Краснодарского университета МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 337–344. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-337-344>

Scientific and Practical Article

UDC 378.1 © Kipreev S. N., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-337-344

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Study of Formation Types of Patriotism in Students of Kuban State University and the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs

Sergey N. Kipreev, lecturer at the chair of General Military Subjects; komissar.1917@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3948-8360>

¹ Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov, 135 Dzerzhinsky st., Krasnodar, 350090, Russia

Abstract. Introduction. The focus is made on the problem of identifying the specifics of formed feeling of patriotism in different professional groups, understanding of which will make it possible to carry out operational correction of the process of patriotic education. The objective is to establish typological features of forming a sense of patriotism in each of the professional groups under study. **Materials and Methods.** The sample consisted of 25 first-year students of the Faculty of History, Sociology and International Relations of Kuban State University and 35 first-year cadets of the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs. The author employed questioning, interviewing, face-to-face discussion, pedagogical observation. **Results and Discussion.** The data of comparative analysis of the results of diagnostics of individual and group levels of formed feeling of patriotism in cadets studying in the system of the Russian Ministry of Internal Affairs and students of the pedagogical educational organization are given, features of development of feeling of patriotism in the educational institutions under consideration described. The paper describes the specifics of goal-setting and life meaning orientations of students of Kuban State University and cadets of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs. **Conclusions.** The results of the study are valuable for understanding the specifics of organization of pedagogical process with students in order to manage the educational process.

Keywords: cadets, students, patriotism, moral education, education, science research, historical type of patriotism, state type of patriotism, types of feeling of patriotism

Citation: Kipreev S. N. Study of Formation of Types of Patriotism in Students of Kuban State University and the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 337–344 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-337-344>

Основные положения

1. Понимание специфики сформированности чувства патриотизма у курсантов-полицейских и будущих педагогов дает возможность корректировать и направлять их процесс патриотического воспитания таким образом, чтобы все типы патриотизма в структуре личности молодых людей формировались гармонично.

2. Знание, на каком уровне сформирован тот или иной тип чувства патриотизма, и понимание причин его недостаточной сформированности могут помочь не допустить развития радикализма и деструктивных взглядов, антипатриотичного мировоззрения, купировать возможные ошибки и недостатки воспитательного процесса.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Проблема воспитания патриотизма среди сотрудников правоохранительных органов современной России является важным направлением исследовательской деятельности. Для успешного выполнения сотрудниками полиции своих служебных обязанностей сегодня особое значение имеет наличие сформированного чувства патриотизма. В условиях осложнившейся военно-политической обстановки в мире для педагогики главной задачей становится формирование патриотического мировоззрения граждан. В связи с этим актуальным является вопрос о выборе средств и методов патриотического воспитания.

В системе образования всегда особое место занимала профессия учителя. Учитель (педагог) — это тот человек, который реализует на практике стратегическую политику государства по воспитанию молодого поколения. Обучение высококачественных специалистов в области педагогики особенно актуально сегодня, в период информационной войны против России, но это было важным всегда, на всех этапах развития нашего государства. Безусловной значимостью обладает профессия учителя истории, так как именно в ходе занятий по истории у молодежи создаются представления о Родине, молодые люди учатся анализу и правильной интерпретации исторических фактов, у них формируются устойчивые взгляды на Отечество и чувство патриотизма. Я. И. Стрелецкий справедливо указывает, что «методические приемы, применяемые преподавателем в целях патриотического воспитания курсантов, различны. Однако все они взаимосвязаны, взаимообусловлены и составляют цельную систему, обусловленную различными аспектами онтологической проблематики» [1, с. 28].

Цель — проведение диагностики уровней сформированности чувства патриотизма и выявление типологических особенностей формирования чувства патриотизма в каждой из рассматриваемых нами профессиональных групп.

Материалы и методы

При проведении данного исследования основным методом являлся опрос. В качестве диагностического инструмента использовался разработанный и апробированный автором статьи опросник сформированности чувства патриотизма «Мой патриотизм», который состоял из 64 утверждений, сгруппированных в восемь тематических

блоков (каждый из которых позволял оценить уровень развития определенного типа чувства патриотизма). Обработка результатов опроса осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics 23.0.

В качестве дополнительных методов, подтверждающих результаты опроса и позволяющих осуществить интерпретацию полученных данных, применены такие методы, как интервьюирование, индивидуальная беседа, педагогическое наблюдение [2]. Интервьюирование позволило дать обоснование наличию низких баллов на утверждения опросника и выявить отношение респондентов к различным темам, связанным с патриотическим воспитанием. Л. В. Байбородова, И. Г. Харисова и В. В. Белкина говорят о том, что «методика проведения ряда занятий должна демонстрировать возможный вариант формы патриотического воспитания, способы, методические приемы и технологии, необходимые в воспитании молодых людей» [3].

Для углубленной интерпретации результатов опроса и уточнения причин тех или иных ответов на утверждения опросника нами был использован метод индивидуальной беседы. Испытуемым задавались уточняющие вопросы по различным аспектам понимания чувства патриотизма. В ходе педагогического наблюдения преподавателями выводы дополнительных методов диагностики подтверждались или опровергались. Рассуждая об актуальности данных методов, М. Ж. Мальтебасов с соавторами указывает, что «в ходе педагогических наблюдений выявлялись взаимосвязи патриотического и физического воспитания, патриотического и нравственного, патриотического и гражданского воспитания, качество этого процесса, программно-нормативные и содержательные основы, подбор средств, форм организации и методов данной работы» [4, с. 28].

Результаты и обсуждение

Структура чувства патриотизма.

Сотрудники полиции и учителя школ являются одними из наиболее активных социальных групп современного общества, с деятельностью которых сталкивается любой гражданин нашего Отечества. От того, какую позицию будут занимать работники данных профессий, зависят покой граждан и развитие образовательной системы. Для сотрудников полиции важно обладать высокой нравственностью и глубоким чувством патриотизма. Именно на этой основе полицейскими будет осуществляться добросовестный общественно значимый труд и они станут относиться к своей работе как к призванию. Как справедливо отметила М. В. Захарченко, понятие «духовность» характеризует мотивационную сферу людей, «отсылает к конкретному анализу структуры ценностного дискурса в обществе: анализа, в поле зрения которого должны находиться как субъекты, декларирующие те или иные ценностные перспективы, так и интеллектуальные и религиозные традиции» [5, с. 25].

Для понимания специфики личного мира и ценностей студентов педагогической образовательной организации мы обратились к трудам передовых исследователей, изучавших различные аспекты жизнедеятельности студентов (И. А. Анпилов, Н. А. Бурми-

строва, А. А. Флягин, Н. Ю. Куликова, В. А. Полякова, В. А. Таран, В. А. Щербина и др.).

Феномен формирования патриотического сознания исследовали такие ученые, как М. З. Саматеева (у студенческой молодежи) [6], Ю. Г. Хлоповских и И. А. Прокудин (у обучающихся образовательных организаций силовых ведомств) [7], С. Е. Кораблев, С. А. Сашенков, В. Е. Талынев (у курсантов МВД России) [8]. Особую актуальность представляет исследование С. И. Кудинова, С. С. Кудинова и С. С. Кудиновой [9], как наиболее отвечающее военнополитическим вызовам современности, и работа Е. М. Харитоновой и А. Р. Салчинкиной [10], характеризующаяся высоким качеством эмпирического материала.

В зарубежных изданиях работы о проблемах патриотизма опубликованы такими исследователями, как С. В. Пазухина и З. Н. Калинина [11], А. Ф. Рахимжонович и А. З. Еркиновна [12], К. Б. Мухаммадиев [13], С. Н. Аминович [14]. Связь патриотизма с духовностью и ценностными установками изучалась З. Джуманазаровой [15], Х. Худойбердыевым и У. Абдыназаровым [16].

Учителя истории, чей труд в образовательной сфере чрезвычайно важен для конструирования культурно-исторического кода российской нации, призваны хранить и оберегать систему исторической преемственности поколений. Их миссия — быть переносчиками исторической памяти от поколения к поколению, формировать исторический тип чувства патриотизма.

При всех различиях сотрудников силовых структур и студентов-историков (будущих учителей) у представителей этих социальных групп много общего. И те и другие несут тяжелое социальное бремя, борясь за мораль и нравственность нашего народа. Полиция охраняет закон и порядок в жизни молодежи, а учителя формируют взгляды молодого поколения. Обе профессии в современном обществе подвергаются остракизму маргинальными группами. Определение особенностей сформированности типов чувства патриотизма поможет выделить направления патриотической работы, которые в результате осуществления воспитательного воздействия позволят достигнуть высокого уровня сформированности чувства патриотизма [17]. Констатирующая диагностика чувства патриотизма может дать портрет индивидуальных особенностей чувства патриотизма как отдельного человека, так и профессиональной группы в целом.

На основании рассмотрения проявлений патриотических чувств по отношению к конкретным объектам нами предложена структура чувства патриотизма, которое видится состоящим из восьми типов:

1. *Государственный*. Любовь к Родине проявляется в чувствах к государству. Для людей этого типа восприятие государства (в нашем случае — Российской Федерации) синонимично с образом Родины. Они не делают глубоких различий между понятиями «государство» и «Родина». Этот тип патриотизма не всегда приемлем для людей, которые родились и выросли в других странах и имеют сильную эмоционально-психологическую, культурную или иную связь с местом рождения.

2. *Национальный*. В качестве объекта патриотических чувств выступают нация, народ, этнос. К этому понятию относятся рассматриваемые в различных классификациях русский, народный, этнический, славянский виды патриотизма.

3. *Религиозный*. К этому понятию относятся рассматриваемые в различных классификациях православный, христианский, духовный, церковный типы патриотизма.

4. *Исторический*. История как основа Отечества выступает в качестве объекта чувства патриотизма. Родина не может восприниматься без временной перспективы, и ее история здесь является патриотическим базисом.

5. *Языковой*. Язык народа выступает основой его культуры и одной из форм понимания человеком нации и Отечества. Его можно рассматривать в качестве объекта патриотических чувств.

6. *Территориальный*. Восприятие места рождения как основы патриотизма. Выбор образа родной земли как базиса патриотического чувства происходит из-за неразвитости других, имеющих более сложную структуру символов.

7. *Социокультурный*. Такой вид проявления любви к Родине, при котором ее образ отождествляется с культурными традициями народа, осуществляется культурная идентификация. Культура лежит в основе патриотических чувств, бывает духовной и материальной. Примечательно мнение С. Рыбакова: «На основе воспринятого народом идеального образа формируется содержание образования, цели и задачи воспитания, призванные сформировать: историческое мышление и этноисторическое сознание юных граждан своей страны и продолжателей культурных традиций своего народа; этнолингвистическую культуру, обеспечивающую преемственность духовно-нравственных и мировоззренческих основ бытия народа; эстетическую культуру, фиксирующую исторически выверенное мировосприятие и связанное с ним эмоциональное напряжение души народа» [18, с. 8].

8. *Семейно-бытовой*. Семья рассматривается в качестве объекта патриотических чувств, организация быта и воспитания детей выступает в качестве формы проявления патриотизма.

Основываясь на трудах И. В. Цветковой, каждый тип чувства патриотизма мы структурно разделили на восемь компонентов, которые определяют суть и содержание представленных выше типов.

1. *Ценностный*. Фундаментальные ценности отечественной и зарубежной культур, которые включают нравственную позицию гражданина, его идеалы и убеждения. Формирование этого компонента происходит путем создания условий для эмоционально-психологических переживаний обучающимися: личной принадлежности к патриотической деятельности; принятию того факта, что прошлое и настоящее нашего государства воспринимается гражданами как их собственное. Возникновение эмоций необходимо для закрепления у сотрудников полиции мотивации на патриотическое поведение и формирования у них патриотических чувств. Создание воспитательных ситуаций, позволяющих отстаивать свое мнение и выска-

зывать свои суждения, имеет большое значение в рамках этого компонента. Работа по формированию чувства патриотизма насыщена яркими примерами его проявления, отличающимися глубиной и убедительностью информационного материала, по итогам освоения которого у курсантов складываются личные мировоззренческие позиции в отношении патриотических ценностей.

2. *Поведенческий*. Этот компонент характеризуют способности к исполнению служебных обязанностей, критическому мышлению, анализу политической ситуации, взаимодействию с другими людьми и воздействию на них; умения уважать права других и пользоваться своими правами и защищать их, находить компромисс, проявлять желание участвовать в политической жизни общества, иметь независимую жизненную позицию.

3. *Эмоционально-волевой*. Он формируется у курсантов в виде способности к волевой регуляции своей деятельности и проявляется в чувственной сфере личности. Основным способ организации патриотического воспитания — это участие курсантов в различных видах патриотической деятельности. Этот компонент формируется посредством психологических механизмов в процессе получения опыта патриотического поведения. Организацию воспитания чувства патриотизма необходимо осуществлять во всех сферах жизни курсантов образовательной организации.

4. *Мотивационный*. Формируется в системе учебных занятий в ходе создания таких воспитательных ситуаций, при которых курсанты способны переживать чувства любви, гордости и сопричастности к победам Родины и при которых вырабатывается потребность человека к патриотическому поведению. Этот компонент побуждает к действию и реализуется в процессе формирования у курсантов совокупности патриотических мотивов.

5. *Регуляторный*. Определяет уровень субъективного контроля чувства патриотизма за ценностями личности. С высоким уровнем сформированности этого компонента чувство патриотизма регулирует деятельность курсанта и контролирует систему его ценностей. Отвечает за принятие патриотизма в смысловую сферу личности человека и руководство ей.

6. *Когнитивный*. Определен нами в виде системы научных знаний и основных понятий, которые раскрывают сущность чувства патриотизма. Формирование этого компонента необходимо осуществлять в процессе патриотической деятельности, которая позволяет осознать конкретные патриотические проявления личности и формировать патриотические ценности, убеждения и взгляды.

7. *Продуктивный*. Отвечает за результативность патриотической деятельности человека, ее коммуникацию во внутренней и внешней сферах.

8. *Операциональный*. Отвечает за трудности, возникающие при формировании патриотизма, и способность личности человека сопротивляться антипатриотическому воздействию, носит защитную функцию.

Оценка сформированности чувства патриотизма. Испытуемые распределены в группы нами таким образом, чтобы выявить наиболее значимые особенности

мировоззрения выбранных нами категорий граждан. Для этого обследованы 25 студентов факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета и 35 курсантов Краснодарского университета МВД России первого года обучения. В целях достижения сходства выборок возраст испытуемых составил 21–24 года (студенты — истории очной формы обучения; мужчины (35%) и женщины (65%)) и 20–23 года (курсанты очной формы обучения; мужчины (55%) и женщины (45%)).

Курсанты и студенты-историки обучаются в различных педагогических условиях. Одни проживают в помещениях казарменного типа, их жизнедеятельность жестко регламентирована режимом образовательной организации. Другие расселены в общежитии или на съемных квартирах, их жизнь не ограничена суровой дисциплиной и строгим распорядком дня на занятиях и в повседневной деятельности. Взаимоотношения курсантов, обучающихся в системе МВД России, характеризуются взаимопомощью и взаимовыручкой, специфическим корпоративным духом, ориентированностью на общественно значимые цели. Респонденты-полицейские соблюдают требования к внешнему виду, ежедневные служебные ритуалы, специфические формы профессионального этикета и профессиональную дисциплину. К студентам, выбравшим для себя путь гражданской карьеры, нет таких требований. Обеим профессиональным группам присущ высокий уровень мотивированности на занятие выбранной ими деятельности. В обеих группах респонденты были и мужского, и женского пола примерно в равном количестве в процентном соотношении (среди курсантов женщин меньше, среди студентов больше).

Преподавательский состав обеих образовательных организаций обладает для респондентов значительным профессионально-личным авторитетом. Как полицейские, так и будущие учителя для широких слоев российского общества являются весьма специфическими профессиональными группами, поскольку их работа находится всегда на виду у широких масс населения. Для определения специфики сформированности чувства патриотизма в двух диагностических группах нами проведен констатирующий замер путем арифметической суммы результатов. Анализ сырых данных осуществлялся как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. В таблице 1 представлены сравнительные результаты диагностики испытуемых.

Средний групповой уровень диагностических групп незначительно различается. Однако показатели разных типов чувства патриотизма имеют значимые отличия. Ценности своей религии создают в мировоззрении молодых людей картину мира, элементы которой функционируют в русле традиционализма. К сожалению, в обеих диагностических группах чувство патриотизма религиозного типа развито на среднем уровне. Личный выбор отдельного человека влияет на коллективный уровень сформированности чувства патриотизма, поэтому особенно важным является формирование высокого уровня чувства патриотизма у формальных и неформальных

лидеров, так как они определяют общественное мнение в коллективе и различных курсантских микрогруппах.

Таблица 1. Сравнительные результаты диагностики уровня сформированности чувства патриотизма у студентов-историков и курсантов-полицейских, %
(Table 1. Comparative results of diagnostics of the level of formed feeling of patriotism in history students and police cadets, %)

Тип чувства патриотизма	Общий уровень чувства патриотизма в группах	
	Студенты-историки	Курсанты-полицейские
Государственный	55,8	66,2
Исторический	65,3	51,6
Национальный	62,5	59,8
Религиозный	49,3	52,1
Семейно-бытовой	67,7	66,4
Социокультурный	60,2	53,6
Территориальный	48,4	50,6
Языковой	46,1	48,3
Средний групповой уровень	56,9	56,0

Так, приоритет для юношей и девушек имеют семейные ценности, которые зиждутся на православной русской вере. Показатели семейно-бытового типа у студентов и курсантов выше среднего, соответственно 67,7 и 66,4%, что обуславливается частыми случаями браков среди респондентов и подавляющим нахождением их в состоянии «личных отношений» с противоположным полом. Смысл деторождения видится в строительстве крепких семей. Курсантами-традиционалистами этот смысл понимается больше в самореализации. Государство, по мнению студентов, служит во благо граждан, выступая гарантом их социальной безопасности.

Мнения о территориальном патриотизме у данных групп студентов также различны. Отношение к казачеству и региональному патриотизму в большинстве своем положительное и терпимое, однако часть респондентов полагает, что следует стремиться к ослаблению территориальной самостоятельности, и скептически относится к возрождению исторических традиций.

С точки зрения курсантов-полицейских, люди должны обеспечивать существование государства как идеального социально-политического конструкта. Единое мнение в обеих группах существует в отношении отечественной истории. Однако студенты-историки являются более осведомленными об особенностях исторического развития нашего государства. Основные исторические события воспринимаются идентично, при этом студенты отводят особую роль истории в патриотическом воспитании граждан. Этот взгляд на роль и место истории также наличествует у сотрудников полиции, но у них это менее выражено.

Примечательно отношение диагностических групп к национальному вопросу. Процентные показатели национального типа выше среднего — 62,5 и 59,8%. Среди студентов отмечено наличие двух полярных мнений, названных нами православным патриотизмом и либеральным патриоскептицизмом. Первая группа считает, что образование должно быть религиозно ориентированным, основываться на традиционных духовно-нравственных

ценностях, активно участвовать в поддержке этнического самоопределения граждан, формировать верность государству. Представители этой группы превалируют над второй, описанной ниже. Вторая группа основывает свои взгляды на мультикультуралистском мировоззрении и либеральных ценностях, полагая, что не нужно навязывать какое-либо мнение гражданам, а целесообразно предоставить максимальную свободу в отношении любых взглядов и мнений и следует положительно относиться к межнациональным бракам.

Опрошенные курсанты отметили, что их участие в учебных занятиях, планируемых в целях развития духовно-нравственных ценностей и исторического типа чувства патриотизма, и во внеучебных мероприятиях позволило усвоить знания об обычаях и традициях, благотворно повлияло на способность понимать значимость родной земли в истории нашего Отечества. В процессе преподавания истории Отечества закладывается тот информационный и вместе с тем эмоционально-образный фундамент, на котором формируется историческая память молодых граждан России. И от того, насколько прочным, адекватным историческим событиям, явлениям и процессам окажется этот фундамент, в решающей степени зависят становление гражданской позиции молодежи, развитие патриотического чувства.

Схожие показатели выявлены в обеих диагностических группах в отношении к социокультурному типу чувства патриотизма. Студенты-историки отчетливо понимали отличие подлинно аутентичной культуры от псевдотрадиционной «культурной клюквы». Студенты лучше представляли себе пути сохранения этнокультурного своеобразия граждан России. Особое место ими отдавалось роли истории в развитии подлинного суверенитета и возрождении российской духовности. Курсанты-полицейские также отмечали важность традиций и обычаев, указывали, что благодаря им становится возможным эффективное выполнение служебных обязанностей и преодоление личных и профессиональных проблем. В целом обе диагностические группы продемонстрировали допустимые показатели в рамках существующей патриотической нормы в отношении социокультурного типа чувства патриотизма, которая конкретизируется в утверждении, что необходимо признавать важность культурных особенностей граждан, и недопустимо мнение, что какие-либо культурные особенности различных наций или регионов не вправе существовать или свободно развиваться.

Для студентов, поступивших из различных регионов, нехарактерно восприятие региона проживания в качестве патриотического ориентира. Более низкие результаты в целом диагностированы в отношении регионального типа чувства патриотизма. Путем использования дополнительных методов исследования патриотизма нами выделены две группы студентов: студенты-казаки и потомки казаков и студенты-политерриториалы. Первая группа состояла из коренных кубанцев, происходящих и поступивших из станиц, она характеризовалась ярко выраженным региональным патриотизмом. Вторая

группа не имела территориального самоопределения, и ей свойственна такая мировоззренческая особенность, как региональная индифферентность. Респонденты происходили из семей военнослужащих, иммигрантов и лиц, многократно переезжавших из региона в регион.

Показатели государственного типа: 55,8 и 66,2%. Более низкий уровень сформированности государственного типа чувства патриотизма наличествует у студентов потому, что им реже приходится сталкиваться с символикой государства, участвовать в официальных государственных мероприятиях и т. д., они не интегрированы в активную патриотическую деятельность, так как имеют возможность использовать время, зарезервированное для патриотических мероприятий, в личных целях. Схожие уровни сформированности чувства патриотизма диагностированы по территориальному, языковому и национальному типам чувства патриотизма.

К сожалению, многие молодые люди в обеих группах считали, что традиционализм не связан с языком и патриотизм — это не любовь к родному языку. Вместе с тем большая часть опрошенных отметила необходимость ограничить языковую интервенцию путем законодательных мер.

Сформированность компонентного состава чувства патриотизма. У студентов-историков самые высокие показатели были получены по когнитивному компоненту чувства патриотизма и историческому типу патриотизма в исследуемых группах (табл. 2).

Таблица 2. Результаты диагностики сформированности компонентного состава чувства патриотизма с помощью метода опроса, %

(Table 2. Comparative results of diagnostics of the formed components of the feeling of patriotism via questioning, %)

Компонент чувства патриотизма	Динамика сформированности чувства патриотизма	
	Курсанты	Студенты
Когнитивный	75,3	68,1
Регуляторный	63,1	66,2
Ценностный	72,1	70,7
Продуктивный	66,8	69,5
Эмоционально-волевой	73,4	71,6
Поведенческий	59,7	60,9
Мотивационный	68,3	65,1
Операционный	58,7	56,4
Общий групповой уровень	67,2	66,1

Результаты диагностики свидетельствуют о подтверждении ожидания, что профессионально значимый тип чувства патриотизма (у историков — исторический, у полицейских — государственный) у учащейся молодежи будет более выраженным, чем остальные. Компонентный состав такой корреляции не выявил. В обеих диагностических группах были важными когнитивный, ценностный и эмоционально-волевой компоненты чувства патриотизма. Менее развитыми являются операционный и поведенческий компоненты. Причинами такого распределения данных нами видится слабая включенность испытуемых в патриотическую деятельность и неумение оперировать патриотическими понятиями по причине недостаточного привлечения к участию в мероприятиях патриотической направленности на начальном этапе обучения.

Таким образом, результаты проведенного экспериментального исследования подтверждают выдвинутую нами гипотезу о том, что доминирующим типом патриотизма в группах будет являться характерный для специальности профессионально ориентированный тип чувства патриотизма.

У курсантов силовых структур определена взаимосвязь патриотизма и ценностно-смысловой сферы личности, проявляющаяся в нацеленности ценностей личности курсантов на государственно ориентированные смыслы. Рассмотренные нами ответы курсантов-полицейских на вопросы авторского опросника показывают, что защитники внутренней безопасности государства при несении служения обществу осознают причастность к делу обеспечения могущества Родины и в подавляющем большинстве обладают необходимым набором ценностей, с помощью которых формируется патриотическое мировоззрение. При этом нами разделяется следующее мнение И. И. Бурлаковой: «Необходимо отказаться от потребительского отношения к профессиональной подготовке педагогов, как к коммерческой услуге, и восстановить культурно-исторический подход к педагогическому образованию как основному и особому социальному институту передачи, преумножения и распространения национальных ценностей в процессе воспитания, обучения и развития подрастающего поколения» [19, с. 234].

Как для студентов, так и для курсантов религия обладает примерно равной ценностью, и те и другие не имеют глубоких знаний об основах своей веры. На формирование государственного типа чувства патриотизма у студентов педагогического университета влияют сведения о том, что государство обеспечивает устойчивое развитие образовательной системы, заботится об учителях, декларирует верность традиционным ценностям, видит в детях свое будущее. Студенты характеризуются более низким уровнем сформированности государственного типа чувства патриотизма, но более высоким уровнем сформированности исторического типа чувства патриотизма. И. Н. Новоставский указывает, что «организация и проведение межфакультетских культурно-массовых мероприятий, участниками которых являются студенты курируемых групп, способствует воспитанию гражданственности студенческой молодежи, развивает интерес к истории России, формирует чувство гордости и патриотизма» [20, с. 166].

Курсанты-полицейские, изучающие дисциплины, связанные с обеспечением информационной безопасности нашего общества, и занимающиеся защитой его от распространения экстремистской идеологии, уже с первых лет обучения получают «прививку» от информационно-психологического воздействия противников нашего государства. На кафедрах социально-гуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права курсанты осваивают дисциплины, на которых формируется правильное отношение к таким понятиям, как историческая память, цивилизационная миссия нации, религиозно-культурное самоопределение

и др. Нами разделяется следующее мнение, высказанное Г. Н. Крайновым: «Любовь к своей Родине, своему народу, его культуре, обычаям и традициям базируется на верном, правдивом и объективном представлении их истории. Уже на первых занятиях надо постараться заложить интерес студентов к истории не просто как к науке и учебной дисциплине, а как к всепроникающему и окружающему началу, которое вокруг нас. Показать, что история — рядом и вокруг нас, в домах, в которых мы живем, названиях улиц, площадей, городов, в предметах быта, в людях, в опыте и уроках прошлого для настоящего и будущего» [21, с. 177].

Курсанты учатся распознавать информационные удары средств массовой информации недружественных стран и их пособников внутри нашей страны по пользователям российских социальных сетей и применять средства и методы противодействия антипатриотизму и экстремизму. Надежность и практичность образовательных программ, высокая компетентность и профессионализм профессорско-преподавательского состава образовательных организаций, обучающих сотрудников полиции, позволяют готовить таких специалистов, которые в состоянии обеспечить внутреннюю безопасность нашего государства и не дать оппозиции «раскачать лодку» и привести к ослаблению действующей власти в России. Очень важную мысль в связи с этим высказал С. Ю. Ключников: «Специальные уроки патриотизма уступают по своей убедительности тем урокам, где эта тема вплетена в ткань изложения и в процесс обучения. Воспитание этого чувства должно быть растворено в качественном преподавании других предметов — истории, русского языка, литературы, граждановедения, краеведения, философии» [22, с. 118].

Выводы

1. Успешному психолого-педагогическому процессу формирования чувства патриотизма способствует целенаправленное распространение в подразделении патриотической символики: эмблем с цветами современного российского флага и исторических флагов России, размещение изображений и предметов, стимулирующих изучение курсантами исторических фактов и вызывающих желание узнать о национально-культурных особенностях своего народа.

2. Важное значение имеет понимание места веры в жизни граждан в современном периоде истории нашего Отечества. Например, приверженность в исследуемых группах любого русского по национальности человека традиционному православию не просто социокультурное явление, а важнейший политический маркер. Это сближающий фактор для обеих изученных нами диагностических групп.

3. Антропологическим идеалом как для сотрудников полиции, так и для студентов гражданского учебного заведения будет являться личность, обладающая развитыми духовно-нравственными ценностями, чувством патриотизма, твердо сформированными этнорелигиозными убеждениями.

Область применения и перспективы. Видится необходимость увеличения выборки исследования, что позволит выделить в среде респондентов различные микрогруппы, влияющие на общественное мнение учебного коллектива, и оценить их роль в формировании патриотических взглядов и ценностных установок воспитуемых. Целесообразно также провести углубленную математическую обработку данных, их кластерный анализ. Требуется сопоставление результатов диагностики с данными дополнительных методик.

Список источников / References

1. Стрелецкий Я. И. Философия: методология и методика формирования патриотизма в военном вузе // Научные чтения имени профессора Н. Е. Жуковского : мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 19–20 декабря 2018 года. Краснодар, 2019. С. 23–29.
2. Попова Е. Н. К вопросу об оценке качества системы патриотического воспитания подростков в общеобразовательной школе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. Т. 16, № 4. С. 113–120.
3. Байбородова Л. В., Харисова И. Г., Белкина В. В. Концептуальные основы патриотического воспитания будущих педагогов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 8–14.
4. Мальтекбасов М. Ж., Утегенов Е. К., Прокофьева М. А., Куракбаева А. Ж. Критерии сформированности патриотизма у будущих защитников Отечества // Проблемы и перспективы развития образования : II междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). Пермь, 2012. С. 28–31.
5. Захарченко М. В. Понятие духовности в историко-философском и религиозном контексте // Православная культура и практика воспитания личности: традиции и современный опыт : науч.-практ. конф., Куремяз, Эстония, 11–12 декабря 2016 г. Куремяз, 2016. С. 23–34.
6. Саматеева М. З. Формирование патриотического сознания студенческой молодежи на основе понимания сущности патриотизма // Научный альманах. 2024. № 1-1(111). С. 96–99.
7. Хлоповских Ю. Г., Прокудин И. А. К вопросу о патриотическом воспитании обучающихся образовательных организаций силовых ведомств // Сибирский пожарно-спасательный вестник. 2022. № 4(27). С. 107–115.
8. Кораблев С. Е., Сашенков С. А., Талынев В. Е. Сущностная специфика патриотизма у курсантов МВД России // Право и образование. 2019. № 9. С. 121–130.
9. Кудинов С. И., Кудинов С. С., Кудинова С. С. Особенности проявления патриотичности у студентов с разным отношением к специальной военной операции // Психолог. 2023. № 2. С. 1–13.

10. Харитонов Е. М., Салчинкина А. Р. Патриотизм и молодежь: опыт эмпирического исследования // *Colloquium-Journal*. 2019. № 14-4(38). С. 102–103.
11. Pazukhina S. V., Kalinina Z. N. Studying the relations of russian students to the problems of patriotism. *Modern European Researches*. 2019. No. 1. Pp. 86–91.
12. Rakhimjonovich A. F., Erkinovna A. Z. The sense of patriotism as an important factor in the formation of national unity. *Journal of Critical Reviews*. 2020. Vol. 7, No. 5. Pp. 993–996.
13. Muhammadiyev K. B. Patriotic Education of Students through Physical Education and Sports. *European Multidisciplinary Journal of Modern Science*. 2024. Vol. 26, No. 1. Pp. 47–50.
14. Aminovich S. H. Education of students in military patriotism. *Academicia: An International Multidisciplinary Research Journal*. 2022. Vol. 12, No. 5. Pp. 62–65.
15. Djumanazarova Z. Spirituality in the formation of patriotism in youth. *Academicia: An International Multidisciplinary Research Journal*. 2022. Vol. 12, No. 4. Pp. 579–584.
16. Khudoyberdiyev Kh., Abdinazarov U. Patriotism is a vital issue. *Actual Science*. 2019. No. 3(20). Pp. 127–129.
17. Парфилова Г. Г., Тухфатуллова М. С. Исследование уровня сформированности патриотизма у младших школьников, оказавшихся в трудной жизненной ситуации // Актуальные проблемы педагогики и психологии : сб. науч. тр. преподавателей, молодых ученых и студентов, посвященный 210-летию Казанского университета. Казань, 2015. С. 54–57.
18. Рыбаков С. Проблема формирования этноисторического сознания в исторической традиции России (по трудам святителя Феофана) // Феофановские чтения : сб. науч. тр. Вып. X : в 2 т. Рязань, 2017. Т. 1. С. 79–92.
19. Бурлакова И. И. Высшее педагогическое образование в России: от истории к современности // Воспитание как основополагающий элемент образовательного процесса в вузах : науч.-практ. конф. Воронеж, 2022. С. 233–241.
20. Новоставский И. Н. Преподавание истории в вузе как форма патриотического воспитания студенческой молодежи // Современные научные исследования: теория и практика : науч.-практ. конф., София, Болгария, 21 октября 2017 г. / под общ. ред. А. И. Вострецова. София, 2017. С. 163–166.
21. Крайнов Г. Н. Патриотическое воспитание студентов на занятиях по истории // Патриотическое воспитание в системе высшего образования : мат-лы II всерос. конф. с междунар. участием, посвященной 77-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве под Москвой, Москва, 06–07 декабря 2018 г. М., 2018. С. 171–178.
22. Ключников С. Меч русской победы // Наш современник. 2016. № 6.

Поступила 24.11.2023; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Теория и методика спорта, профессиональной физической подготовки и оздоровительной физической культуры

**Theory and methods of sports, professional physical training
and health improving physical culture**

Научно-практическая статья

УДК 796.799 © Бабушкин Г. Д., Бобровский В. А., Бобровский А. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-345-350

5.8.5. Теория и методика спорта

Исследование качества соревновательности у спортсменов различной квалификации и видов спорта

Геннадий Дмитриевич Бабушкин, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта¹; gena41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

Владислав Александрович Бобровский, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта²; bobrovskiy.av@mail.ru

Андрей Владиславович Бобровский, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки³; bobrovsky.vlad52@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

¹ Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, 644009, Омск, ул. Масленникова, 144, Россия

² Омский государственный технический университет, 644015, Омск, пр-кт Мира, 20, Россия

³ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Сущность проблемы состоит в том, что качество соревновательности, включающее мотивацию достижения успеха, эмоции борьбы, мышление, волевые качества, интеллект, обуславливает реализацию подготовленности спортсмена и достижение планируемых результатов. Цель — выявить уровень сформированности и особенности качества соревновательности у спортсменов различной квалификации и видов спорта. **Материалы и методы.** Методологическую основу исследования составили теория и методика спорта, концепции соревновательной деятельности и психологического обеспечения подготовки спортсменов к соревнованиям. Приняли участие 185 спортсменов в возрасте 15–25 лет — учащиеся спортивных школ Омска; студенты — спортсмены вузов, разделенные на две группы: первая группа — имеющие 3-й, 2-й, 1-й спортивные разряды (145 чел.); вторая группа — кандидаты в мастера спорта, мастера спорта (40 чел.). Для определения взаимосвязи структурных компонентов соревновательности вычислялся коэффициент ассоциации Юла. Для определения различий в сформированности соревновательности спортсменов высокой и низкой спортивной квалификации вычислялся t-коэффициент Стьюдента. **Результаты и обсуждение.** Недостаточно сформированный уровень соревновательности сдерживает рост спортивного мастерства спортсмена. Формирование качества соревновательности связано с накопленным опытом, количеством фактов участия в соревнованиях и спортивными достижениями. **Выводы.** Повышение уровня сформированности качества соревновательности у спортсменов и поддержание его на оптимальном уровне состояния готовности и его сохранение позволят наиболее эффективно реализовать подготовленность в соревновательной деятельности.

Ключевые слова: соревновательность, спортсмены, виды спорта, спортивная квалификация, соревновательная деятельность, мотивация, эмоции, интеллект, воля, мышление

Для цитирования: Бабушкин Г. Д., Бобровский В. А., Бобровский А. В. Исследование качества соревновательности у спортсменов различной квалификации и видов спорта // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. № 3(102). С. 345–350. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-345-350>

Scientific and Practical Article

UDC 796.799 © Babushkin G. D., Bobrovsky V. A., Bobrovsky A. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-345-350

5.8.5. Theory and Methods of Sports

The Study of the Quality of Competitiveness in Athletes of Different Qualifications and Types of Sports

Gennady D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor at the chair of Theory and Methods of Physical Culture and Sports¹; gena41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

Vladislav A. Bobrovsky, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Physical Education and Sports²; bobrovskiy.av@mail.ru

Andrey V. Bobrovsky, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of Physical Training³; bobrovsky.vlad52@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

¹ the Siberian State University of Physical Culture and Sports, 144, Maslennikov st., Omsk, 644009, Russia

² Omsk State Technical University, 20, Mira pr., Omsk, 644015, Russia

³ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The essence of the problem is that the quality of competitiveness, including motivation to achieve success, emotions of struggle, thinking, volitional qualities, intelligence, together determine the implementation of the athlete's preparation and achievement of the planned results. The purpose is to identify the level of formation and features of competitive quality in athletes of different qualifications and sports. **Materials and Methods.** The methodological basis of the study consists of: theory and methodology of sport, concept of competitive activity and psychological support of training athletes for competitions. 185 athletes aged 15–25 — students of sports schools of Omsk; (athlete students of universities), divided into two groups: group 1 — 3rd, 2nd, 1st rank (145 people); group 2 involved Candidates for Master of Sports and Masters of Sports (40 people) — participated in the study. To establish the relationship of the structural components of competitiveness, Yule association coefficient was calculated. To determine the differences in the formation of competitiveness of athletes with high and low sports qualification, the t-Student coefficient was computed. **Results and Discussion.** It was found out that insufficient level of competitiveness restrains the growth of sports skill of the athlete. The formation of competitive quality is related to certain experience, number of competitions and sports achievements. **Conclusions.** Increasing the level of formation of competitive quality in athletes and maintaining it at an optimal level of readiness and its maintenance will make it possible to most effectively implement preparation for competitive activities.

Keywords: competitiveness, athletes, types of sports, sports qualification, competitive activities, motivation, emotions, intelligence, volition, thinking

Citation: Babushkin G. D., Bobrovsky V. A., Bobrovsky A. V. The Study of the Quality of Competitiveness in Athletes of Different Qualifications and Types of Sports. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 345–350 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-345-350>

Основные положения

1. Соревновательность в спорте — многокомпонентное личностное качество, в значительной степени определяющее победу на соревнованиях, включающее мотивацию, эмоции, интеллект, волю, мышление. Тот или иной компонент вносит определенный вклад в проявление соревновательности на соревнованиях.

2. Соревновательность представляет собой идеальную сущность спортивной деятельности, основу которой составляет бескорыстное, чисто соревновательное начало, способствующее развитию спортсмена и человека. Соревновательность определяет стремление к успеху и выступает как вариант мирной борьбы за преимущество в каком-либо виде спортивной деятельности, не предполагая агрессии, нечестной борьбы за достижение победы над соперниками.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы.

Актуальность настоящего исследования заключается в высокой значимости качества соревновательности спортсмена в соревновательной деятельности и необходимости ее обновления при подготовке к соревнованию, старту. Важность проблемы заключается во влиянии соревновательности на создание состояния психической готовности спортсмена, поведение и результаты соревновательной деятельности. Сущность проблемы состоит во взаимосвязи соревновательности спортсмена и реализации подготовленности в соревновательной деятельности. **Гипотеза исследования:** предполагается, что качество соревновательности формируется в процессе выступления спортсменов на соревнованиях, его характеристика зависит от специфики вида спорта.

Цель — определить сформированность качества соревновательности и ее особенности у спортсменов различной квалификации и видов спорта.

Задачи исследования: 1) выявить уровень сформированности соревновательности у спортсменов различной квалификации и видов спорта; 2) определить взаимосвязь составных компонентов соревновательности у спортсменов различной квалификации.

Степень разработанности проблемы. Самой главной, специфической чертой спортивной деятельности является ее соревновательный характер, соревновательность. Без соревновательной борьбы спорт немыслим, не существует. Спорт можно трактовать как собственно соревновательную деятельность, специфической формой которой служит система состязаний как специальная сфера выявления и унифицированного сравнения человеческих возможностей [1].

Соревновательность — это соперничество, которое можно рассматривать и как противостояние, и как преодоление, и даже как своего рода сотрудничество с противостоящей стороной. Именно соревновательный характер спортивной борьбы позволяет достичь максимальных спортивных результатов на пределе возможностей человека.

Результаты выступления спортсменов на соревнованиях во многом обусловлены рядом личностных качеств, одним из которых, по нашему мнению, является комплексное личностное качество — соревновательность спортсмена. Анализ специальной литературы показал отсутствие научных разработок исследования качества соревновательности у спортсменов и методик ее развития.

Соревновательность проявляется в достижении победы в процессе соревновательной борьбы. В разных видах спорта она имеет свои особенности и проявляется в преодолении трудностей в борьбе для достижения победы [2].

Проявление качества соревновательности связано с преодолением трудностей различного характера [3], психической нагрузки [4] и психического стресса [5], что можно определить, наблюдая за поведением спортсмена в различных соревновательных ситуациях.

Отмечая значимость соревновательной деятельности в системе подготовки спортсменов, В. Д. Фискалов, В. П. Черкашин [6] указывают, что на начальных этапах занятий спортом система соревнований является фактором, способствующим повышению эмоциональности занятий, мотивации юных спортсменов, развитию стремления к соревновательной борьбе (соревновательности). Соревновательность как качество характеризует спортсмена как бойца за каждое очко, попытку в стремлении к победе.

Содержание соревновательности проявляется в принципе соревновательности, который определяет следующие особенности спортивной деятельности:

а) стремление максимально совершенствоваться в избранном виде спорта для достижения наивысших результатов; это совершенствование касается как физической, технической и тактической подготовленности, так и развития моральных и волевых качеств;

б) большие физические и психические нагрузки во время систематической подготовки к соревнованиям и на самих соревнованиях;

в) большую силу, глубину и динамичность эмоциональных переживаний, связанных со спортивной деятельностью, которые захватывают спортсмена и оказывают огромное влияние на его деятельность; спортивной деятельности присущ быстрый переход от одних переживаний к другим, иногда противоположным по характеру;

г) возникновение нравственных чувств, связанных с четким осознанием общественного значения результатов своей спортивной деятельности (ответственность за честь коллектива, города или страны, чувство гордости и т. п.) [7].

Синонимом соревновательности считается состязательность, которую рассматривают и в виде некоего психологического состояния, например, мотива деятельности [8]. Мотив деятельности как предмет, побуждающий к ней и определяющий выбор ее направленности, включает в себя три функциональных элемента: 1) достижение инвариантной цели; 2) самоутверждение; 3) состязательность. Если спортсмен стремится к наивысшим спортивным достижениям, то делает он это, чтобы установить рекорд (1-й элемент), реализовать в полной мере свои способности (2-й элемент), опередить других (3-й элемент) [8]. В мотиве деятельности людей могут быть представлены и не все его элементы, и их роль в мотивации может оказаться различной. Лучший вариант: все они присутствуют и дополняют друг друга. Возможен и такой вариант, когда содержание мотива сводится целиком к состязательному элементу. В этом случае человек совершает какие-то действия исключительно ради того, чтобы опередить других, не отстать от других и т. п., хотя предмет состязатель-

ного отношения сам по себе для него совершенно безразличен [9].

Возникают вопросы, связанные с содержанием понятия «соревновательность», обоснованием структурно-динамических компонентов феномена «соревновательность» в спорте в некоторых сферах личности, определением качественных и количественных характеристик соревновательности у спортсменов различной квалификации и видов спорта.

Материалы и методы

Исследование базировалось на положениях теории и методики спорта и спортивной психологии, концепциях психологической подготовки спортсменов, системно-структурного анализа. В тестировании качества соревновательности приняли участие 185 спортсменов в возрасте 15–25 лет — учащиеся спортивных школ Омска; студенты — спортсмены вузов, разделенные на две группы: первая группа — имеющие 3-й, 2-й, 1-й спортивные разряды (145 чел.); вторая группа — кандидаты в мастера спорта (далее — КМС), мастера спорта (далее — МС) (40 чел.). Для определения взаимосвязи структурных компонентов соревновательности вычислялся коэффициент ассоциации Юла. Для определения различий в сформированности соревновательности спортсменов высокой и низкой спортивной квалификации вычислялся t -коэффициент Стьюдента.

Результаты и обсуждение

В русле данного исследования решались две задачи: выявление степени выраженности качества соревновательности у спортсменов различной квалификации и видов спорта и его структурно-динамических компонентов в спортивной деятельности и их взаимосвязи. Для достижения этой цели авторами был проведен опрос, в котором приняли участие 185 спортсменов различной квалификации и видов спорта.

Структурно-функциональная модель соревновательности. Ранее нами были обоснованы структура качества соревновательности, ее особенности и факторы, от которых она зависит [2; 10].

В структуре качества соревновательности существенное место занимает воля спортсмена (рис.).

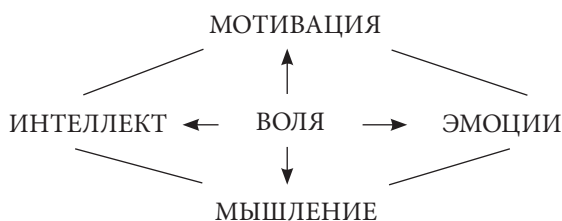

Рис. Структурно-функциональная модель качества соревновательности в спорте

Fig. Structural functional model of competitive quality in sports

Российский психолог Е. П. Ильин понимает волю как самоуправление своим поведением с помощью сознания, которое предполагает самостоятельность человека не только в принятии решений, но и в инициации действий, их осуществлении и контроле [11, с. 59]. Произвольное самоуправление является интегральным пси-

хофизиологическим процессом, поскольку оно включает в себя, помимо волевого усилия, ряд других психологических феноменов (мотивы, интеллектуальную активность, нравственную сферу личности) [11, с. 63].

Основные функции воли: 1) иницирующая — состоит в побуждении (инициации) того или иного действия, поведения, деятельности; 2) стабилизирующая — состоит в поддержании активности на должном уровне при возникновении внутренних и внешних помех. Важнейшей особенностью волевого действия, направленного на преодоление препятствий, является осознание значения поставленной цели, за которую надо бороться, осознание необходимости достичь ее (мышление). Целенаправленность волевого действия определяется соответствующими мотивами, которые должны быть удержаны на протяжении всего волевого действия (мотивация).

Воля проявляется при выборе цели, принятии решения, при осуществлении действия, при преодолении препятствий. В свою очередь, преодоление препятствий требует волевого усилия. Волевое усилие — это особое состояние нервно-психического напряжения, мобилизующего физические, интеллектуальные и моральные силы человека и создающего дополнительные мотивы к действию по достижению цели (интеллект). Выполнение волевых действий связано со второй сигнальной системой, которая осуществляет сознательную регуляцию человеческого поведения. Она активизирует моторную часть поведения человека и является пусковым сигналом для мышления, воображения, памяти, регулирует внимание, вызывает чувства и таким образом влияет на формирование мотивов волевых действий, т. е. причин, которые побуждают человека действовать.

Механизм восполнения дефицита побуждения спортсмена в решающие моменты соревновательной борьбы состоит в усилении слабой, но социально более значимой мотивации посредством оценки событий и действий, а также представлений о том, какую выгоду может принести достигнутая цель. Усиление побуждения связано с эмоциональной переоценкой ценности на основе действия когнитивных механизмов. С когнитивными механизмами связана опосредованность поведения внутренним интеллектуальным планом, который выполняет функцию сознательной регуляции поведения. Усиление мотивационных тенденций происходит за счет мысленного построения будущей ситуации (мышление). Предвидение положительных или отрицательных последствий деятельности вызывает эмоции, связанные с достижением сознательно поставленной цели.

Таким образом, соревновательность как сложное профессионально значимое для соревновательной деятельности качество спортсмена включает: *мотивацию достижения успеха*, обеспечивающую актуализацию физических и психических сил в борьбе за победу; *мышление*, охватывающее позитивное содержание мыслительной деятельности спортсмена перед соревнованием и в процессе его [12]; *эмоции соревновательной борьбы* (азарт,

воодушевление, способности к саморегуляции) [13]; *интеллект*, направленный на поиск адекватных соревновательной деятельности способов достижения победы [14]; *волю, проявление волевых качеств* (уверенности, настойчивости, решительности, самообладания) в ответственные моменты соревновательной деятельности [12]. Тот или иной компонент соревновательности представляет конкретную психологическую сферу личности: мотивационно-потребностную, эмоциональную, интеллектуальную, мыслительную, волевою. Проявление качества соревновательности связано с преодолением спортсменом психической нагрузки, в котором задействованы личностные механизмы саморегуляции психической нагрузки в спортивной деятельности [4]. Каждый из них вносит свою долю при проявлении соревновательности и в успешное выступление спортсмена на соревнованиях. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами тестирования спортсменов различной квалификации и видов спорта на предмет соревновательности.

Сформированность качества соревновательности у спортсменов различной квалификации. В настоящем исследовании с помощью теста выявлялись общий уровень сформированности соревновательности у спортсменов и каждого структурного компонента: мотивации, мышления, воли, эмоции, интеллекта [2]. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Оценка сформированности компонентов соревновательности, баллы ($x \pm \sigma$)
(Table 1. Assessment of the formation of components of competitiveness, points ($x \pm \sigma$))

Компоненты соревновательности	Квалификация спортсменов		p
	Группа 1 (3-й, 2-й, 1-й разряды), n=145	Группа 2, (КМС, МС), n=40	
Мотивация достижения успеха	12,4 $\pm$ 1,2	16,5 $\pm$ 1,5	<0,01
Эмоции соревновательной борьбы	13,0 $\pm$ 1,5	15,5 $\pm$ 1,3	<0,01
Мышление (направленность мыслительной деятельности)	12,5 $\pm$ 1,3	15,2 $\pm$ 1,1	<0,01
Воля в преодолении трудностей в соревновании	12,3 $\pm$ 1,3	15,3 $\pm$ 1,3	<0,01
Интеллектуальная деятельность при решении задач	12,6 $\pm$ 1,6	15,5 $\pm$ 1,2	<0,01
Итого	62,8 $\pm$ 6,7	78,0 $\pm$ 9,3	<0,01

Анализ результатов тестирования спортсменов 1-й группы (3-й, 2-й, 1-й разряды) выявил средний уровень сформированности качества соревновательности (62,8 балла из 90 возможных). Отметим, что высокого уровня достигают единичные спортсмены. В группе спортсменов 2-й группы (КМС и МС) у большинства из них установлен высокий уровень сформированности соревновательности (78 баллов из 90 возможных). Из составных компонентов наиболее высокие показатели диагностированы в мотивации достижения успеха.

Результаты тестирования спортсменов различных видов спорта представлены в таблице 2. Наиболее высо-

кие показатели соревновательности присущи спортивным единоборствам, характеризующимся постоянным проявлением борьбы и стремления к победе, о чем свидетельствует высокий уровень мотивации достижения успеха по сравнению с представителями других видов спорта (17,0 балла) и воли в преодолении трудностей (17,1 балла).

Таблица 2. Сформированность структурных компонентов соревновательности в различных видах спорта, баллы ($x \pm \sigma$)
(Table 2. Formation of structural components of competitiveness in different sports, scores ($x \pm \sigma$))

Компоненты соревновательности	Циклические, n=50	Игровые, n=56	Единоборство, n=54	Ациклические, n=25
Мотивация достижения успеха	14,8 $\pm$ 1,3	14,2 $\pm$ 1,7	17,0 $\pm$ 1,3	15,5 $\pm$ 1,2
Эмоции соревновательной борьбы	14,6 $\pm$ 1,6	13,5 $\pm$ 1,0	15,2 $\pm$ 1,2	14,5 $\pm$ 1,5
Мышление (направленность мыслительной деятельности)	13,3 $\pm$ 1,2	14,7 $\pm$ 1,6	16,0 $\pm$ 1,5	13,1 $\pm$ 1,1
Воля в преодолении трудностей в соревновании	14,7 $\pm$ 1,3	13,0 $\pm$ 1,4	17,1 $\pm$ 1,8	15,4 $\pm$ 1,5
Интеллектуальная деятельность в решении задач	14,4 $\pm$ 1,2	14,5 $\pm$ 1,3	15,2 $\pm$ 1,5	13,2 $\pm$ 1,4
Среднее значение	71,8 $\pm$ 8,2	69,0 $\pm$ 7,1	80,5 $\pm$ 8,9	71,7 $\pm$ 8,3

У представителей других видов спорта выявлен средний уровень соревновательности как суммарного показателя, так и составных компонентов соревновательности (табл. 2). Это можно объяснить преобладанием спортсменов низкой квалификации в группах.

Мы полагаем, что сила взаимосвязи структурных компонентов соревновательности с повышением спортивной квалификации растет. Для проверки этого предположения был проведен корреляционный анализ для выявления характера взаимосвязи между такими структурными компонентами, как мотивация, эмоции, воля, интеллект, мышление. Результаты представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3. Взаимосвязь структурных компонентов соревновательности у спортсменов квалификации старших разрядов (коэффициент ассоциации Юла)
(Table 3. Interrelation of the structural components of competitiveness in senior rank athletes (Yule association coefficient))

Структурные компоненты	Мотивация	Эмоции	Мышление	Воля	Интеллект
Мотивация	х	0,15	0,12	0,23	0,14
Эмоции		х	0,15	0,22	0,08
Мышление			х	0,20	0,22
Воля				х	0,18
Интеллект					х

Судя по данным таблицы 3, можно заключить о наличии слабой связи между структурными компо-

нентами соревновательности, даже о ее отсутствии. У спортсменов-разрядников проявление структурных компонентов соревновательности носит обособленный характер, они не связаны друг с другом. Это можно объяснить низким уровнем их развития и малым соревновательным опытом.

Таблица 4. Взаимосвязь структурных компонентов соревновательности у спортсменов высокой квалификации (коэффициент ассоциации Юла)
(Table 4. Interrelation of structural components of competitiveness among highly qualified athletes (Yule association coefficient))

Структурные компоненты	Мотивация	Эмоции	Мышление	Воля	Интеллект
Мотивация	х	0,28	0,36	0,58	0,34
Эмоции		х	0,27	0,68	0,26
Мышление			х	0,56	0,63
Воля				х	0,34
Интеллект					х

Иной характер взаимосвязи структурных компонентов соревновательности выявлен у спортсменов высокой квалификации (табл. 4). Наиболее высокие показатели взаимосвязи обнаружены между следующими компонентами: волей и мотивацией ($r=0,58$), волей и мышлением ($r=0,56$), мышлением и интеллектом ($r=0,63$), волей и эмоциями ($r=0,68$). Чем сильнее развита у спортсмена воля, тем сильнее мотивация достижения успеха, активнее мыслительная деятельность и управление эмоциями. Чем выше уровень интеллекта, тем интенсивнее проявляется мыслительная деятельность при решении оперативных задач.

Выводы

1. Показаны актуальность и целесообразность проведения научно-исследовательской работы по изучению качества соревновательности у спортсменов, являющегося составным элементом психологической подготовленности спортсмена к соревновательной деятельности.

2. Выступая профессионально значимым качеством спортсмена, соревновательность в значительной степени способствует достижению соревновательной цели в соревновании. Готовность к проявлению соревновательности в спортивной деятельности определяется проявлением динамичных личностных свойств (мотивации, эмоций, воли, мышления, интеллекта), формирование которых должно рассматриваться в качестве значимых задач психологического обеспечения подготовки спортсменов к соревнованиям.

3. Установлено, что 60% опрошенных из 185 спортсменов различной квалификации и видов спорта обладают средним уровнем развития соревновательности. У спортсменов массовых разрядов (3-й, 2-й, 1-й) он составляет 62,8 балла (из 90 возможных); у спортсменов высокой квалификации — 78 баллов (из 90).

4. Сравнительный анализ качества соревновательности у спортсменов-разрядников и высокой спортивной квалификации показал существенное превышение уров-

ня сформированности соревновательности у последних ($p < 0,01$). Из структурных компонентов соревновательности более высокие показатели выявлены в таких компонентах, как мотивация и воля.

5. Установлено, что высокий уровень сформированности соревновательности детерминирован высоким уровнем развития составных компонентов. Наиболее значимыми компонентами, обеспечивающими проявление соревновательности у спортсмена (в порядке значимости), служат воля, мотивация, мышление.

6. Выявлена положительная взаимосвязь структурных компонентов соревновательности: у спортсменов низкой квалификации коэффициент ассоциации Юла составил в пределах от 0,15 до 0,23; у спортсменов высокой квалификации — от 0,45 до 0,68. Наиболее высокие показатели взаимосвязи установлены между следующими компонентами: мотивацией и волей ($r = 0,58$), мышлением и интеллектом ($r = 0,63$), волей и эмоциями ($r = 0,68$). С развитием у спортсмена волевых качеств актуализируется мотивация достижения успеха в соревновании; с развитием

интеллекта у спортсменов интенсивнее проявляется мыслительная деятельность при решении оперативных задач.

7. Продемонстрирована необходимость совершенствования содержания психологической подготовки в спорте в части разработки средств и методов формирования у спортсменов качества соревновательности. Развитие соревновательности обеспечивается силой взаимосвязи структурных компонентов, их взаимовлияния на проявление соревновательности в соревновательной деятельности.

Область применения и перспективы. Материалы статьи могут быть использованы для исследования выраженности у спортсменов качества соревновательности и разработки средств и методов ее развития у спортсменов различных видов спорта с учетом значимости структурных компонентов. Целенаправленная работа по формированию качества соревновательности у спортсмена может быть обеспечена за счет активизации сфер личности: мотивационной, мышления, волевой, эмоциональной, интеллектуальной.

Список источников / References

1. Матвеев Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты : учебник. М., 2010. 340 с.
2. Бабушкин Г. Д., Близневский А. А. Соревновательность как профессионально важное качество спортсмена // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. № 2(101). С. 112–117.
3. Андреев Вит. В., Андреев В. В., Сытник Г. В., Аишкинази С. М. Психология преодоления в спорте : монография. М., 2023. 364 с.
4. Яковлев Б. П., Бабушкин Г. Д., Науменко Е. А. Личностные механизмы саморегуляции психической нагрузки в спортивной деятельности : учеб. пособие. СПб., 2024. 382 с.
5. Шкутина Л. А., Бабушкин Г. Д., Сулеева К. М. Методика диагностики толерантности к психическому стрессу в условиях соревновательной деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3. С. 299–303.
6. Фискалов В. Д., Черкашин В. П. Теоретико-методические аспекты практики спорта : учеб. пособие. М., 2016. 352 с.
7. Баранов В. В., Белоновская И. Д. Принцип состязательности (агональности) в формировании конкурентного ресурса студента // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 169–176.
8. Славко А. Л. Социокультурные особенности физкультурно-спортивной деятельности // Аналитика культурологии. 2021. № 3(21). С. 73–76.
9. Зиборова Е. И. К характеристике структуры состязательных отношений // Теоретическая и прикладная социальная технология : сб. науч. статей. Белгород, 2003. Вып. 4. С. 79–81.
10. Бабушкин Г. Д. Соревновательная деятельность в спорте и факторы, определяющие спортивный результат // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. № 2(93). С. 217–222.
11. Ильин Е. П. Психология воли : учеб. пособие. СПб., 2009. 368 с.
12. Бабушкин Г. Д. Проблема финального выступления спортсменов в соревновании // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1. С. 246–249.
13. Яковлев Б. П., Бабушкин Г. Д. Эмоциональные и мотивационные детерминанты в спортивной деятельности : учеб. пособие. СПб., 2022. 340 с.
14. Бабушкин Г. Д., Диких К. В. Интеллектуально-психологическая подготовка спортсмена : монография. Омск, 2013. 240 с.

Поступила 24.03.2025; одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 796.1/3 © Зверев С. Л., Асеева А. Ю., Филатова Н. П., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-351-357

5.8.5. Теория и методика спорта

Совершенствование силовой подготовленности квалифицированных спортсменов-гандболистов

Сергей Леонидович Зверев, старший преподаватель кафедры теории и методики физической культуры и спорта¹;

sergei_zverev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3025-8398>

Анна Юрьевна Асеева, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики спорта и физического воспитания²; ane4ka_1982@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6791-2333>

Нина Петровна Филатова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики физической культуры и спорта¹; finina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1996-5764>

¹ Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, 644071, Омск, ул. Масленникова, 144, Россия

² Московский государственный университет спорта и туризма, 117519, Москва, ул. Кировоградская, 21, корп. 1, Россия

Реферат. Введение. Проблема научного обоснования методики совершенствования специальных силовых способностей квалифицированных гандболистов в подготовительном периоде тренировки не теряет своей актуальности. Предметом явилась методика специальной силовой подготовки квалифицированных гандболистов к ведению силового контактного противодействия в защите. Цель — разработка методики развития силовых качеств квалифицированных гандболистов для ведения силового контактного противодействия. **Материалы и методы.** Исследование проходило в 2020–2023 гг. с участием 32 спортсменов — представителей двух команд Высшей гандбольной лиги; возраст испытуемых — 18–24 года. В целях оценки подготовленности спортсменов проводились тестирование, сравнительный педагогический эксперимент. Для сравнения показателей тестирования использован Т-критерий Уайта. **Результаты и обсуждение.** Разработана схема, отражающая средства силовой подготовки гандболистов. Каждый блок средств силовой подготовки представлен двумя комплексами упражнений: первый блок включает два комплекса упражнений с отягощением внешними предметами и весом собственного тела, второй блок состоит из двух комплексов упражнений контактного силового противодействия в парах и в группах. Предложен вариант использования средств, методов и дозировки нагрузки в тренировочном процессе мужских гандбольных команд в подготовительном периоде. **Выводы.** Эффективность использования предложенной методики силовой подготовки подтверждена результатами педагогического эксперимента. Спортсмены экспериментальной группы в 50% контрольных тестов улучшили показатели силовой подготовленности на достоверном уровне при 5% уровне значимости, а также соревновательную деятельность в серии игр с другими ведущими командами.

Ключевые слова: контактное противодействие в защите, средства силовой подготовки гандболистов, методы, сравнительный эксперимент

Для цитирования: Зверев С. Л., Асеева А. Ю., Филатова Н. П. Совершенствование силовой подготовленности квалифицированных спортсменов-гандболистов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. № 3(102). С. 351–357. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-351-357>

Scientific and Practical Article

UDC 796.1/3 © Zverev S. L., Aseeva A. Yu., Filatova N. P., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-351-357

5.8.5. Theory and Methods of Sports

Improvement of Strength Training of Qualified Handball Players

Sergey L. Zverev, senior instructor at the chair of Theory and Methods of Physical Culture and Sports¹;

sergei_zverev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3025-8398>

Anna Yu. Aseeva, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Theory and Methods of Sports and Physical Education²; ane4ka_1982@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6791-2333>

Nina P. Filatova, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Theory and Methods of Physical Culture and Sports¹; finina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1996-5764>

¹ the Siberian State University of Physical Culture and Sports, 144, Maslennikov st., Omsk, 644009, Russia

² Moscow State University of Sports and Tourism, 21/bld.1, Kirovogradskaya st., Moscow, 117519, Russia

Abstract. Introduction. The problem of scientific grounds for the methodology of improvement of special strength abilities of qualified handball players in the preparatory period of training is still relevant. The subject is a method of special strength training of qualified handball players for force contact counteraction in defence. The aim is to develop a methodology for development of strength qualities of qualified handball players for force contact counteraction. **Materials and Methods.** The study was conducted in 2020–2023, with participation of 32 athletes aged 18–24 — representatives of two teams of the Higher Handball League. To assess the level of athletes' proficiency a test and a comparative pedagogical experiment were employed. The White T-criterion is used to compare test scores. **Results and Discussion.** The researchers developed a scheme reflecting the means used in handball players' strength training. Each block of strength training means is represented by two sets of exercises: the first block includes two sets of exercises with weighting external objects and own body weight, the second block consists of two sets of exercises of contact

force counteraction in pairs and groups. An option of using means, methods and measuring of load in the training process of men's handball teams in the preparatory period is proposed. **Conclusions.** The effectiveness of the proposed method of strength training is confirmed by the results of the pedagogical experiment. The athletes of the experimental group, in 50% of the control tests, improved the strength training indicators at a reliable level, with 5% level of importance, as well as competitive activities in the series of games with other leading teams.

Keywords: contact counteraction in defence, means used in handball players' strength training, methods, comparative experiment

Citation: Zverev S. L., Aseeva A. Yu., Filatova N. P. Improvement of Strength Training of Qualified Handball Players. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 351–357 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-351-357>

Основные положения

1. Специальная физическая подготовка, в частности силовая подготовка в современных спортивных играх, является значимым фактором успешной соревновательной деятельности. Представляет интерес комплекс специфических средств, которые моделируют элементы техники контактных действий гандболистов в защите и вместе с тем воздействуют на силовые качества игроков.

2. Использование разработанной методики совершенствования силовой подготовленности квалифицированных гандболистов позволяет улучшить показатели силовых качеств; при этом отмечается улучшение соревновательной деятельности в защите: команда экспериментальной группы больше выполняет на 52% купирование атак противника силовым контактным противодействием, на 55% больше перехватов мяча в сравнении с командой контрольной группы.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Актуальность представленного исследования связана с необходимостью поиска и апробации эффективных методов и средств силовой подготовки спортсменов к соревнованиям. В настоящее время в спортивных играх, в которых допустимы правилами контактные действия, совершенствование силовых качеств спортсменов занимает значимое место в процессе физической подготовки квалифицированных команд. Гандбол в этом не является исключением.

Проблема исследования — необходимость научного обоснования методики совершенствования специальных силовых способностей квалифицированных гандболистов в подготовительном периоде тренировки.

Предположено, что использование в силовой подготовке средств, ориентированных на ведение силовой борьбы в защите, позволит совершенствовать силовую подготовленность квалифицированных гандболистов, что будет способствовать эффективному выполнению защитных действий и положительно скажется на результатах соревновательной деятельности в целом.

Цель — разработать методику развития силовых качеств квалифицированных гандболистов для ведения силового контактного противодействия в защите и проверить ее эффективность в педагогическом эксперименте.

Таким образом, целесообразность разработки темы обусловлена тем, что изучение условий развития силовых качеств квалифицированных гандболистов для ведения силового контактного противоборства позволит существенно повысить качество и уровень соревновательной подготовленности и готовности спортсменов в целом.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы.

В настоящее время силовая подготовка спортсменов игровых видов спорта, в частности гандболистов, является предметом изучения российских и зарубежных исследователей. Российские специалисты в основном уделяют внимание развитию скоростно-силовых качеств. Зарубежные исследователи рассматривают в основном совершенствование собственно силовой подготовленности спортсменов [1; 2].

В работах Г. Н. Германова с соавторами [3], О. А. Курятниковой [4], Г. П. Коняхиной [5] показаны средства и методика развития скоростно-силовых качеств гандболистов, упражнения прыжкового характера сходные, а также не соответствующие по динамическим реакциям опорным усилиям в соревновательных действиях [3]. Упражнения в динамических скоростных режимах: специальные прыжковые упражнения, толкания и броски ногами тяжелых предметов, упражнения с отягощениями, выполняемые с максимальной интенсивностью [4], упражнения с набивными мячами: передачи, выпрыгивания из приседа [5]. Р. С. Данилов рассматривает влияние вида тренировочной нагрузки в зависимости от режима тренировки на развитие скоростно-силовых качеств студентов, занимающихся гандболом [6].

Для развития прыгучести А. Е. van Muijen [7], М. Izquierdo [8] предлагают использовать приседания со штангой на плечах, считая это средство одним из наиболее популярных и эффективных упражнений. Способом улучшения мощности броска являются упражнения с мячами различной массы [2; 9].

Подчеркивает важность плиометрических упражнений также М. S. Chelly [10], а М. С. Marques рассматривает жим штанги лежа, приседания и прыжки вверх как средства силовой подготовки квалифицированных гандболистов [11].

Применение упражнений с сопротивлением партнера в силовой подготовке спортсменов командных игровых видов спорта, включая гандбол, остается недостаточно изученным как в России, так и за рубежом.

Разработкой программ силовой подготовки квалифицированных гандболистов в годичном цикле занимались различные исследователи [1; 12–15]. Так, М. С. Marques с соавторами исследовали влияние 12-недельной силовой подготовки (от двух до трех занятий в неделю) у гандболистов высокого уровня с нагрузками в диапазоне 70–85% жима лежа [16]. А. В. Лексаков и Н. В. Телятникова предложили использование комплекса упражнений на 12-недельный цикл развития силовых

качеств [17; 18]. В. А. Види показал, что применение локальных динамических силовых упражнений в течение 6–7 недель приводит к достоверному изменению уровня силовой подготовленности спортсменов [19]. А. Л. Вавилов представил программу силовой и скоростно-силовой подготовки баскетболистов на 32 недели с использованием утяжелителей в каждом упражнении [20]. Р. В. Федоров получил прирост показателей силовой и скоростно-силовой подготовленности волейболистов, используя на протяжении 8 недель вспомогательные средства в виде биомеханической и электростимуляции [21].

V. Di Salvo с соавторами отмечает, что комплексы силовой подготовки гандболистов должны быть ориентированы на подготовку игроков разных амплуа [22].

Обзор научной литературы показал, что в исследованиях не рассматривается процесс силовой подготовки квалифицированных игровых команд с позиций формирования готовности к использованию силовых контактных действий в защите.

Таким образом, изучение данной проблемы актуально как в плане исследования процесса силовой подготовки квалифицированных спортсменов-гандболистов, так и в плане разработки комплексов тренировочных заданий для совершенствования силовой и соревновательной подготовленности.

Материалы и методы

Исследование проходило в 2020–2023 гг. с участием 32 спортсменов из двух команд высшей гандбольной лиги. Возраст испытуемых 18–24 года. В целях оценки подготовленности спортсменов проводились тестирование, сравнительный педагогический эксперимент. Для сравнения статистических показателей использован Т-критерий Уайта.

1 этап (2020–2021) — выполнялся анализ, обобщались данные отечественной и зарубежной литературы по изучаемой проблеме и проводились педагогические наблюдения тренировочной деятельности квалифицированных гандболистов команд чемпионата России Высшей лиги.

2 этап (2021–2022) — проводилась экспертная оценка соревновательной деятельности сборных гандбольных команд, принимавших участие в чемпионате Европы, а также команд, играющих в чемпионате России среди команд Суперлиги, и педагогическое тестирование с анализом силовой подготовленности квалифицированных гандболистов. На данном этапе исследований был разработан специальный тест для оценки силовой подготовленности гандболистов и был проведен опрос тренеров на предмет использования средств силовой подготовки квалифицированных гандболистов.

3 этап (2022–2023) — проводился основной педагогический эксперимент, обобщались результаты исследования.

Результаты и обсуждение

Разработка комплексов тренировочных заданий для совершенствования силовой подготовленности. Для решения задач подобраны средства тренировки и тренировочные задания, которые сгруппированы в два блока (рис.).

Рис. Средства для совершенствования силовых качеств квалифицированных гандболистов

(Fig. Means for improving the strength qualities of qualified handball players)

Каждый блок был представлен двумя комплексами упражнений: *первый блок* включал два комплекса упражнений с отягощением внешними предметами и весом собственного тела; *второй блок* состоял из двух комплексов упражнений контактного силового противодействия в парах и в группах.

Комплексы упражнений первого блока для совершенствования силовых качеств. Комплекс 1 состоял из 7 упражнений с отягощением внешними предметами, которые реализовывались повторным методом в форме круговой тренировки на 7 станциях. Время работы на станции — 30 сек. Темп выполнения упражнений средний. Пауза отдыха между станциями — 15 сек. — дается для перехода и принятия исходного положения для выполнения следующего упражнения. Количество кругов — от 2 до 4, зависит от этапа подготовки квалифицированных гандболистов. Паузы отдыха между кругами — 5–7 мин. Характер отдыха — пассивно-активный.

1. Стоя, гантели внизу: круговые движения руками с гантелями, назад, затем вперед (масса гантелей подбиралась индивидуально, предварительно испытуемые выполняли работу с гантелями массой 10 кг в течение 20 сек.).

2. Лежа на спине, диск внизу на бедрах: сгибая руки, диск поднять вверх максимально за голову, затем опустить вниз в исходное положение (круговые движения «Пуловер»).

3. Жим гири в стойке.

4. Рывок гири.

5. Тяга гири к подбородку.

6. Приседания с удержанием диска от штанги перед грудью.

7. Поворот (скручивание) туловища налево, затем направо, сидя на скамье, отклонившись на 45°.

Комплекс 2 состоял из 8 упражнений с отягощением весом собственного тела. Упражнения выполнялись повторным методом. Темп выполнения упражнений медленный. Количество повторений в упражнениях 1 и 2 варьировалось от 6 до 15. Упражнения в парах выполнялись в течение 1 мин., статические позы дозировались временем удержания положения — 30 сек. Количество подходов в одной серии составляло 2–4, количество серий — 2–5. Паузы отдыха между подхо-

дами — 2–3 мин., между сериями — 5–8 мин. Характер отдыха — пассивно-активный.

1. Отжимания из упора лежа, ноги на высоте 20 см.
2. Подтягивания с разным хватом.
3. Выпрыгивание из положения полуприсед.
4. Удержание виса на согнутых руках под углом 90°

на высокой перекладине.

Упражнения с весом собственного тела в парах:

5. Передвижение прыжками в положении упора лежа, ноги удерживает за голени партнер.

6. Удержание равновесия на одной ноге, вторую удерживает партнер за стопу и разнонаправленными движениями выводит из равновесия.

7. Сохранение устойчивого положения в упоре лежа на прямых руках, ноги удерживает партнер за голеностопы.

8. Ходьба в упоре лежа на согнутых руках, ноги удерживает партнер за голеностопы.

Комплексы упражнений второго блока для совершенствования силовых качеств с элементами техники контактного противодействия в защите, специфичных для гандбола. Комплекс 3 состоял из 8 упражнений. Метод выполнения упражнений — повторно-серийный. Время выполнения упражнений — 1 мин. Количество повторений — 2–4. Паузы отдыха между подходами — 1–2 мин. Характер отдыха — пассивный.

1. Партнеры стоят лицом друг к другу с крестовым захватом за туловище. В активном противоборстве каждый партнер старается оторвать соперника от пола.

2. Партнеры стоят друг за другом, партнер сзади кладет руки на лопатки впереди стоящего. По команде он должен совершить захват впереди стоящего партнера за туловище, а тот должен быстро среагировать и повернуться на 180° и не дать осуществить захват за корпус.

3. Партнер осуществляет захват правой (левой) руки соперника: одной рукой за предплечье, другой — за плечо. По команде соперник должен освободиться от захвата, а другой удержать захват.

4. Спортсмены стоят лицом друг к другу. Один осуществляет захват за туловище партнера. По команде он должен удержать захват, а другой должен освободиться от захвата. Отрывать соперника от пола запрещено. Смена положений.

5. Спортсмены стоят лицом друг к другу. По команде необходимо одному партнеру силовыми действиями руками вывести своего партнера из равновесия и зайти ему за спину. Задача другого — не дать осуществить проход за спину. Выполняется по очереди.

6. Спортсмены стоят лицом друг к другу, в руке одного гандбольный мяч. По команде он выполняет обманные движения с мячом (передачу или бросок). Задача партнера — заблокировать корпус соперника и руку с мячом. При этом сопернику необходимо избежать блокирования.

7. Спортсмены стоят лицом друг к другу вдоль шестиметровой линии. По команде спортсмены осуществляют обоюдный захват за туловище и выполняют силовое

теснение друг друга (задача каждого — максимально сдвинуть соперника с места и осуществить захват территории).

8. Спортсмены стоят лицом друг к другу, у одного из них в руке гандбольный мяч. Его задача — обыграть, отвлечь партнера и забросить или положить мяч за его спиной в коридор шириной 2 м (задача партнера — не дать возможность это сделать).

Комплекс 4 состоял из 6 заданий. Метод выполнения упражнений комплекса — повторный. Время выполнения упражнения — 5 мин., количество повторений — 2–3. Паузы для отдыха — 3 мин. Характер отдыха — пассивно-активный.

1. Группа из двух игроков защищает коридор шириной 3 м, задача — не дать сопернику пройти за спину игроков.

2. Группа из 2–4 игроков защищает определенную территорию. Данные игроки находятся в кругу, атакующие игроки — вне круга. Задача обороняющихся игроков — не пустить соперника на ограниченную территорию.

3. Игроки защищающейся команды размещаются вдоль шестиметровой вратарской зоны, игроки атакующей команды располагаются за девятиметровой зоной. Задача атакующей команды — обыграть защитников и забежать в шестиметровую зону, задача защищающейся команды — остановить соперника, используя силовую хватку, тем самым не дать выполнить проход во вратарскую зону. «Завязать» — техническое контактное силовое действие, в котором защищающийся игрок осуществляет захват руками за корпус атакующего игрока с мячом согласно правилам, тем самым предотвращает продвижение игрока к выгодной позиции для броска по воротам.

4. Игроки защищающейся команды размещаются вокруг расположенного гимнастического мата, лежащего на полу, спиной к нему. Игроки атакующей команды располагаются свободно вокруг защитников. Задача атакующей команды — положить мяч на гимнастический мат. Задача защищающейся команды — остановить соперника силовым захватом, «завязать», не дать положить мяч в защищаемое поле.

5. Игроки защищающейся команды размещаются вдоль шестиметровой вратарской зоны, игроки атакующей команды — за девятиметровой зоной. Задача атакующей команды — провести бросок по воротам защищающейся команды, задача защищающейся команды «завязать», остановить соперника, не дать произвести бросок по воротам.

6. Игроки делятся на две команды, располагаются на игровой площадке вдоль средней линии. Задача — поймать соперника, захватить его любым способом и занести в девятиметровую зону своей площадки.

Опытно-экспериментальная работа. Подобранные средства и разработанная методика совершенствования силовой подготовленности квалифицированных гандболистов апробированы в ходе сравнительного педагогического эксперимента в тренировочном процессе под-

Таблица 1. Сравнение показателей силовой подготовленности испытуемых контрольной и экспериментальной групп до эксперимента
(Table 1. Comparison of the indicators of strength training of the subjects of the control and experimental groups before the experiment)

Тесты	ЭГ(n=16)	КГ(n=16)	Достоверность различий, р
	$\bar{X} \pm \sigma$	$\bar{X} \pm \sigma$	
Подъем туловища из положения лежа на спине за 30 сек., кол-во	24±2,5	24±2,1	≥0,05
Подтягивание на высокой перекладине, кол-во	8±4,6	8±3,2	≥0,05
Подтягивание обратным хватом на высокой перекладине, кол-во	6±3,3	7±2,6	≥0,05
Сгибание и разгибание рук на параллельных брусьях, кол-во	7±2,8	6±2,4	≥0,05
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа за 30 сек., кол-во	26±8,1	25±2,5	≥0,05
Жим штанги (1ПМ), лежа на скамье	73±6,4	71,3±7,1	≥0,05
Становая динамометрия	106,6±25,7	108,1±19,8	≥0,05
Динамометрия, правая рука, кг	30,2±5,3	29,7±5,9	≥0,05
Динамометрия, левая рука, кг	26,4±5,6	27,3±4,8	≥0,05
Модельный тест, кг	49±5	43±8	≥0,05

Примечание. 1ПМ — один повторный максимум.

готовительного периода игроков мужской гандбольной команды «Скиф» (Омская область), которая составила экспериментальную группу. В качестве контрольной группы выступала команда «ДГТУ — Лидер» из Ростова-на-Дону.

Предварительно были изучены показатели силовой подготовленности представителей контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) групп и проведено сравнение обеих групп по Т-критерию Уайта (табл. 1).

Статистическое сравнение результатов тестирования показало отсутствие достоверных различий испытуемых ЭГ и КГ по всем изучаемым показателям.

Подготовительный период тренировки ЭГ включал 12 недель: 4 недели общеподготовительный мезоцикл (МЗЦ), 4 недели специально подготовительный МЗЦ, 2 недели контрольно-подготовительный и 2 недели предсоревновательный МЗЦ (табл. 2).

Таблица 2. Использование средств силовой подготовки в экспериментальной методике развития силовых качеств в подготовительном периоде тренировки
(Table 2. The use of strength training means in the experimental methodology for the development of strength qualities in the preparatory period of training)

Комплексы	Мезоциклы											
	общеподготовительный				специально-подготовительный				контрольно-подготовительный		предсоревновательный	
	микроциклы											
ВТ	О	О	О	Н	Н	Н	Уд	Уд	Уд	Пс	Пс	
Комплекс 1	+	+	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/3	–	–	–	–
Комплекс 2	+	+	+	+	1/2	1/2	1/2	1/3	1/3	1/3	1/3	1/3
Комплекс 3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	–	–
Комплекс 4	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+	1/2	1/2

Примечания: ВТ — втягивающий, О — ординарный, Н — нагрузочный, Уд — ударный, Пс — предсоревновательный.

Распределение занятий силовой подготовкой в микроциклах (МКЦ) представлено в таблице 3.

Таблица 3. Реализация процесса силовой подготовки в микроцикле при двух и трех занятиях в день
(Table 3. Implementation of the strength training process in the microcycle with two and three sessions per day)

Дни микроцикла	Два занятия в день	Три занятия в день
1	Утро: специальная работа Вечер: специальная работа + комплексы 2, 4 (20 мин.)	Утро: комплекс 4 (15 мин.) День: специальная работа Вечер: специальная работа + комплекс 2 (20 мин.)
2	Утро: специальная работа Вечер: комплексы 1, 2 (60 мин.)	Утро: комплекс 4 (15 мин.) День: специальная работа Вечер: комплексы 1, 2 (60 мин.)
3	Отдых	Отдых
4	Утро: комплексы 1, 2 Вечер: специальная работа	Утро: комплекс 4 (15 мин.) День: специальная работа Вечер: комплексы 1, 2 (60 мин.)
5	Утро: специальная работа + комплексы 2, 4 (20 мин.) Вечер: комплексы 1, 2 (60 мин.)	Утро: комплекс 4 (15 мин.) День: специальная работа + комплекс 2 (20 мин.) Вечер: комплексы 1, 2 (60 мин.)
6	Отдых	Отдых
7	Игра	Игра

Примечание. Двухразовая тренировка в день используется во втягивающем микроцикле общеподготовительного и предсоревновательного мезоциклов; трехразовая тренировка — в ординарном микроцикле общеподготовительного и специально-подготовительного МЗЦ.

В таблице 3 представлены два варианта реализации силовой подготовки гандболистов при двух и трех тренировочных занятиях в день. В микроцикле с двумя тренировочными занятиями силовая подготовка реализовывалась как в основной части занятия, так и в подготовительной и заключительной частях занятия. В основной части, как правило, решались задачи совершенствования собственно силовых возможностей с использованием комплексов упражнений 1 и 2 для увеличения физиологического перераста мышц и специальной силовой выносливости спортсменов. Подготовительная часть занятия состояла из упражнений комплекса 4 для совершенствования силовых качеств с элементами техники при контактном противодействии. Задачей данного комплекса было формирование техники противодействия сопернику. В заключительной части занятия использовались комплексы 2 и 4.

В ходе педагогического эксперимента по проверке эффективности разработанной методики силовой подготовки квалифицированных гандбольных команд было проведено три этапа тестирования — в начале, в середине подготовительного периода и в начале соревновательного периода, точнее, после первого тура соревнований. По окончании эксперимента в показателях тестов подтягивание на высокой перекладине, подтягивание на высокой перекладине обратным хватом, становая динамометрия, жим штанги лежа и динамометрия правой и левой кистей у испытуемых ЭГ выявлены статистически достоверные и значимые улучшения результатов ($p < 0,05$). Это выступает свидетельством того, что у игроков команды «Скиф» (ЭГ) произошли изменения состояния силовых способностей. При этом в команде, представляющей контрольную группу, также были зафиксированы изменения изучаемых показателей, однако они не имели статистической достоверности. Сравнение показателей силовой подготовленности испытуемых сравниваемых команд выявило преимущество представителей ЭГ.

Кроме того, по окончании педагогического эксперимента был проведен анализ соревновательной деятельности ЭГ и КГ. Были выявлены достоверные различия количества блокирований мяча, выполняемых игроками сравниваемых команд в среднем за игру с одними и теми же соперниками (табл. 4). Необходимо отметить, что игроки команды «Скиф» (Омская область) эффективно применяли защитные действия захвата соперника за корпус («завязать»), тем самым срывая атаки соперника в ходе силовой борьбы за выгодную позицию для броска по воротам [23].

Так, команда ЭГ выполнила в среднем за 4 официальных игры чемпионата РФ $25 \pm 0,7$ захватов, а команда КГ в таком же количестве игр — $13 \pm 0,7$ действий, что статистически достоверно различалось ($p < 0,05$) (табл. 4). Эффективная игра в защите гандболистов ЭГ вынуждала соперников осуществлять больше бросков по воротам с дальней дистанции, с крайних позиций, являющихся менее результативными. Их эффективность составила не более 40%.

Данные таблицы 4 демонстрируют, что в играх предварительного этапа соревновательного периода квалифицированные гандболисты команды «Скиф» (Омская область) в подавляющем большинстве превосходили спортсменов команды «ДГТУ–Лидер» (Ростов-на-Дону) по всем изучаемым показателям. На наш взгляд, это может быть свидетельством более высокой силовой и технической подготовленности к выполнению контактного силового противодействия в защите испытуемых ЭГ в сравнении с КГ.

По окончании сезона игроки команды «Скиф» стали победителями чемпионата России по гандболу среди

команд высшей лиги. Команда «ДГТУ–Лидер» заняла 4-е место в регулярном чемпионате.

Таблица 4. Сравнение показателей соревновательной деятельности ЭГ и КГ в конце педагогического эксперимента

(Table 4. Comparison of competitive performance indicators of experimental group and control group at the end of the pedagogical experiment)

Группа	Защитные действия			Атакующие действия соперника			
	Силовой прием «завязать»	Блок	Перехват	Броски			
				Линия	Крайний	Ближний	Дальний
ЭГ	$25 \pm 0,7$	$3 \pm 0,2$	$9 \pm 3,5$	$18 \pm 0,7$	8 ± 1	$17 \pm 0,7$	$13 \pm 7,8$
КГ	$13 \pm 0,7$	$2 \pm 0,7$	$5 \pm 2,1$	$12 \pm 3,5$	$10 \pm 0,7$	$12 \pm 4,2$	$16 \pm 6,4$

Примечания: линия — броски с 6-метровой линии, крайний — броски с крайних позиций, ближний — броски из зоны до 9 м, дальний — броски из зоны >9 м.

Таким образом, разработанный комплекс специфических средств и методов, методики силовой подготовки гандболистов к действиям в защите и реализация ее в тренировочном процессе подготовительного периода квалифицированных мужских гандбольных команд позволит существенно повысить эффективность соревновательных действий.

Выводы

1. Экспериментальная проверка эффективности разработанной методики силовой подготовки квалифицированных гандболистов, проведенная в сравнительном исследовании с участием двух команд высшей лиги, показала, что по окончании подготовительного периода у игроков ЭГ было отмечено достоверное и значимое увеличение показателей силовых качеств, превышающее результаты игроков команды КГ (при $p < 0,05$).

2. У гандболистов ЭГ было выявлено достоверное улучшение показателей соревновательной деятельности в официальных играх чемпионата РФ, которое превышало данные КГ (при $p < 0,05$).

Область применения и перспективы. Материалы исследования могут дополнить содержание программ повышения квалификации тренерских кадров в гандболе. Исследование показало перспективы анализа процесса силовой подготовки игроков квалифицированных гандбольных команд в целях его оптимизации. Целесообразно совершенствовать комплекс средств силовой подготовки, нормирование физической нагрузки в силовой тренировке с учетом подготовленности и игрового амплуа гандболистов, расширять программу тестирования силовых способностей квалифицированных спортсменов.

Список источников / References

1. Gorostiaga E. M., Izquierdo M., Iturralde P., Ruesta M., Ibáñez J. Effects of heavy resistance training on maximal and explosive force production, endurance and serum hormones in adolescent handball players. *Eur J Appl Physiol Occup Physiol*. 1999. № 80(5). Pp. 485–493.
2. Van den Tillaar R. Effect of different training programs on the velocity of overarm throwing: A brief review. *J. Strength Cond. Res*. 2004. № 18. Pp. 388–396.
3. Германов Г. Н., Горягдыев Г. Г., Войтович Д. И. Развитие скоростно-силовых способностей у начинающих гандболистов-студентов на основе прыжковых заданий // Научно-теоретический журнал. Ученые записки. 2014. № 11(117). С. 39–45.
4. Курятникова О. А. Скоростно-силовая подготовка юношей, занимающихся гандболом в учреждении дополнительного образования // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 66-4. С. 52–55.
5. Коняхина Г. П. Скоростно-силовая подготовка гандболистов 15–16 лет с использованием набивного мяча // Национальное достояние. 2020. № 3(4). С. 12–45.
6. Данилов Р. С. Исследование скоростно-силовых качеств у студентов при занятиях гандболом в зависимости от режима тренировки // Инновации в науке. 2017. № 12(73). С. 32–33.
7. Van Muijen A. E., Joris H., Kemper H. C. G., van Ingen Schenau G. J. Throwing practice with different ball weights: Effects on throwing velocity and muscle strength in female handball players. *J. Sports Med. Train. Rehabil*. 1991. № 2. Pp. 103–113.
8. Izquierdo M., Häkkinen K., Gonzalez-Badillo J. J., Ibáñez J., Gorostiaga E. M. Effects of long-term training specificity on maximal strength and power of the upper and lower extremities in athletes from different sports. *Eur. J. Appl. Physiol*. 2002. № 87. Pp. 264–271.
9. Hermassi S., Chelly M. S., Fathloun M., Shephard R. J. The effect of heavy- vs. moderate-load training on the development of strength, power, and throwing ball velocity in male handball players. *J. Strength Cond. Res*. 2010. № 24. Pp. 2408–2418.
10. Chelly M. S., Hermassi S., Aouadi R., and Shephard R. J. Effects of 8 Week in-season plyometric training on upper and lower limb performance of elite adolescent handball players. *J. Strength Cond Res*. 2014. № 28. Pp. 1401–1410.
11. Marques M. C., González-Badillo J. J. In-season resistance training and detraining in professional team handball players [published correction appears in *J Strength Cond Res*. 2007 Nov; 21(4):1002. Marques, Mario A Cardoso [corrected to Marques, Mário Cardoso]]. *J Strength Cond Res*. 2006. № 20(3). Pp. 563–571.
12. Gorostiaga E. M., Granados C., Ibáñez J., Izquierdo M. Differences in physical fitness and throwing velocity among elite and amateur male handball players. *Int. J. Sports Med*. 2005. № 26. Pp. 225–232.
13. Raeder C., Fernandez-Fernandez J., Ferrauti A. Effects of Six Weeks of Medicine Ball Training on Throwing Velocity, Throwing Precision, and Isokinetic Strength of Shoulder Rotators in Female Handball Players. *J. Strength Cond. Res*. 2015. № 29. Pp. 1904–1914.
14. Genevois C., Berthier P., Guidou V., Muller F., Thiebault B., Rogowski I. Effects of 6-week sling-based training of the external-rotator muscles on the shoulder profile in elite female high school handball players. *J. Sport Rehabil*. 2014. № 23. Pp. 286–295.
15. Toumi H., Best T. M., Martin A., Poumarat G. Muscle plasticity after weight and combined (weight + jump) training. *Med. Sci. Sports Exerc*. 2004. № 36. Pp. 1580–1588.
16. Marques M. C., González-Badillo J. J. In-season resistance training and detraining in professional team handball players. *J. Strength Cond Res*. 2006. № 3. Pp. 563–571.
17. Лексаков А. В. Планирование силовой подготовки в структуре нагрузок подготовительного периода футболистов групп спортивного совершенствования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 28 с.
18. Телятникова Н. В. Содержание силовой тренировки студентов с использованием инвентаря с упругой деформацией : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Якутск, 2024. 23 с.
19. Види В. А. Воспитание локальной силы и выносливости мышц верхних конечностей у борцов-самбистов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 24 с.
20. Вавилов А. Л., Парфенов В. С. Развитие скоростно-силовых способностей у юношей-баскетболистов 14–16 лет в тренировочном процессе с использованием утяжелителей // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2(50). С. 38–42.
21. Федоров Р. В. Методика интенсивного развития скоростно-силовых способностей волейболистов в условиях вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2009. 230 с.
22. Di Salvo V., Baron R., Tschan H., Calderon Montero F. J., Bachl N., Pigozzi F. Performance characteristics according to playing position in elite soccer. *Int J Sports Med*. 2007. № 28(3). Pp. 222–227.
23. Michalsik L. B., Madsen K., Aagaard P. Technical match characteristics and influence of body anthropometry on playing performance in male elite team handball. *J Strength Cond Res*. 2015. № 29(2). Pp. 416–428.

Поступила 29.12.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-теоретическая статья

УДК 321.1 © Буряков С. К., Филимонов А. Г., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-358-364

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.5.2. Политические институты, процессы и технологии

Природа русской власти и история народного представительства в России

Сергей Константинович Буряков, кандидат политических наук, начальник, генерал-майор полиции¹;

bursk2010@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8897-0073>

Александр Григорьевич Филимонов, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии¹;

fag55.55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8180-1680>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. В Конституции РФ провозглашено, что Российская Федерация является демократическим, правовым, социальным государством. Для данного типа политического режима характерны разделение власти, рыночная экономика, конкуренция, регулярные на основе закона выборы и перевыборы всех уровней власти, наличие оппозиции, контроль граждан государства над деятельностью органов государственной власти. Важное место в этом процессе занимают представительные органы, формирующиеся на основе выборной системы и представляющие все классы и социальные группы общества. Представительные органы власти аккумулируют интересы данных социальных групп и на основе компромисса обеспечивают их реализацию с учетом интересов большинства. **Материалы, результаты и обсуждение.** Современный мир представлен различными моделями общественного развития: либеральной, консервативной, социалистической, националистической и др. Однако во всех них ключевую роль в политическом процессе играют институты представительных органов власти, существенно воздействующие на развитие государства и общества. Историческое формирование представительных органов в разных странах определялось особенностями их исторического развития. В Западной Европе первые зачатки представительных учреждений возникли уже в XIII в., многовековой опыт взаимодействия с исполнительными органами способствовал созданию правового государства на основе разделения властей. В этой системе представительные органы обеспечивают защиту интересов большинства граждан через политику государства. Появление правового государства позволяет более эффективно решать сложные вопросы общественного развития, с которыми сталкиваются народы в ходе своей истории. Рассмотрение процесса возникновения и эволюции представительных органов власти с законодательными функциями и органов государственного управления с совещательными функциями в России (вече, Земский собор, Государственный совет, Государственная дума), их взаимодействие с российским самодержавием на пути к демократическим преобразованиям через выборы граждан — основная тема данной статьи. **Выводы.** Процесс формирования представительных органов власти в России качественно отличается от подобного процесса в западных странах. Имея общие исходные позиции и одинаковый подход к поиску общего согласия в выборе решений, необходимых для развития государства в IX–XII вв., Российское государство с XV в. демонстрирует качественно другой путь развития, характерной чертой которого была ликвидация представительных органов власти как выборного института, защищающего интересы разных социальных групп общества. В России на смену органов власти с законодательными функциями пришли институты государства с совещательными функциями.

Ключевые слова: вече, Земский собор, Государственный совет, Федеральное Собрание, парламент, самодержавие, демократия, выборы, граждане

Для цитирования: Буряков С. К., Филимонов А. Г. Природа русской власти и история народного представительства в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 358–364. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-358-364>

Scientific and Theoretical Article

UDC 321.1 © Buriakov S. K., Filimonov A. G., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-358-364

5.1.1. Theoretical and Historical Law Sciences; 5.5.2. Political Institutions, Processes and Technologies

The Nature of Russian Power and the History of Popular Representation in Russia

Sergey K. Buriakov, Candidate of Political Sciences, Professor, Chief, Major-General of police¹;

bursk2010@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8897-0073>

Alexandr G. Filimonov, Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor at the chair of Philosophy and Political Studies¹;

fag55.55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8180-1680>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The 1993 Constitution stated that modern Russia is a democratic, law-governed, social and democratic state. This type of political regimes is characterized by: separation of powers, market economy, competition, regular elections on the basis of law and reelections of all levels of government, existence of opposition, citizens' control over the activities of public authorities. Representative bodies based on the electoral system, representing all classes and social groups of the society play an important role in this process. Representative authorities accumulate the interests of these social groups and on the basis of compromise ensure their implementation taking into account the interests of the majority. **Materials, Results and Discussion.** The modern world is represented by various models of social development: liberal, conservative, socialist, nationalist and others. However, in all of them representative institutions play a key role in the political process and have a significant impact on the development of the state and society. The historical formation of representative bodies in different countries was determined by their special historical development. In Western Europe, the first beginnings of representative institutions appeared as early as the 13th century, and centuries of experience of interaction with executive bodies contributed to the establishment of a law-governed state based on the separation of powers. In this system, representative bodies protect the interests of the majority of citizens through state policy. The emergence of the law-governed state makes it possible to tackle more effectively complex issues of social development faced by peoples in the course of their history. Examination of the process of emergence and evolution of representative authorities with legislative functions and public administration bodies with advisory functions in Russia (Veche, Zemsky Sobor, State Council, State Duma) and their interaction with the Russian autocracy on the way to democratic transformation through popular elections constitute the main topic of this article. **Conclusions.** The study showed that the process of formation of representative authorities in the history of Russia is qualitatively different from the history of Western countries. Having common initial positions and demonstrating the same approach in search of general agreement in choosing the decisions necessary for the development of the state in 9-12th centuries, since the 15th century the Russian state demonstrates qualitatively different way of development, which characteristic feature was the elimination of representative authorities as an elected institution protecting the interests of different social groups of society. In Russia, state institutions with advisory functions have replaced the authorities with legislative functions.

Keywords: Veche, Zemsky Sobor, State Council, Federal Assembly, parliament, autocracy, democracy, elections, citizens

Citation: Buriakov S. K., Filimonov A. G. The Nature of Russian Power and the History of Popular Representation in Russia. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 358–364 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-358-364>

Основные положения

1. Историю появления предпарламентских представительных органов власти, напоминающих современные парламенты, как в западных странах, так и в России связывают с возникновением государства. В Древней Греции экклесии (народные собрания) выступали как высший орган государственной власти, в Англии витенагемот — народное собрание, представляющее интересы англосаксонской знати. В Древнерусском государстве вече как собрание свободных граждан принимало важные решения для развития государства и общества. Вся властная пирамида Древнерусского государства и правящий класс повторяли процессы, происходившие в тот исторический период и на территории Западной Европы.

2. Завоевание монголами Киевской Руси в XIII в. и независимое существование отдельных княжеских центров: Северо-восточного, Юго-западного и Северо-западного — послужило причиной качественного изменения взаимодействия государства и общества в этих регионах. Северо-восточная часть Киевской Руси оказа-

лась под контролем Золотой Орды. В этом государстве вся власть принадлежала хану, никаких органов власти, представляющих интересы разных социальных групп общества, не было. Русские князья в своих владениях стали постепенно избавляться от вечевых традиций своего народа и все больше копировать механизмы власти Золотой Орды.

3. Необходимо исследовать процессы, позволившие исключить в Русском государстве представительные органы власти с законодательными функциями и утвердить органы самоуправления с исполнительными функциями, передав все полномочия верховной власти в лице князя, царя, императора, генерального секретаря, президента; выработать алгоритмы деятельности институтов гражданского общества в современной России, чтобы придать значимую роль в государстве выборным органам власти.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Российское государство имеет более чем тысячелетнюю историю. На каждом историческом этапе присутствовали

характерные черты, определявшие его особенности. История формирования и развития государственности у восточных славян связана с появлением соседской общины и постепенным созданием надплеменных институтов управления, а также возникновением Древнерусского государства. Заметную роль в системе государственного управления в Древнерусском государстве играло вече, которое выполняло функции предпарламента. После освобождения от зависимости от Золотой Орды все институты самоуправления в Российском государстве стали носить исполнительный характер, а не законодательный. Главной задачей этих органов было обслуживать верховную власть и искать наиболее эффективный способ реализации ее интересов, а не социальных групп, представленных в обществе.

Развитие государств в современном мире все в большей степени связывают с наличием представительных органов власти. Парламенты в государстве представляют интересы разных социальных групп общества. Последовательное их отстаивание депутатами позволяет формировать правительство большинства, интересы которого во многом соответствуют прогрессу. Контроль над правительством и строгое следование политике, выработанной и одобренной парламентом, позволяют снимать острые противоречия между различными группами общества. Отсутствие органа государственной власти, обеспечивающего контроль над исполнительным органом власти, приводит к злоупотреблениям со стороны государственной бюрократии. Нарушение законов справедливости вызывает протесты со стороны общества, переживание государством кризиса и стагнации. Функционирование представительного органа власти зависит от граждан государства, их политической сознательности, политического опыта и гражданской ответственности за судьбу своего государства и общества. Воспитание гражданской ответственности за демократические процессы в современном Российском государстве без представительных органов власти невозможно.

Цель — рассмотреть объективные и субъективные причины, не позволившие органам самоуправления, которые в разные исторические периоды представляли интересы социальных групп общества в государстве (вече, Боярская дума, Земский собор, Государственный совет Российской Империи, Верховный Совет СССР), стать подлинными органами законодательной власти в Русском государстве.

Материалы, результаты и обсуждение

Вече как предпарламент в Древнерусском государстве. История формирования и развития государственности у восточных славян связана с появлением соседской общины и постепенным созданием надплеменных институтов управления, а также возникновением Древнерусского государства. Активный процесс развития

государственных институтов начинается с приглашения на княжение представителей варяжского рода Рюриковичей в IX в. Киевская Русь в IX–XIII вв. являлась одним из наиболее развитых европейских государств. Древнерусское государство было полисубъектным, в котором субъектами политического процесса выступали различные социальные группы и институты. Система управления обществом была представлена полисубъектным четырехугольником: князь — вече — боярство — церковь [1, с. 37–49]. Князь в Древнерусском государстве олицетворял центральную власть и обеспечивал вертикальные связи различных социальных групп и территории своего княжества. Боярство представляло знатное сословие, обеспечивающее преемственность традиций во властной структуре древнеславянского общества. Церковь была идеологическим органом власти, контролирующим состояние религиозного сознания народа.

Важное место в полисубъектном политическом процессе занимало вече — одна из исторических форм прямой демократии на территории Древнерусского государства. Вече — это народное собрание для обсуждения общественных проблем в княжестве и определения средств и методов их решения. Вече возникло из опыта племенных собраний славян, и первое упоминание о нем как об институте городского самоуправления относится к 997 г. в Белгороде и содержится в «Повести временных лет» [2, с. 23–36]. Расцвет деятельности вечевых институтов приходится на период ослабления княжеской власти в эпоху феодальной раздробленности и связан с усилением роли горожан в политической жизни. В летописи вече упоминается: в Новгороде Великом — 1016 г., в Киеве — 1068 г., во Владимире-Волынском — 1097 г., в Звенигороде — 1147 г., в Ростове — 1157 г., в Суздале — 1157 г., во Владимире-на-Клязьме — 1157 г., в Полоцке — 1159 г., в Переяславле — 1175 г., в Рязани — 1177 г., в Смоленске — 1185 г.¹

В мировой истории многие народы, находящиеся на указанной стадии развития, в различных формах реализовывали подобные институты власти. Например, в Древней Греции экклесии (народные собрания) выступали высшим органом государственной власти. В Англии уже в VII в. возник витенагемот — народное собрание, представляющее интересы англосаксонской знати. Этот институт на протяжении четырехсот лет вместе с королем принимал важнейшие решения по развитию общества и государства². Поэтому можно согласиться с Ю. Пивоваровым и А. Фурсовым, что вся властная пирамида Древнерусского государства и правящий класс повторяли процессы, происходившие в тот исторический период и на территории Западной Европы [1, с. 37–49].

На разных территориях Киевской Руси вече как орган общественного самоуправления проявляло различное влияние на решения институтов государства. На юге и юго-западе, в Галицко-Волынских землях, возникает

¹ Баранов Н. Лекция 2. История народовластия в России. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-teorii-demokratii-i-demokraticeskij-tranzit/312-lektsiya-2-istoriya-narodovlastiya-v-rossii> (дата обращения: 10.03.2025).

² Бондаренко Ф. История вече. Русский демократический институт Средневековья. URL: <https://vk.com/@empireorder-istoriya-veche-russkii-demokraticeskii-institut-srednevekov> (дата обращения: 20.02.2025).

аристократическая республика с сильной боярской властью. На северо-востоке, в Ростово-Суздальских, Рязанских землях, начинает доминировать княжеская власть. В этих регионах вече играло второстепенную роль при принятии решений по вопросам развития государства и общества. И только на северо-западе, в Новгородской, Псковской, Полоцкой и Смоленских землях, вече начинает доминировать во властной структуре Древнерусского государства³.

Почему именно на северо-западе Древнерусского государства вече начинает играть доминирующую роль? По нашему мнению, это связано с разным типом хозяйствования. На юге, юго-западе и северо-востоке наибольшее распространение имело земледелие и основную прибыль собственники получали от земельной ренты. В то время как на севере и северо-востоке преобладали торговля и рынок, поэтому основная прибыль состояла в форме капитала. Отличие капитала от ренты заключается в том, что рента является доходом, получаемым владельцем имущества или земли, а капитал показывает степень эффективности работы собственника за отчетный период. Капитал требует реализации основных условий своего существования, таких как частная собственность, рынок, закон. Закон выступает необходимым условием, обеспечивающим гарантии собственника в сохранении своего капитала. Это приводит к необходимости контроля со стороны собственника над деятельностью всех ветвей власти. Важным элементом в структуре власти служат выборные органы, представители которых отвечают за принятые решения перед своими избирателями. В таких обществах выборные органы власти начинают играть если не ведущую, то очень важную роль. Северо-восточные земли Древнерусского государства, обеспечивая удовлетворение основных субъектов экономической деятельности, объективно пришли к форме управления, где доминировало вече — орган власти, избирающий представителей, отвечающих за создание условий развития экономики и обеспечение безопасности. Историки отмечают, что Новгород с XIII в. был стратегическим и торговым партнером Ганзейского союза, что позволяло ему активно заниматься торговлей со странами Западной Европы и получать от этого значительные дивиденды.

Участниками вече в Новгороде были «мужи» — главы всех свободных семейств в сообществе (племени, поселения, княжества). Их права на вече могли быть равными или различаться в зависимости от социального статуса. В случае смерти мужа на вече его заменяла жена. Некоторые исследователи считают, что в Новгороде вече как представительный орган народа имело законодательные функции. «Вече, — пишет Н. А. Рожков, — было единственным и неограниченным носителем законодательной власти, оно руководило финансами, объявляло войну и заключало мир, утверждало договоры с иностранцами, вело суд по политическим и должностным преступлениям» [цит по: 3, с. 5].

Организаторами, руководителями и участниками вече, как правило, являлись юридически свободные люди и высшие лица: князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы. Государственное управление Новгородом осуществлялось через систему вечевых органов: в Новгороде существовало общегородское вече, отдельные части города созывали свои вечевые собрания. Высшими правительственными лицами в Новгороде были посадник и тысяцкий. Посадник избирался из самых влиятельных бояр на определенный срок. Власть посадника, как и власть князя, имела общегородское значение. Выборы князя и посадника являлись прерогативой городского собрания. Будучи посредником между князем и народом, посадник руководил совещаниями вече, от имени Новгорода вел переговоры с другими княжествами и зарубежными государствами, а также заменял князя в его отсутствие. Тысяцкий избирался из небоярского населения Новгорода. Во главе Новгородской церкви стоял епископ, который принимал участие во всех важных гражданских делах, имел свой суд и собственный штат [4, с. 8].

Причины, не позволившие в русской политической системе сформироваться представительным органам власти с законодательными функциями. Естественно-исторический путь развития Древнерусского государства был нарушен татаро-монгольским нашествием в XIII в. На территории бывшей Киевской Руси образовались три центра, которые стали развиваться независимо друг от друга, используя разный исторический опыт народов и государств, контролировавших эти земли. На юге и юго-западе прежней Киевской Руси, на территориях Великого Княжества Литовского и Польского королевства, сохранялись вечевые институты власти. Северо-восточные земли Киевской Руси были завоеваны и оказались под контролем государства Золотая Орда, которое продолжало восточные традиции единоличной власти хана с ограничением институтов гражданского общества. В течение более двухсот лет правящий класс северо-восточных земель Древнерусского государства перенимал опыт управления государством и обществом с сильной вертикальной властью хана, что приводило к постепенному забвению традиций вечевого управления. В результате власть Великого князя Московского на этих землях приобрела доминирующее значение. Москва, став лидером процесса объединения русских земель, начала навязывать свою управленческую модель, основанную на сильной власти князя, всем территориям под своим контролем.

Формировалась новая система экономического, социально-политического и духовного управления русскими землями, которая впоследствии вылилась в русское самодержавие. «Здесь, — пишут Ю. Пивоваров и А. Фурсов, — появилась Самодержавная власть, единая и неделимая, качественно однородная и по сути единственная. Причем единственная не только как власть,

³ Вече как демократическое начало в Киевской Руси. URL: https://revolution.allbest.ru/law/00888323_0.html (дата обращения: 15.01.2025).

но и как субъект (моносубъект)» [1, с. 134–149]. Данный тип политического режима стал господствующим на землях северо-восточных княжеств под руководством Москвы, что имеет как объективные, так и субъективные причины. Во-первых, государству требовались значительные материальные ресурсы для решения общегосударственных задач. Низкое плодородие почвы не позволяло собирать высокие налоги с населения, следовательно, необходимо было сосредоточить в руках государства большую часть земель — основное богатство страны, лишив при этом права на собственность других субъектов экономической деятельности, бояр, свободных крестьян, церкви [5, с. 152]. Во-вторых, опыт нахождения под властью Золотой Орды убедил русских князей, что с сепаратистскими движениями отдельных княжеств будет легче бороться, опираясь на сильную центральную власть [6, с. 80–98]. В-третьих, на формирование особой природы Московского государства оказали влияние особенности вотчинного хозяйства, распространенного в северо-восточных землях Киевской Руси. Вотчинник рассматривал землю и всех, кто на ней трудился, как собственность, принадлежащую ему. Никакие институты самоуправления, которые были бы независимы от его воли и с которыми он должен был согласовывать свои решения, в этих землях не приживались [7, с. 83–115].

В XVI в. после присоединения Новгорода и Пскова к Московскому княжеству прекращает свое существование вечевая система органов власти и на историческую арену выходят иные органы самоуправления, обеспечивающие взаимодействие власти и общества. Природа этих органов обуславливается иной социальной структурой общества. Именно она начинает определять природу органов самоуправления в государстве и диктовать им свои интересы. Эти институты власти теряют свою субъектность и становятся придатками центральной власти в Русском государстве. «В XVI–XVII веках, — пишут Ю. Пивоваров и А. Фурсов, — складывающаяся Русская Власть лишила значимой субъектной энергии все то, что с киевских времен выступало в роли исторических субъектов: церковь, боярство, удельные княжества и т. д.». В русском обществе формируется социальная структура, представленная властью, популяцией и лишними людьми [1, с. 134–149]. Власть и привластные группы контролируют все ресурсы в государстве, определяют основные направления развития и диктуют свои интересы всему обществу. Любая самостоятельность ограничена экономической зависимостью от власти. «Лишние люди» — экономически независимые от власти субъекты хозяйственной деятельности, но их ресурсная база несопоставима с возможностями государства, в связи с чем они не могут навязывать свои интересы. Вопрос формирования договорного государства на этих основаниях в русском обществе не может быть решен. Здесь появляются институты общества, выполняющие не законодательные, а совещательные функции. Таким образом, если в Киевской Руси еще существовали предпосылки превращения вече из совещательного органа власти в законодательный, как в Новгороде, то в Московском государстве такие возмож-

ности отсутствовали. Последующая история Русского государства связана с наличием при власти совещательных органов и отсутствием представительных.

Органы управления Российского государства, выполняющие функции исполнительных органов власти. Заметное место в истории Русского государства как орган управления государственными и общественными делами занимает Боярская дума. Боярская дума, будучи государственным органом, совместно с княжеской властью занималась управлением в Древнерусском государстве. Об этом упоминается митрополитом Илларионом в его известном произведении «Слово о законе и благодати». Он отмечал, что при великом князе Владимире существовал совет, включавший представителей высшего духовенства, старшей дружины, советников князя и наиболее приближенных и доверенных лиц, в терминологии тех лет «княжьих мужей». На протяжении XIV–XVII вв. Боярская дума активно участвовала в решении вопросов, необходимых для развития русского общества. По социальному составу она представляла собой узкую корпорацию из представителей правящего класса. В сфере полномочий Боярская дума выполняла преимущественно совещательные функции при государе. «В большинстве случаев, — пишет В. А. Шеховцов, — Боярская дума была учреждением не самостоятельным, а вспомогательным и имеющим определенные совещательные функции при государе» [8, с. 900; также см.: 9, с. 17].

В середине XVI — конце XVII вв. формой самоуправления являлся Земский собор — центральное сословно-представительное учреждение России. Земские соборы созывались царем, а в его отсутствие — митрополитом (позже патриархом) и Боярской думой. Они обсуждали важнейшие государственные вопросы, особенно в области внешней политики, чаще всего связанные с опасностью войны, необходимостью собрать войско и средства для ее ведения. Первый собор был созван царем в 1549 г. для решения вопроса об отмене системы кормлений. Второй собор состоялся в 1566 г., на котором обсуждалась необходимость продолжения Ливонской войны. В 1598 г. Земский собор избрал царем Бориса Годунова, а в 1613 г. Михаила Романова и завершил Смутное время. Б. Н. Чичерин отмечал, что «характер Земских соборов оставался чисто совещательным: они созывались правительством при необходимости получить совет по определенному делу. Прекращение их существования не было связано с сословной борьбой или опасением монархов, а произошло из-за внутреннего ничтожества» [10, с. 536, 560].

На протяжении XVII — первой половины XIX вв. российский правящий класс предпринимал несколько попыток создания в системе властных полномочий государства органов представительной власти, которые доказали свою эффективность в ряде стран Европы. Летом 1767 г. по инициативе Екатерины II в Москве была собрана «Комиссия для составления нового уложения», которая работала с 1767 г. по 1771 г. Однако, видя глубинную противоречивость между дворянами и крестьянством, Екатерина II свернула работу комиссии под предлогом начала русско-турецкой войны [11, с. 5].

Масштабные реформы государственной власти предлагал провести М. М. Сперанский. В 1809 г. по поручению императора Александра I он подготовил проект государственных преобразований в России «Введение к уложению государственных законов», в котором предлагал разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Государственная дума должна была возглавлять законодательную ветвь власти, правительство, состоящее из министров, — исполнительную, а сенат должен был стать главным судебным органом. Государственная дума предполагалась как выборный орган власти, участие в выборах могли принимать только собственники недвижимости. Однако император быстро охладел к реформам и проект был закрыт, а М. М. Сперанский был сослан в свое имение. Из предложенных Сперанским реформ были одобрены и реализованы лишь те, которые касались создания Государственного совета и завершения министерской реформы. В 1810 г. был создан высший законосовещательный орган — Государственный совет.

В течение всего XIX в. представители власти и различные социальные группы предлагали конституционные реформы, но они так и не были проведены. Причины этого явления следует искать в социальном составе российского общества. Господство помещичьего землевладения и крепостное право крестьян были главным тормозящим фактором для проведения конституционных реформ в России. Если класс помещиков был напрямую не заинтересован в изменениях, то крестьяне, будучи несвободными и неграмотными, не понимали значения нового устройства государства в своих интересах.

Глубокие реформы, проведенные императором Александром II во второй половине XIX в. в Российской империи, охватили многие стороны жизни государства и общества. Отмена крепостного права, земская, военная, образовательная реформы радикально изменили основы русской жизни. К началу XX в. сформировались экономические классы: буржуазия и пролетариат. Это были уже не прежние сословия, чье бытие зависело от лояльности к власти, а субъекты экономической деятельности, существование которых обуславливается их успехами или неудачами на рынке. Начинают возникать политические партии, защищающие интересы определенных социальных групп и классов в обществе. К концу века в России сложились как объективные, так и субъективные предпосылки для проведения глубоких политических реформ, основной целью которых было создание представительного органа власти. Буржуазно-демократическая революция в России 1905–1907 гг. решила эту задачу. Высочайший Манифест об утверждении Государственной Думы от 6 августа 1905 г. предлагал создание в структуре власти выборной Государственной думы. Это был первый выборный законодательный орган власти в истории Российского государства. Устанавливалось, что ни один закон не может вступить в силу без одобрения Думы. Российская империя медленно, но верно шла по пути формирования правового государства с предоставлением широких прав своим гражданам. Успехи не замедлили сказаться: к 1914 г. российское общество динамично

развивалось, а по некоторым показателям в экономике начинало выходить на передовые позиции в мире.

Однако Первая мировая война и революция 1917 г. остановили этот процесс. Приход к власти партии большевиков и строительство социалистического государства в России опрокинули все демократические завоевания русского общества. Советское Социалистическое государство строило новую политическую систему, в которой вся власть принадлежала одной партии, защищавшей интересы рабочего класса и трудового крестьянства. Особенностью Советов как законодательного органа власти было то, что они осуществляли одновременно как законодательные, так и исполнительные функции. Исполнительные комитеты власти и отделы управления подчинялись местным Советам, которые их формировали, но при этом были подотчетны и вышестоящим Советам. Действовал принцип демократического централизма, сочетавший принципы выборности, сменяемости, подотчетности, инициативы, самоуправления, гласности и свободы критики с централизацией и дисциплиной, руководством из единого центра. Выборы не были конкурентными; кандидатами могли быть только члены КПСС или беспартийные, поддерживающие программу и деятельность партии. Советы признавали руководящую роль коммунистической партии в обществе, что лишало их самостоятельности и возможности представлять интересы социальных групп, несогласных с политикой партии. В рамках формально избираемого представительного органа власти, который должен был защищать интересы избирателей, Советы превратились в один из инструментов коммунистической партии. Авторитет Советов в обществе снижался, недоверие к их деятельности со стороны избирателей падало, что в итоге привело к кризису советской системы, упраздненной в 1991 г. вместе с Советским государством.

Современная Россия, принявшая Конституцию на всеобщем голосовании в 1993 г., провозгласила себя правовым, демократическим, социальным государством с разделением власти. Высшим законодательным органом является Федеральное Собрание, состоящее из двух палат: Государственной Думы и Совета Федерации. Фундаментальное развитие российского парламентаризма подтверждается конституционным положением о том, что «народ суверен и источник власти». Современный российский парламентаризм имеет следующие признаки: представительный характер, осуществление законодательной власти и недопустимость делегирования законодательных полномочий парламента другим структурам, принцип большинства, публичность обсуждения. Развитие парламентаризма в России сталкивается с рядом как объективных, так и субъективных трудностей. Во-первых, следует отметить отсутствие в истории России опыта развития парламентаризма, что приводит к недоверию граждан к представительному институту власти и непониманию его значимости для реализации собственных интересов. Во-вторых, традиции сильной исполнительной власти, способной эффективно решать общественные вопросы, препятствуют вступлению пар-

ламентариев в конфликты с ней. В-третьих, избиратели не всегда осознают свои интересы и не стремятся защищать их через избранных представителей в парламенте. В-четвертых, остро ощущается недостаточная развитость институтов гражданского общества.

Таким образом, анализируя историю становления представительных органов власти в России, можно заключить, что лишь в начале и в конце XX в. российское общество начало осваивать опыт работы представительных органов власти в государственной структуре. Первый опыт был прерван Октябрьской революцией 1917 г., второй развивается на современном этапе. Успешность этого процесса определит будущее правового государства в России, где граждане через законодательную ветвь власти получают основания для контроля над деятельностью исполнительной.

Выводы

1. Политическая система Древнерусского государства имела как объективные, так и субъективные предпосылки формирования представительных органов власти с законодательными функциями, развиваясь в этом направлении параллельно с рядом европейских стран. Однако зависимость от Золотой Орды и особенности формирования государственной власти в княжествах Северо-восточной Руси определили иной путь развития, политическая система которой отрицала институты государства с законодательными функциями власти.

2. Радикальные реформы, проведенные в России в середине XIX в., сформировали объективные условия, результатом которых стали необходимость реформирования политической системы и появление в ее структуре представительного органа власти с законодательными функциями. Выборы в Государственную Думу России в 1906 г. подтвердили важность данного органа власти в эффективном управлении российским обществом и государством.

3. Современная Россия, закрепившая в Конституции принцип разделения власти и ведущую роль Федерального Собрания в законодательном процессе, пошла по пути формирования правового государства. Гарантией данного процесса будет выступать последовательное соблюдение принципа выборности, сменяемости власти и ее ответственности перед гражданами государства.

Область применения и перспективы. Дальнейшее исследование данной темы позволит выяснить причины отрицательного отношения большей части современного российского общества к демократическим принципам устройства политической системы государства. Господство «гражданина-подданного» в системе общественных отношений современной России должно быть преодолено в пользу утверждения в обществе «гражданина-творца». Это возможно только при условии, если в обществе будут господствовать частная собственность, закон и свобода.

Список источников / References

1. Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4. С. 137–149.
2. Байнова М. С. История государственного управления в России : учеб. пособие. М., 2005. 236 с.
3. Халевин Н. В. Новгородские вечевые собрания в историографии новейшего времени // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 7. С. 3–21.
4. Овчинников И. А., Бойко Н. А. Народовластие в истории государственности России: политические и правовые традиции // Философия права. 2016. № 5(78). С. 7–11.
5. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. 572 с.
6. Давыдов А. П. Россия: социокультурные основания московско-ордынского политарного властно-управленческого комплекса (XII в.–1917 гг.). Введение в постановку проблемы реформирования российской политарности // Политическая концептология : журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 80–98.
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. с англ. В. Козловского. М., 1993. 422 с.
8. Шеховцов В. А. Зарождение отечественного парламента: первые шаги // Lex Russica (Русский закон). 2013. Т. 95, № 8. С. 898–905.
9. Гаврилов А. А. Генезис Боярской думы как высшего органа государственного управления Русского государства в XVI–XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 2(63). С. 13–19.
10. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899. 810 с.
11. Савенков Л. В. История народного представительства в дореволюционной России // Вестник Военного университета. 2010. № 4(24). С. 168–175.

Поступила 21.03.2025; одобрена после рецензирования 30.03.2025; принята к публикации 30.06.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 347(47+57)18 © Алафьев М. К., Ревягин А. В., Алафьев К. М., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-365-371

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Полицейские меры против раскола в русской православной церкви в период правления Николая I (1825–1855)

Михаил Константинович Алафьев, кандидат исторических наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и экологии¹; alafev55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6074-4704>

Александр Валерьевич Ревягин, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и профилактики преступлений²; rav090@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4523-5890>

Константин Михайлович Алафьев, старший инспектор³; radioalafev@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1256-712X>

¹ Омский государственный университет путей сообщения, 644046, Омск, пр-кт Маркса, 35, Россия

² Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

³ Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка МВД России, 119049, Москва, ул. Житная, 16, Россия

Реферат. Введение. На основе изучения и анализа широкого круга источников в статье рассматриваются меры полицейских органов по пресечению и нераспространению влияния раскола в русском православном мире. Внимание уделено особенностям религиозной политики, проводимой Николаем I в рамках провозглашенного в стране курса, вошедшего в историю под названием «теория официальной народности». **Материалы и методы.** В работе с законодательными источниками, литературой научного характера, опубликованными статистическими данными, архивными, справочными и интернет-материалами преимущественно использовались системный и историко-сравнительный методы анализа привлеченного перечня источников. **Результаты и обсуждение.** Вопреки мнению, бытующему в отечественной историографии, период с 1825 г. по 1855 г. не был столь однозначным. С одной стороны, меры репрессивного характера, полицейский надзор, преследование раскольников, с другой — во многих регионах наблюдались «приемлемые», с точки зрения либерально настроенных представителей государственной власти, отношения между старообрядцами и светской властью, церковью, православным обществом. В 30-х гг. XIX в., в ходе кодификационного «упорядочения» российского права, было приведено в соответствие законодательство о старообрядцах. В это же время было положено начало более основательному изучению старообрядчества как социально-политического и религиозного явления. Под эгидой МВД губернские власти и органы полиции на местах изучали различные аспекты старообрядческого общества, формировали статистические данные, что позволило коронной власти иметь достаточно объективную картину состояния староверия и проводить по отношению к нему более «выверенную» политику. **Выводы.** Выявлены особенности и основные направления религиозной политики Николая I, приведена законодательная база, дававшая основания полицейским органам отправлять свои профессиональные функции по отношению к расколу.

Ключевые слова: старообрядчество, раскол, Николай I, религиозная политика государства, православная церковь, полицейские меры

Для цитирования: Алафьев М. К., Ревягин А. В., Алафьев К. М. Полицейские меры против раскола в русской православной церкви в период правления Николая I (1825–1855) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 3(102). С. 365–371. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-365-371>

Scientific and Theoretical Article

UDC 347(47+57)18 © Alafiev M. K., Reviagin A. V., Alafiev K. M., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-3102-365-371

5.1.1. Theoretical and Historical Law Sciences

Police Measures against the Split in the Russian Orthodox Church during the Reign of Nicholas I (1825–1855)

Mikhail K. Alafiev, Candidate of Science (in History), Associate-Professor at the chair of Valeology and Ecology¹; alafev55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6074-4704>

Alexandr V. Reviagin, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Criminology and Prevention of Crimes²; rav090@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4523-5890>

Konstantin M. Alafiev, senior inspector³; radioalafev@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1256-712X>

¹ Omsk State Transport University, 35, Marx pr., Omsk, 644046, Russia

² the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

³ The Main Directorate for Public Order Maintenance of the Russian Ministry of Internal Affairs, 16, Zhitnaya st., Moscow, 119049, Russia

Abstract. Introduction. The measures of police authorities for suppression and non-proliferation of influence of split in the Russian orthodox world are under consideration. The focus is made on the peculiarities of religious policy conducted by Nicholas I within the framework of the course proclaimed in the country, which entered into history under the name «theory of official nationality». **Materials, Results and Discussion.** Contrary to the opinion of the domestic historiography, the period from 1825 to 1855 was not so unambiguous. On the one hand, there were repressive measures, police supervision and prosecution of splitters, on the other — in many regions, there were often relations between old-believers and secular power, church and orthodox society «acceptable» from the point of view of liberal-minded representatives of state authorities. Since the 1830s, in the course of the codified «regular-

ization» of Russian law, the legislation on old-believers was brought into line. At the same time, a more thorough study of Old Belief as a socio-political and religious phenomenon was initiated. Under the auspices of the Ministry of Internal Affairs, provincial authorities and local police bodies investigated various aspects of the Old Belief community, formed statistical data, which allowed the Crown to have a sufficiently objective picture of the state of the Old Belief and conduct more «adjusted» policy concerning it. **Conclusions.** The authors reveal the features and main areas of religious policy conducted by Nicholas I, give the legislative basis which allowed the police to administer their professional functions with regard to the split.

Keywords: the Old Belief, split, Nicholas I, religious policy of the state, Orthodox Church, police measures

Citation: Alafiev M. K., Reviagin A. V., Alafiev K. M. Police Measures against the Split in the Russian Orthodox Church during the Reign of Nicholas I (1825–1855). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 3(102). Pp. 365–371 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-3102-365-371>

Основные положения

1. Вероисповедная политика при Николае I (1825–1855) приобрела кардинально новые очертания, направленные на «обеспечение религиозно-духовной безопасности государства». Необходимость проведения намеченного курса самодержец обосновывал чрезмерной либерализацией общественно-политической атмосферы российского общества, особо лояльным отношением своего предшественника, Александра I, к расколу¹.

2. Ревизия либерализма нашла свое воплощение в теории «официальной народности» как государственной программы политического курса страны. Следуя этой «программе», Николай I полагал, «что для борьбы с расколом нужна система строгая, энергичная, могущая потрясти раскол в самом его корне»².

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Более чем двухвековая история «никоновской» реформы свидетельствует о диаметрально противоположных подходах в ее разрешении. Конфессиональная политика, ее характер и методы реализации могли не только диктоваться объективной государственной необходимостью, но и зависеть от воздействия субъективных воззрений самодержца как главного охранителя незыблемости русского православия. Период правления Николая I, его понимание раскольнического явления в православии стали продолжением его династических предшественников — Алексея Михайловича, Петра Алексеевича, расценивающих старообрядчество как «отступничество от православной веры» [1]. Ужесточение конфессиональной политики второй четверти XIX в. вызывалось, как полагал Николай I, объективной реальностью последствий не только легализации раскольников-старообрядцев, но и роста «сект мистического христоверия» — скопцов, хлыстов, духоборов, представителей других толков.

В качестве предмета данного исследования выступают меры государственной политики в отношении старообрядцев-раскольников в годы правления Николая I. Деятельность МВД, органов полиции на местах рассматривается в качестве механизма реализации предпринимаемых государством мер. Исследуются законодательная база, компетенции и правовые основания деятельности органов полиции по ограничению распространения влияния расколичества.

Цель — особенности реализуемого Николаем I конфессионального курса Российского государства в рамках провозглашенной им «теории официальной народности»; анализ функционирования МВД, органов полиции на местах по противодействию распространения раскола.

Материалы и методы

В процессе работы с источниками законодательного характера, научной литературой, опубликованной статистической информацией, архивными, справочными и интернет-материалами применялись как системный, так и историко-сравнительный методы анализа. Данные методы способствовали комплексно и объективно рассмотреть предмет изучения, обнаружить особенности конфессиональной политики Николая I, компетенции и правовые основы деятельности полицейских органов Российской империи по пресечению и нераспространению влияния раскола.

Результаты и обсуждение

Период царствования Николая I, методы и результаты проводимого им в стране и обществе политического курса занимали и продолжают притягивать внимание исследователей многих направлений гуманитарной сферы. Не стала исключением вероисповедная политика государства против раскольников. К фундаментальным исследованиям по данной проблематике историко-правового характера XIX–XX вв. следует отнести работы С. П. Мельгунова, Г. П. Добротина, Н. И. Ивановского [2–4]. Период конца 1990-х — 2000-х гг. характеризуется появлением ряда исследований, посвященных анализу государственной политики в отношении раскола, реализуемой в отдельных регионах и на окраинах Российского государства. Исследователи И. Р. Латыпов, С. В. Васильева, В. А. Рябцева изучали этапы и процессы заселения и дальнейшего освоения старообрядцами таких регионов, как Урал, Западная Сибирь, Забайкалье [5–7]. Значительная часть исследований С. А. Лукьянова, Ю. В. Сидоркина, И. В. Гурлева посвящена рассмотрению деятельности российской полиции в реализации вероисповедной политики, проводимой коронной властью [8–10]. Несомненно, введение в научный оборот новых источников по данной проблематике, в целом изучение роли отдельных институтов государственной власти в реализации вероисповедной политики, одним из которых является российская полиция, обосновывает значимость изучения рассматриваемой темы.

¹ Об отношении к расколу церкви, правительства и общества // Из чтений Московского Общества любителей духовного просвещения. М., 1868. С. 28.

² Полное собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание второе (1825–1881). Т. 1. СПб., 1830. С. 590–591.

Тридцатилетнее правление Николая I вошло в отечественную историографию как время наивысшего расцвета самодержавной власти. Развитие общественно-политической жизни российского общества происходит в русле национальных традиций, в основе которых «православие, самодержавие, народность», являющие собой национальные скрепы, незыблемость монаршей власти. Политика «теории официальной народности», таким образом, закрепляет за «официальным» православием господствующее положение в обществе. Император исходил из того, что лучшим лекарством от революционных настроений, брожений «декабризмом» в самой России, от проникновения западных якобинских идей может послужить обращение народа к истинному православию. По мнению российского мыслителя М. А. Полиевктова, борясь за чистоту православия, государь стремился сохранить основы политического строя, «создать путем законодательных... и административных мероприятий преобладающее положение для православного исповедания» [11, с. 233].

Как известно, разделение некогда единой церкви на старообрядцев (староверов) и новообрядцев (никониан) стало следствием проведенной патриархом Никоном церковной реформы XVII в. С начала раскола официальная власть, одобрявшая реформу церкви, применяет к староверам различные меры воздействия, включая репрессивные. К противникам никонианства власть применяла нормы Соборного уложения 1649 г., предусматривающие смертную казнь за преступления против православия и самой церкви. Физическое преследование старообрядцев, изъятие имущества, высылка с мест проживания нередко заканчивались единичными и массовыми самосожжениями верующих. Одной из мер спасения от преследования со стороны власти и церкви стало бегство староверов в «пустыни», необжитые окраины, глухие места Сибири, Якиа и Дона, Поморья и Заволжья.

Происшедшее в жизни православной церкви коронная власть и церковь объявили расколом, а старообрядцев вплоть до революции 1905 г. официально нарекли раскольниками.

Со времен принятия православия конфессиональная политика, методы ее проведения коронной властью диктовались складывающимися объективными условиями внутренних и внешних факторов, особенностями развития внутриконфессиональной жизни в самом русском мире. Исходя из имеющихся обстоятельств, отношение, характер и механизмы проводимой политики к старообрядцам также менялись, что, несомненно, накладывало отпечаток на деятельность правоохранительных органов страны.

К исполнительным органам созданного в 1826 г. III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК), высшего органа политической полиции Российской империи в правление Николая I, были отнесены организации, воинские силы Корпуса жандармов. Из пяти экспедиций III Отделения СЕИВК второй поручалось контролировать религиозные секты,

проводить негласные следственные действия в среде старообрядцев, в целом осуществлять «действенные меры» по пресечению раскола. Начиная с 1819 г. делами об общинах старообрядцев занималось МВД, продолжившее играть основную роль и в правление Николая I. В 1826 г. коронная власть отдает приказ губернаторам вести статистический учет раскольников. Ежегодно к 1 января губернаторам вменялось предоставлять статистические отчеты о количестве староверов в III Отделение. В губернии, наибольшее сосредоточение скрывающихся раскольников, откомандировывались чиновники МВД для «изучения дел на местах».

В период с 1838 г. по 1852 г. работа с раскольниками значительно расширяется: помимо формирования статистических сведений, власть создает и губернские Совещательные комитеты, призванные «более досконально изучать раскол». Государственная власть осуществляет «всестороннее изучение старообрядчества» с разработкой мер противостояния с раскольническими группами.

С 1853 г. по 1855 г. на основе всестороннего изучения расколичества государство проводит реализацию радикальных мер борьбы с этим явлением.

Таким образом, обозначенные политические вехи к носителям старой веры свидетельствуют об ужесточении кардинально изменившегося внутривнутриполитического курса России второй четверти XIX в. Так, после завершения политического процесса над организаторами декабрьского мятежа в апреле 1826 г. в МВД для руководства к действию поступает рескрипт № 277 «Об истребовании от чиновников обязательств о не состоянии в тайных обществах», по которому монаршей волей запрещалось наличие в империи каких-либо тайных обществ. Двумя месяцами позже этого же года начинает действовать закон № 403 «Устав о цензуре», ограничивающий влияние запрещенной в стране литературы, поступающей из Европы. В принятом двумя годами позже, уже обновленном «Уставе о цензуре» появились дополнительные статьи, запрещающие любые сочинения, подрывающие «основы русской православной веры» [12].

Расценивая проводимую политику своего предшественника к раскольникам чрезвычайно мягкой, монарх прекращает действие его узаконений, а сам начиная с 1830-х гг. проводит тактику наступления на лидеров и идеологов староверов, предписывает полиции отыскивать и уничтожать принадлежащие им скиты, монастыри, избы-молельни, прививая тем самым в сознании людей «нелегитимность» такого явления, как раскол. Сам факт принадлежности к расколу дает господствующей власти право лишать таковых прав гражданства, не признавать законность рождения их детей, запрещать действие раскольнических школ.

Политика ужесточения, применяемая к раскольникам, лично формулировалась и могла корректироваться Высочайшими повелениями монарха. В МВД «Собрания постановлений по части раскола» изобилуют множеством таких «повелений», имевших силу закона и применяемых полицией к исполнению. Так, в октябре 1830 г. Николай I повелевал прибывающих на поселение в Закавказье

староверов не «скупивать в одном месте», а расселять малыми группами, «не составляя из них особой области». Заботясь о пресечении воздействия внешнего влияния на раскол, в сентябре 1834 г. царь предписал «не впускать в пределы государства» староверов-чужестранцев. В марте 1835 г. по повелению монарха закрываются училища для детей-подростков в Москве, так как среди преподавателей были раскольники. Резолюция гласила «исполнить с осторожностью и без насилия», детей, у которых есть родители, «раздать» на их попечение, а остальных надлежало определить в кантонисты.

Собрания постановлений содержат значительное число «повелений» непосредственно полицейским органам на местах. Например, в марте 1836 г. руководству Архангельской и Олонецкой губерний вменялось, чтобы их чиновники систематически посещали жилища староверов, обеспечивали неукоснительное исполнение ими законов по части раскола, а становому приставу Олонецкой губернии при Выгорецком старообрядческом центре надлежало нести службу при нем на постоянной основе³. От полиции на местах монарх требовал усилить надзорные меры за староверами, обязывал отслеживать, чтобы проживающих среди православных раскольников не выдвигали в органы крестьянского самоуправления, не допускать, чтобы они выступали свидетелями в судебных процессах. Мерами разъяснительной работы требовал «возвращать» раскольников в лоно православия; не допускать, чтобы староверы «совращали заблудших» в свою веру, не крестили, не вступали в брак. Погребение раскольников согласно их обряду допускалось только для взрослых. Детей раскольников надлежало крестить по православному обряду. Крещенные «по православию» дети не должны были причисляться к старообрядцам. Монарх требовал установления строгих правил для обязательного посещения детьми церкви и соблюдения православных уставов⁴. За преступления против веры в марте 1837 г. царь повелевал ссылать в Сибирь староверов Кавказа и Закавказья.

Внутриполитический курс потребовал некоторых изменений в работе государственного механизма управления. В целях усовершенствования его работы, повышения исполнительской ответственности как в центре, так и на местах Николай I утверждает ряд законов. Так, 3 июня 1837 г. был принят «Общий наказ гражданским губернаторам», в соответствии с которым гражданский губернатор наделялся большими правами и, реализуя свои должностные функции, становился подотчетен перед МВД, Сенатом и государем-императором. Особую значимость документ отводил проблемам безопасности в вверенных им губерниях, в связи с чем предписывал губернаторам, в частности, регулярно предоставлять информацию о положении дел по вопросу о раскольниках в МВД, III Отделение СЕИВ канцелярию. «Положение

о порядке производства дел в губернских правлениях», принятое одновременно с Наказом, регламентировало действия губернских служащих с МВД и другими структурами коронной власти. Другим важным законом от 3 июня 1837 г. было «Положение о земской полиции», которое, как считал Николай I, организационно и кадрово должно укрепить МВД, а посредством повышения эффективности работы сельской полиции «будет обеспечиваться общественный порядок на селе». С вступлением в действие Положения уезд, являвшийся в полицейском отношении административной единицей, организационно подлежал делению на станы, главными в которых от МВД определялись становые приставы. Увеличение численности на селе становых приставов, призванных отвечать за «порядок и тишину» в своем стане, существенно расширяло спектр мер, применяемых в отношении раскольников⁵.

В 1838 г. на основании очередного «повеления» монарха «Об открытии секретно-совещательных комитетов в губернских городах» до 1856 г. в стране постепенно было открыто 22 таких комитета.

Создаваемые комитеты, как усматривала верховная власть, должны были «на местах» стать координаторами принимаемых и реализуемых мер губернского и епархиального руководства в делах о расколе. В состав создаваемых комитетов по регламенту в обязательном порядке входили губернатор, епархиальный архиерей, начальник палаты государственных имуществ и представитель жандармского ведомства. Сам факт образования таких организаций, состоящих из столь высокопоставленных представителей губернской власти, может свидетельствовать о важности проводимой политики по расколу для самого государя и его окружения. Вскоре после кончины Николая I секретно-совещательные комитеты были ликвидированы. Продолжительность функционирования данных структур позволяет вести речь о том, что царь лично, до последних дней пребывания на троне руководил ходом борьбы со староверами, праведно выполняя, как он понимал, свой священный долг самодержца православного государства.

В МВД также создавались ведомственные комиссии, которые занимались систематизацией, обработкой получаемых разного рода документов с мест; ими готовились циркуляры, инструкции, распоряжения, адресованные губернским органам полиции, в целях успешной реализации государственной программы борьбы с расколом. Монаршей властью министр полицейского ведомства наделялся правом самостоятельного разрешения частных вопросов, относящихся к расколу⁶.

Нормами права, регламентирующими функционирование полиции на местах, выступали кодифицированные законы о старообрядцах, вошедшие в «Полное

³ Обзор мероприятий Министерства Внутренних Дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 81–99.

⁴ Там же. С. 100–105.

⁵ ПСЗРИ. Т. 12, № 10303. СПб., 1830. С. 361.

⁶ Гонение на раскольников при Николае I. URL: [https://bibliotekar.ru/2-8-86-istoriya-rossii-19-veka-nikolay-1/40.htm#:~:text=\(дата обращения: 04.03.2024\).](https://bibliotekar.ru/2-8-86-istoriya-rossii-19-veka-nikolay-1/40.htm#:~:text=(дата обращения: 04.03.2024).)

собрание Законов Российской империи» (1830), «Свод законов Российской империи» (1832), подзаконные акты МВД, предписания министра внутренних дел, циркуляры губернаторов и др.

В принятом в августе 1845 г. «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года» второй раздел полностью состоял из норм, предусматривающих наказания за преступления против веры. Уложение содержало 58 статей, формулирующих различные аспекты преступлений против православия. Например, ст. 192 «Совращение из православия» предусматривала ссылку, клеймение, телесные наказания; ст. 206 «Раскольничество» определяла ссылку; ст. 210 «Насильственное распространение раскола...» — каторжные работы до 15 лет.

Важным направлением в действиях полицейских структур на местах против раскольников стал надзор за попами-старообрядцами, розыск беглых попов-проповедников, которые своими проповедями и распространяемой религиозной литературой способствовали «совращению» людей в раскол. Особенная канцелярия МВД «по секретной части» рассматривала дела о раскольнических священниках на основании имеющихся с мест донесений о беглых священниках, находящихся в разных местах при раскольнических молитвенных домах, церквях и часовнях. Так, в 1832 г. Омский земский исправник Чеусов докладывал на имя генерал-губернатора Западной Сибири об обнаружении в деревне Услагатской раскольнического священника Петра Андреева, прибывшего из Екатеринбурга, где он находился при старообрядческой церкви. При нем были найдены старообрядческие печатные и рукописные книги. Полиции на местах предписывалось «учинённых в преступлениях раскольнических священников высылать, если они не сделали уголовных преступлений, о чем губернаторы должны осведомляться у епархиальных архиереев»⁷. Архивные документы изобилуют большим количеством дел, связанных с расколом, каждое из которых, в зависимости от «степени общественной опасности», могло находиться на контроле у губернатора, МВД, Святейшего Синода или самого Николая I⁸.

Как уже отмечалось, с 1826 г. МВД установило для губернского начальства и полиции на местах правило ежегодных отчетов о количестве староверов, наличии у них моленных изб, храмов, другой касающейся раскольников информации. Между тем объективную картину о состоянии раскола в стране присылаемая из губерний информация составить не позволяла. Более того, МВД не имело возможности объективно разобраться в этом направлении даже по ряду российских губерний. Проанализировав свои ошибки, с 1842 г. МВД данную работу существенно конкретизировало, что позволило придать ей некий системный характер: губернии стали передавать в Особенную канцелярию МВД по секретной части Табели состояния старообрядцев. Такие отчеты содержали несколько обязательных граф, например: 1. «Состояло

старообрядцев — мужского, женского пола (на начало отчетного года); 2. Убыло: 1) в православие, 2) умерло, выбыло; 3. Прибыло: 1) уклонившихся от православия, 2) вновь родившихся; 3. Осталось старообрядцев — мужского, женского пола» (на конец отчетного года) и др.

Приводимая в обязательном порядке в Табеле статистика отражала положение по расколу в каждом губернском городе или уезде и тем самым позволяла МВД видеть и свои, и их результаты работы за год. Например, по Табелю состояния старообрядцев в Тобольской губернии за 1842–1843 гг. констатировалось: «состояло старообрядцев обоего пола в городах — Тюмени, Ялуторовска, Ишима, Омска, Тары — 1384 человека, в семи уездах — таковых насчитывалось 29 149 человек. Из числа староверов обращено в православие: из городских жителей — 1, из сельских — 186 человек; умерло в городах — 14, на селе — 182 человека». Графа «Прибыло» свидетельствует, что за счет «уклонившихся от православия» состав староверов увеличился на 231 человека, а число родившихся детей в семьях староверов составило 1145. На конец отчетного года всего по Тобольской губернии «осталось старообрядцев» обоего пола 31 768 человек, или 3,82% от всего состава населения⁹.

Статистические данные, поступающие с мест в МВД, не отражали реальной картины относительно распространенности раскола в целом по стране. Официальные сведения в каждом конкретном случае преуменьшали или преувеличивали цифры распространенности староверов в народе. Так, при сопоставлении с информацией, полученной раньше, численность раскольников в Ярославской губернии составляла около 15 тыс. человек, а по данным в Табелях, чуть ли не половина жителей этой губернии в той или иной степени была подвержена влиянию раскола и различных сект. Аналогичные расхождения по цифрам отмечались по Вологодской, Черниговской, Костромской, Тамбовской, Саратовской и другим российским губерниям. Авторитетный исследователь истории полиции России Н. В. Варадинов по этому поводу отмечал, что гарантировать правильность приводимой статистики нельзя: «Цифры эти... не должно принимать за математические количества, но следует их считать только выражением большего или меньшего раскольнического населения, и никак не более» [12, с. 381, 382]. Исходя из этого, можно допустить, что в то время как официальные сведения о количестве староверов и сектантов в период с 1826 г. по 1855 г. говорили о 700–800 тыс., то, по подсчетам генерала Н. Н. Обручева, имевшего доступ к работе с секретными правительственными данными, «число это не могло быть менее 8 млн. человек» [13, с. 159–179].

Столь разительные расхождения в данных о числе староверов во многом объясняются тайным характером сбора информации, практиковавшимся в МВД с начала создания этого министерства. Как известно,

⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 11.

⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 108. Л. 4–24.

⁹ Там же. Д. 32. Л. 22–33.

в годы царствования Александра I не только предназначение какого-либо комитета, но и сам факт его деятельности держался от общества в строгом секрете. Секретная деятельность создаваемых комитетов достигалась разными путями. Например, все документы рабочих заседаний комитета не разрешалось «проводить» через другие канцелярии; более того, особые документы надлежало писать «одной рукой», без привлечения сторонних чиновников, и др. Подобная практика продолжила свое развитие и при Николае I. МВД, направляя инструкции и циркуляры в губернские правления, неукоснительно требовало, чтобы вся проводимая работа по сбору данных о староверах осуществлялась полицией в «строгой секретности», «тайно», чтобы, как аргументировалось, «избежать ошибок и недовольства раскольников».

Более дифференцированный подход к социальному составу, «идейным течениям» движения раскола в полной мере следует рассматривать как особенность полицейской деятельности данного периода. Согласно утвержденной Кабинетом министров в 1842 г. классификации старообрядцы и различные группы сектантов стали делиться на «вреднейших», «вредных» и «менее вредных». К «менее вредным» были отнесены «поповцы», признававшие священства. По официальным данным, численность этой группы была значительной, так как ее представители в меньшей степени подвергались преследованию со стороны властей и потому от нее не скрывались. «Вредными» определялись «беспоповцы», которые не признавали священства, но не отвергали брак и молились за царя. В отношении этих групп полиция не предпринимала мер «на уничтожение», а осуществляла надзорную функцию, борясь с распространением их влияния. По определению Святейшего Синода, очень опасными для государства являлись группы иудействующих, молокан, духоборцев, хлыстов и скопцов [14].

К представителям общественно опасных сект полиция применяла меры ограничительного характера: им отказывалось в праве быть зачисленными в сословие мещан, выступать усыновителями или опекунами православных сирот; мужчинам запрещалось вместо себя нанимать в рекруты из числа православных. В 1850 г. при проведении девятой ревизии замужних женщин записывали в графу родителей, а их детей определяли в графу незаконнорожденных.

В 1852 г. утвержденный в должности министра внутренних дел Д. Г. Бибииков распорядился образовать в стенах полицейского ведомства очередной «особый комитет», который, как считал новый глава МВД, должен заниматься приведением в соответствие с «духом времени» поступающих материалов по делам о расколе. Несколько позднее, основываясь на выводах и предложениях «особого комитета», министр изложил видение МВД на решение вопроса о расколе. В частности, он предложил значительно ограничить действие и практику применения наиболее жестких норм законодательных актов, а реализацию мер по отношению к староверам предлагал «проводить постепенно».

Однако исходящие от министра инициативы не нашли отклик у ревностных приверженцев жестких мер в окружении как царя, так и его самого. Напротив, в июне 1853 г. царь одобрил применение «особых правил» в отношении староверов, согласно которым раскол как реальность православного мира не имел право на существование в статусе «особого общества». «Правилами» также вводились экономические ограничения, в частности, староверам запрещалось владеть имуществом посредством купли и по завещанию. Коронная власть не признавала законность метрических книг, вменив полицейским органам право контролировать ведение регистрации вступающих в брак староверов. Полиция боролась с тем, чтобы староверы не получали подаяния и пожертвования от старообрядческих структур. Приказы общественного призрения получили право брать под свою юрисдикцию раскольнические погосты и находящиеся на них культовые объекты. Полиция на местах запрещала старообрядческим общинам строить или производить ремонт своих храмов, использовать свои жилища как моленные дома, называя их церквями, возводить на крышах кресты и вешать колокола.

Согласно «Собранию постановлений по части раскола» за время правления Николая I было разработано более 490 постановлений. Государство вело борьбу с расколом, основываясь на правилах уголовно-правового законодательства. Только за период с 1842 г. по 1846 г. в стране было закрыто более 100 молитвенных домов, 147 подверглись уничтожению, более 12 отошли к официальной церкви [15]. Николай I, государственный аппарат прилагали значительные усилия, чтобы лишить староверов права на законное существование. О неполноправности общества староверов как подданных Российской империи свидетельствует возобновленная практика использования в официальных документах наименования «раскольник».

Начало второй половины XIX в. показало всю неэффективность репрессивных методов борьбы против староверов. Вал судебных дел и приговоров по ним рос с каждым годом. По данным официальных властей, количество постановляемых судебных приговоров с 1847 г. по 1852 г. составляло более 500 в год, а число лиц, состоявших под судом за «принадлежность к расколу», за этот же период достигло 26 456 [16].

Если коронная власть формулировала задачи и методы искоренения старообрядчества как опасного «контр-секулярного» движения, то перед Святейшим Синодом стояла задача духовного просвещения старообрядцев и обращения их в православную веру. Светская и церковная власть представляли собой механизм одного государственного аппарата. МВД направлялись документы в Святейший Синод на предмет консультирования по тонкостям «сложных религиозных вопросов», церковная власть излагала свою точку зрения на политические меры, предпринимаемые министерством, уравнивая тем самым «сие полицейское давление».

Утверждается, что за время правления Николая I в православие было «возвращено» более 2 млн староверов, как и то, что подавляющее большинство из этого числа продолжало придерживаться старой веры.

Выводы

1. В годы правления Николая I на МВД, органы полиции на местах государство, лично самодержец, возлагали большие надежды по обеспечению религиозно-духовной безопасности православия, в целом Российского государства. Как и при царе Алексее Романове, староверы были вновь отнесены к разряду государственных преступников, которые «вносят смуту и раскол в православное общество». Особенности конфессиональной политики данного периода стало создание специальных государственных структур по делам о расколе, законотворческая деятельность коронной власти, отражавшая принципы теории официальной народности как идеологической основы вероисповедного курса. Ужесточение законодательной базы о расколе, более «глубокое» его изучение давало возможность коронной власти более «эффективно» осуществлять принятый в отношении староверов курс.

2. Реакционная конфессиональная политика законодательно закрепляла функции полицейских органов по надзору в сфере духовного благочиния. Российское узаконение, Высочайшие повеления царя, циркуляры МВД, распоряжения губернаторов и архиереев на местах составляли обширную законодательную основу деятельности полиции в борьбе с движением раскольников. Методы надзорной деятельности органов полиции заключались в соблюдении раскольниками запретительных, ликвидационных, дискриминационных и других норм, получивших отражение в своде «Собраний постановлений по части раскола».

Область применения и перспективы. Исследовательским продолжением обозначенной проблематики могли бы стать вопросы сравнительного анализа реализуемой коронной властью конфессиональной политики в отношении староверов в таких регионах, как Поморье и Заволжье, Дон и Яик, Урал и Сибирь.

Список источников / References

1. Antology. Ed. by Walter Laquer. London, 1979. 291 p.
2. Мельгунов С. П. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. Старообрядчество. Религиозные гонения. Сектантство. М., 1919. 236 с.
3. Добротин Г. П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1897. 112 с.
4. Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Казань, 1910. 255 с.
5. Латыпов И. Р. К вопросу отношений старообрядцев Казанской губернии с государством в период правления Николая I // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22. С. 89–92.
6. Васильева С. В. Реализация государственной политики к старообрядчеству в Байкальском регионе в первой половине XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 11–16.
7. Рябцева В. А. Миграционные потоки старообрядцев в Западную Сибирь // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 24. С. 63–72.
8. Лукьянов С. А. Полиция Российской империи в противодействии религиозному изуверству в первой четверти XIX в. // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4(48). С. 26–31.
9. Сидоркин Ю. В. Полицейский надзор за раскольниками во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2(32). С. 169–174.
10. Гурлев И. В. Полиция Российской империи при Николае I (1825–1855) // Власть. 2021. Т. 29, № 3. С. 255–261.
11. Полиевктов М. А. Николай I: биография и обзор царствования. М., 1918. 392 с.
12. Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел. Кн. 8. СПб., 1862. 656 с.
13. Попов А. В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. 251 с.
14. Беликов Д. Н. Раскол в Сибири и Томске // Известия Императорского Томского университета. 1905. С. 12–14.
15. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917 // История Русской церкви : в 9 т. М., 1996. Т. 8, ч. 2. 147 с.
16. Никольский Н. М. История Русской церкви. М., 1985. 448 с.

Поступила 09.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 28.12.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

- статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;
- индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;
- сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;
- полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;
- аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);
- ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;
- основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

- статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;
- объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;
- иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;
- сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);
- в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в международные научные базы. Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;
- источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;
- самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index).

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала. Публикации в журнале бесплатные.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!